

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ

Вып. 8-й

Барнаул - 1969

01(С182.1.)
У-917

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ВОСЬМОЙ

Handwritten signature

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1969

162709

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ВОСЬМОЙ

Горно-Алт. областной
БИБЛИОТЕКА.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мултуева Е. Г. (главный редактор), Пахасов С. Я.,
Тадмев II. Е., Тадмкин В. II., Тюхтепов Т. С.,
Суразков С. С.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРНОГО АЛТАЯ ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННУЮ РАБОТУ В ГОДЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Решение женского вопроса в СССР является одним из завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. К международному женскому дню 1921 года В. И. Ленин писал: «Главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции есть втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме. А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне»¹.

С огромным интересом следил В. И. Ленин за первыми шагами веками забытой и угнетенной женщины Советского Востока, лоднившейся на борьбу за свое освобождение. После встречи в Москве в 1921 г. с делегацией женщин, на которой присутствовали узбечки, туркменки, таджички и другие представительницы национальностей Средней Азии, он говорил: «Кто может теперь еще сомневаться в победе мировой пролетарской революции, если даже самые порабощенные, самые угнетенные из угнетенных поднимаются для борьбы за свое освобождение на путях социализма»².

Алтайцы относятся к числу тех народов нашей страны, которые перешли к строительству социализма, минуя капиталистическую стадию развития. Немалую роль в непосредственном осуществлении этого процесса сыграли женщины-алтайки. Горно-Алтайская областная партийная организация, умело учитывая хозяйственно-бытовые особенности условий женщины-националок, преодолевая громадные трудности, обеспечила их приобщение к социалистическому строительству. Из среды женщин выросли способные партийные, советские хозяйственные работники, замечательные труженицы социалистического животноводства и полеводства, всего народного хозяйства области, активные участники борьбы с темнотой и невежеством, видные деятели народного образования.

Деятельность партийной организации Горного Алтая по вовлечению женщин в социалистическое строительство не нашла достаточного отражения в научной литературе. Исключение представляет диссертация Е. М. Тоцаковой, в которой дается широкая характеристика общественного и семейного положения женщины у южных алтайцев³. В предлагаемой статье автор делает попытку проследить процесс вовлечения женщин в социалистическое строительство в период 20-х годов, осветить формы и методы, которые использовала областная партийная организация в борьбе за политическую и общественную активизацию женщин.

Горный Алтай в границах современной области к моменту восстановления Советской власти в декабре 1919 г. был отсталым сельскохозяйственным районом. Коренное население — алтайцы — занима-

¹ Постраничные сноски см. в конце книги.

преимущественно животноводством. Часть алтайцев, в особенности в северных районах, под влиянием рядовых русских труженников-крестьян и в результате проникновения товарно-денежных отношений еще до Великой Октябрьской революции перешла на оседлость и в наряду с животноводством занималась земледелием. В центральных и в особенности южных районах большая часть алтайцев продолжала вести кочевой и полукочевой образ жизни. Немалую роль в жизни как оседлых, так и кочевых алтайцев играли подсобные промыслы: сбор кедрового ореха, охота, рыбная ловля.

По переписи 1920 года на территории современной области, без Кош-Агача, жило 79417 человек, в том числе женщины — 41420, т. е. более 50 процентов всего населения.⁵

Общественное и семейное положение как русских, так и алтайских женщин до Октябрьской революции было крайне унизительным. Семейное положение женщины-крестьянок определялось их местом в единоличном хозяйстве. В русской семье женщина находилась в полной зависимости, была связана путями домостроевского режима. Особенно была тяжела доля алтайской женщины. Выдавая невесту замуж, за нее получали калым-выкуп, как за какой-нибудь товар. Женщина-алтайка была рабом зайсана, мужа, брата. В алтайской семье бытовали ранние браки. Тяжелое наследие в положении женщин давало о себе знать и в первые годы Советской власти.

Экономическая и культурная отсталость Горного Алтая, следы недавнего угнетения и беспорядка, живучесть бытовых предрассудков явились причиной того, что здесь привлечение женщин-алтаек в социалистическое строительство шло несколько медленнее, чем русских женщин центральных районов страны. Но были трудности и другого рода.

Работу среди женщин затрудняла отдаленность населенных пунктов друг от друга и от областного центра. При гужевом транспорте преодоление расстояния в 500 верст от Улала (ныне Горно-Алтайск) до самых отдаленных населенных пунктов требовало очень много времени.

Активизацию женщин сдерживал исключительно низкий культурный уровень населения. В. И. Ленин в работе «Страннички из дневника» указывал на преобладание неграмотных в населении России. В Западной Сибири на каждые 1000 человек приходилось только 218 человек грамотных, из них женщины — 134.⁶ На территории Горного Алтая при царизме было всего лишь 28 церковно-приходских школ.⁶ По данным переписи 1920 года, неграмотные составляли 94 процента алтайского населения, 80 процентов русского населения, женщины были почти полностью неграмотные.⁷

Решение задачи вовлечения женщин в социалистическое строительство зависело от уровня работы партийных ячеек, которые после окончания гражданской войны находились на стадии становления; опыта работы у коммунистов, естественно, не было.

Серьезным препятствием на пути организации работы среди женщин являлось отсутствие грамотных работников.

Если ко всему перечисленному добавить кочевой образ жизни алтайцев, неудовлетворительное состояние связи, тиф и другие эпидемии, то можно представить, в какой невероятно сложной обстановке приходилось партийным ячейкам налаживать работу среди женщин.

Советская власть узаконила равноправие женщины с мужчиной. Но того было мало. Необходимо было помочь женщинам включиться в общественно-политическую и хозяйственную жизнь. Здесь недостаточно было одних декретов, даже очень хороших. Революция и Советская власть оказали влияние на жизнь женщины, пробудили их к общественному творчеству, партийные и советские органы были призваны использовать это и развивать дальше.

По мере укрепления Советской власти, партийные ячейки и волкомы

расширяли политическую и культурно-массовую работу среди населения, находили пути вовлечения женщин в хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу. На первых порах работа среди женщин шла в плане агитационно-пропагандистской деятельности: проводились собрания, митинги, конференции, съезды женщин.

Основным рычагом, при помощи которого Коммунистическая партия вела борьбу за привлечение женщин к делу социалистического строительства, были женотделы, созданные при партийных комитетах. Они начали организовываться по стране с конца 1919 года.

Руководствуясь решениями VIII съезда РКП(б), в апреле 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) опубликовало для губкомов партии специальную инструкцию по работе женотделов при партийных органах, в которой рекомендовало вводить в состав женотделов наиболее опытных работников.

После изгнания колчаковцев и каракорумцев Горный Алтай вошел в состав Бийского уезда. 23 марта 1920 года Бийским Бюро РКП(б) был утвержден состав организационного Бюро РКП(б) Горно-Алтайского уезда.⁸

16 июня 1920 г. при организационном Бюро РКП(б) в с. Шебалине был создан женотдел. Первой заведующей женотделом была назначена Зинаида Михайловна Печеникина.⁹

В ноябре 1920 года женотделы были созданы в селах Чемале, Черге и ряде других населенных пунктах.¹⁰

Быстро завоевав популярность и доверие женщин, женотделы превратились в подлинный штаб передовых женщин, работники женотделов были одновременно организаторами, агитаторами и пропагандистами. На их плечах лежала самая разнообразная работа по вовлечению женщин в активную работу по строительству нового общества: на делегатских собраниях, съездах, конференциях они разъясняли декреты Советской власти, организовывали сады, ясли, проводили субботники по оказанию помощи голодающим Поволжья и Петрограда.

Партийные организации в 1920—1921 гг. вели работу среди женщин в трех направлениях: вовлекали их в хозяйственную деятельность, советское строительство, занимались их политическим просвещением.

Женотделы партийных комитетов определяли для женщин круг конкретной практической деятельности по ликвидации трудностей восстановительного периода. В протоколе заседания Президиума Шебалинского женотдела от 27 июля 1920 г. было записано: «Принимая во внимание, что эпидемия тифов распространяется по всем уголкам Алтая и главным образом то, что в жизни Советской России могут встречаться такие моменты, когда потребуются умелые руки, преданные всей душой своему делу сестры, постановили: необходимо устроить в селе Шебалине краткосрочные курсы «красной сестры», о чем сообщить в бюро РКП(б), прося его оказать помощь в организации этих курсов».¹¹ На организованных женотделами субботниках женщины шили белье для детских приютов, вязали чулки и варежки для бойцов Красной Армии. С 1 по 15 октября 1920 г. женщинами села Шебалина был организован сбор средств и продуктов в помощь голодающим детям Петрограда. Женщины этого села также решили взять 7 голодающих детей на свое иждивение до будущего урожая.¹²

Женотделы принимали участие в открытии детских яслей. На женской конференции Паспаульской волости развернулась, например, дискуссия на тему: «стоит ли вообще открывать ясли». Сама мысль о том, что ребенка надо отдать на попечение другой женщине, многим казалась кощунственной.¹³

Но подобная косность преодолевалась.

Повсеместное создание женотделов и делегатских собраний началось после проведения 30 января 1921 года первой Горно-Алтайской уездной

конференции работниц и крестьянок, на которой присутствовало 180 женщин от 16 волостей.¹⁴

Много места в работе конференции заняло обсуждение вопроса об участии женщин в советском строительстве. Делегатки с мест рассказывали о проведенных ими собраниях, митингах, конференциях, об открытии яслей и накопленном за короткое время опыте работы. Обобщение первого опыта явилось своеобразной школой для работниц женотделов, для всех, кто имел отношение к вовлечению женщин в советское строительство. В первой половине 1921 года женотделы и делегатские собрания были созданы в селах Алтайске, Улагане, Турачке, Белый Ануи.¹⁵

На конференциях женщины обсуждались самые актуальные вопросы того времени: о происхождении неравноправия женщин, о положении женщины алтайки до Октябрьской революции, о советском законодательстве, об охране материнства и младенчества, об участии женщины в государственной и общественной жизни. В марте — апреле месяцах 1921 года волкомы РКП(б) через женотделы провели ряд беспартийных женских конференций. В Международный женский день 8 марта они были проведены в селах Чамале, Эликманаре, Черге и Паспауле. На конференциях были обсуждены вопросы, связанные с Международным женским днем и задачами женских организаций, избраны делегатки из числа наиболее деятельных женщин на губернский съезд работниц и крестьянок, который начал свою работу 16 марта 1921 года в городе Барнауле.¹⁶

Таким образом, уже в первый год работы уездная партийная организация нашла интересные формы работы среди женщин, что позволило значительно повысить их политическую активность.

Однако вся деятельность женотделов проходила в основном в волостных центрах, она почти не распространялась на отдаленные анды и стойбища, так как не было подготовленных работников. Женотделы каждой волости приглашали на собрания и женщин алтаек, где при помощи переводчиков разъясняли им завоевания Советской власти. Проводились с ними индивидуальные беседы. Однако должного развития работа среди женщин алтаек на первых порах не получила.

Бандитизм, вставший в Горном Алтае во второй половине 1921 года, прервал деятельность первичных партийных ячеек и волостных комитетов. Реальная возможность для ее возобновления создалась только летом 1922 г. после разгрома бандитизма.

Выполняя решения X съезда партии по национальному вопросу и идя навстречу пожеланиям трудящихся Горного Алтая, ВЦИК 1 июня 1922 г. принял постановление об образовании автономной области.

Для подведения первых итогов и определения содержания и характера дальнейшей работы среди женщин областным комитетом партии была созвана I областная конференция женщин. Она проходила 8 ноября 1922 г.¹⁷ На конференции присутствовало 27 человек. Социальный состав конференции: служащих 13, крестьянок-домохозяек — 13, рабочих — 1. По национальному составу: 22 делегатки русских и 5 человек алтаек. На конференции были представлены три члена партии и 5 членов РКСМ.¹⁸ В резолюции конференции была подчеркнута необходимость активного участия женщин в строительстве новой жизни.

С 1923 года наступило оживление в организации работы среди женщин. Это объясняется прежде всего тем, что к этому времени в значительной степени окрепла областная партийная организация.

Руководствуясь решениями XII съезда РКП(б), областной комитет партии стал более конкретно решать вопросы, связанные с подготовкой женщины-активисток. Прежде всего был укреплен кадрами отдел работниц и крестьянок обкома партии. Заведующая отделом была освобождена от выполнения всех других обязанностей и в помощь ей было назначено два инструктора.¹⁹ Состав областного отдела работниц выглядел тогда следующим образом: Зыкова Ксения Ивановна — заведующая отделом.

член РКП(б) с 1920 г., ее заместителем и инструктором была Орлова Людмила Сергеевна, также член партии с 1920 г., второй инструктор Морозова Ксения Емельяновна — выпускница совпартшколы г. Барнаула.²⁰

Отдел работниц и крестьянок областного комитета партии в своей практической деятельности опирался на женотделы и волостных организаторов-женщин.

Начиная с 1923 г. областным комитетом партии систематически проводилась подготовка и переподготовка кадров из числа женщин-алтаек. В августе 1923 г. были проведены месячные курсы подготовки волостных организаторов по работе среди женщин. Две выпускницы этих курсов были назначены инструкторами областного отдела работниц: одна — среди женщин-алтаек, а другая — среди русских, 7 были утверждены волостными организаторами, 26 были направлены сельскими организаторами. На первом совещании волостных организаторов 12—13 октября 1923 г., на котором присутствовали представители Майминской, Песчанской, Чемальской, Каталинской волостей, был обобщен опыт деятельности делегатских собраний по работе среди алтайского населения и заслушан доклад о задачах волостных организаторов на местах.²¹ Кроме того, в том же 1923 году отделом работниц обкома партии было направлено на учебу в совпартшколу 7 женщин, в том числе одна алтайка. После окончания школы все они были командированы на месячные курсы политического просвещения, на которых получили теоретические знания и практически познакомились с деятельностью изб-читален и принципами ликвидации неграмотности.²²

К концу восстановительного периода во всех 10 аймаках области работали квалифицированные аймачные женские организаторы, в основном учительницы коммунисты.

Еще первая областная конференция РКП(б) рекомендовала при проведении работы среди женщин строго учитывать их практические нужды, хозяйственные и личные интересы, постепенно вовлекая наиболее активных из них в общественную жизнь: в Советы, в комитеты общественной взаимопомощи, в культурно-просветительную работу. В качестве основной организационной формы этой работы были признаны женские делегатские собрания и конференции.²³

Делегатские собрания должны были стать не только школой политического воспитания и политического просвещения, но и школой подготовки новых советских работниц, школой подготовки женщин к вступлению в партию. Для решения этих задач при делегатских собраниях создавались секции. Делегатское собрание, организованное при женотделе обкома ВКП(б), имело две секции: кооперативную и охраны материнства и младенчества. Последняя занималась вопросами семейного и брачного права, вызывавшими живейший интерес у женщин. Не проходило ни одного значительного делегатского собрания, женской конференции, митинга, на которых бы строго не осуждались калым и выдача замуж малолетних. Женщинам-алтайкам разъяснялись дополнения, сделанные к статьям Уголовного и Гражданского кодексов, по которым карались насильственное похищение женщины, физическое и психическое принуждение женщины к вступлению в брак против ее воли, двоеженство и многоженство, принуждение несовершеннолетних к вступлению в брак. Калым отменялся во всех его видах, а сделки и соглашения о калыме признавались недействительными.²⁴

Для защиты прав женщины и разъяснения законов о семье и браке была организована в апреле 1925 года юридическая консультация при областном отделе работниц и крестьянок. Защиту интересов женщины на суде по поручению делегатских собраний поддерживали представительницы секции материнства и младенчества.

Об усилении авторитета делегатских собраний убедительно говорят цифры роста числа делегаток: в 1923 г. делегаток было 184, в 1924 —

316, в 1925 году их в области уже насчитывалось 1005 человек, из них алтаек — 118, кочевых казашек — 5.²³

С 1925 года при аймачных партийных комитетах, партийных ячейках или под руководством отдельных коммунистов (где не было партийной и комсомольской организации) создаются делегатские собрания женщин-алтаек, в 1925 году было 118 делегаток, в 1926 году — 138 делегаток, в 1927 году — 287 делегаток из числа женщин-алтаек.²⁴

Для приобретения женщинами практических навыков работы в отделах и учреждениях советского аппарата при женотделах был создан институт практиканток или выдвиженок. Женотдел с Миюты посылал своих практиканток в сельсовет, в школьный совет и интернат при школе.²⁵ В селе Майме делегатки, прикрепленные к секциям сельского Совета, занимались выявлением неплательщиков налогов и контролем за правильной выдачей ссуд.²⁶ Делегатки лавочной комиссии села Удалы следили за порядком в магазинах. В областной газете делегатки рассказывали: «Сначала к нам, членам лавочной комиссии, сотрудницы магазинов относились с недоверием. Много было упреков как бы на неправильные действия комиссии, но все это прошло, и теперь работники магазинов, правление относятся к комиссии с большим вниманием, помогают нам в работе и даже на общем собрании паищиков женщины, члены лавочной комиссии, выбрали членом правления».²⁷

Однако не все партийные ячейки правильно понимали назначение практиканток. Выдвиженки в своих отчетах сообщали о недоверчивом отношении к ним со стороны мужчин: «Баба и ничего не знаешь, потому не суй нос куда не следует». Нередко им поручались второстепенные работы. В селе Катанде председатель крестьянского комитета взаимопомощи откровенно рассказывал, что задание для выдвиженок у него обычно было такое: вымыть пол в народном доме и в избе-читальне. В Нижне-Уймонском крестьянском потребительском обществе практикантке при ревизии кооператива поручали «выгружать зерно из одного сусека в другой».²⁸

Опорным пунктом деятельности женотделов в развертывании культурно-просветительной работы среди женщин являлись народные дома, клубы, избы-читальни, юрты-передвижки. В клубах для женщин проводились беседы, лекции, тематические вечера, ставились любительские спектакли. Тематика вечеров была самая разнообразная: «Женщина в прошлом и настоящем», «О преде пьянства», «О Дне 8 марта», «Роза Люксембург».

Интересно строилась работа с женщинами в избах-читальнях. В определенные дни женщины приходили сюда, чтобы послушать, о чем пишут в журналах, газетах. Они приносили с собой рукоделье, прялки, и за работой велись интересные беседы о том, что происходит в стране и за границей. Молодежь устраивала концерты, пела песни, частушки под гармонь.²⁹ В клубах и избах-читальнях создавались пункты по охране материнства и младенчества, женские и детские консультации.

Учитывая кочевой образ жизни женщины алтайки, областная партийная организация использовала для проведения культурно-просветительной и агитационно-массовой работы юрты-передвижки. Красная передвижная юрта имела двух постоянных работников: организатора по работе среди женщин (она же заведующая юртой) и медицинского работника. Юрты украшались красными флагами, располагали библиотекой, выставкой по охране материнства и младенчества, плакатами, картинами. Юрты-передвижки организовывали кружки ликвидации неграмотности, агитации, гигиены. Здесь проводились беседы на общественно-политические темы. Юрты кочевали от урочища к урочищу. Большую разъяснительную работу среди женщин-алтаек проводили разъездные агитаторы, или, как их в те годы называли, «кочующие агитаторы». Снабженный библиотекой, проекционным фонарем, газетами, средствами наглядной

Растет число женщин в составе Советов, о чем свидетельствует приведенная ниже таблица:

Было избрано	1925 г.		1926 г.	
	женщины	% к общ. числу	женщины	% к общ. числу
В состав облисполкома	1	5,5	2	7,4
В состав сельских Советов	52	4,3	79	8,835
В состав ревизионной комиссии	сведений нет		7	2,436

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о том, что самое активное участие женщины принимали в работе сельских Советов. Если в 1923 г. женщин-алтаек членов сельсоветов было 4 процента, то в 1925 году — 12 процентов.²⁷

Важным средством вовлечения женщин в активную политическую и общественную деятельность являлись выборные комиссии потребительской кооперации, комитетов крестьянской взаимопомощи.

Женщины села проявляли большой интерес к хозяйственной кооперации. Партийная ячейка Горного Алтая привлекла женщин к проведению отчетно-выборных компаний органов кооперации и организации контроля за их деятельностью. Инициаторами в этом большом и нужном деле были делегатки. Работая в лавочных комиссиях, они помогали кооперативам в изучении спроса покупателей и приобретении товаров первой необходимости. К 1926 г. пайщиками потребительской кооперации Горного Алтая являлись 601 женщина, в правлениях кооперации работало 13, в ревизионных комиссиях 5 женщин.²⁸

К участию в общественной жизни женщины поднимало само время. Не только на словах, но и на собственном опыте женщины убеждались, что Советская власть принесла им подлинное раскрепощение. На страже прав женщин стояли органы суда и прокуратуры.

О повышении политической зрелости и общественной активности женщины области можно судить по росту рядов партии. В 1925 г. членов и кандидатов партии женщины было 57 человек, или 11 процентов, в 1927 году — 120 человек, или 18 процентов к общему составу областисей партийной организации.

Некоторые итоги положительного влияния работы среди женщин на решение вопросов хозяйственного и бытового переустройства подвела областная партийная конференция в 1927 году.

Потребовался не один год деятельности партийной ячейки, чтобы делегатки с. Актепа начали отправлять своих детей в школу. Две делегатки из этого села перестроили юрты под стойла коров, а сами перешли в набу, говоря, что так дадут коровы больше молока, да и молоко будет жирнее. Они заявляли, что об этом они слышали на делегатском собрании и в книжках об этом написано. В урочище Кулада делегатки поставили выписать на артельных началах швейную машину, на которой можно было шить себе и детям верхнюю одежду. В отдаленном селе Балыктуюле женщины настояли открыть в местной лавке кооперации юлку матери и ребенка. Женщины Горного Алтая с помощью партийных и советских органов смелее стали решать вопросы улучшения ведения хозяйства. По их инициативе в селах Улаганского, Усть-Канского, Шебалинского и Онгудайского аймаков были засеяны коллективные огороды, причем в селах Шебалине и Онгуде посадку проводили под наблюдением агрономов. Женщины-алтайки села Коркобы Шебалинского аймака на делегатском собрании постановили перейти на оседлость и сговаривали к этому своих мужей.²⁹

Обобщая сказанное, есть все основания утверждать, что деятельность партийных ячеек и комитетов Горного Алтая среди женщин в вос-

становительный период заложила прочную основу для массового вовлечения женщин в строительство социализма. Но возможности были ограничены. Еще оставалось единоличное хозяйство, которое приковывало женщину к домашнему очагу, делало ее зависимой от мужа неизбежной, тяжелым бременем ложился на женщину-алтайку кочевой образ жизни.

Перед партийными организациями стояла задача дальнейшего укрепления женщины на путях общественного производства. Такой путь открывала перестройка сельского хозяйства на социалистических началах.

Д. И. ТАБАКОВ

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЧУЙСКОГО ТРАКТА

Чуйский тракт — одна из своеобразных и самых красивых шоссейных дорог нашей необъятной Родины. По нему с давних времен* когда он был еще узкой, опасной горной тропой, коренные жители Горного Алтая совершали переходы от одной стоянки к другой, держали связь с соседними племенами и народами. Проходили века, а тропа не претерпевала никаких изменений. Весь Горный Алтай представлял собой край бездорожья, край горных звероных троп.

В летописи Чуйского тракта, как и в зеркале, отражена история Горного Алтая. О многом может повествовать каждому путнику эта, одетая за годы Советской власти в асфальт, таежная дорога.

Чуйский тракт имеет огромное хозяйственное, культурное и политическое значение.

Пересекая Горный Алтай с севера на юг, проходит через его основные населенные пункты, обеспечивая выход районам и селам области в центр, он служит материальной базой для развития экономики Горного Алтая. Тракт непосредственно связывает область с железнодорожными и водными путями Сибири. Недаром Чуйский тракт называют «жизненной артерией» Горного Алтая.

По этому тракту наша страна ведет торговлю с Монгольской Народной Республикой. В скором времени тракт Новосибирск — Барнаул — Бийск свяжет Горный Алтай с автомагистралью Москва — Дальний Восток, что повысит хозяйственное значение Чуйского тракта и усилит связь нашей области с другими районами страны.

По Чуйскому тракту прошли первые исследователи Горного Алтая, по нему происходило заселение русскими крестьянами, внесшими существенный вклад в освоение алтайцами передовой культуры и письменности. По этому тракту в алтайские села были доставлены первые книги, газеты, журналы, протянуты первые провода телефонной связи, радио и электричества. По этой трассе пришли в наши села первые автомашины, тракторы, комбайны.

По Чуйскому тракту через горные цепи и порожистые речки пронахледи в таежный Горный Алтай марксистско-ленинская революционная теория, Великий Октябрь и имя Ленина, принесшие алтайскому народу свободу и счастье.

Впервые в Горном Алтае в селах Шебалине, Оигулае, а затем в других населенных пунктах, расположенных на Чуйском тракте, были созданы Советы солдатских и крестьянских депутатов, сыгравшие огромную роль в борьбе за установление Советской власти и проведении первых декретов Советского правительства.

В годы гражданской войны Чуйский тракт явился местом героических схваток красных партизан и красноармейцев с отрядами белогвардейцев и кулацких банд. Как красноармейцы и партизаны, так и белогвардейцы стремились овладеть главными населенными пунктами тракта и постоянно держали его под своим тщательным контролем. В эти годы по тракту в Монголию и Китай устремились контрреволюционно-уголов-

* Первые упоминания о Чуйском тракте, вернее тропе, относятся к XIV—XV вв.

ные элементы, убегающие от правосудия революционного народа. Овладеть Чуйским трактом для партизан — значило преградить путь всему этому контрреволюционному потоку, надевшемуся проскочить в Монголию и сосредоточить там силы, чтобы начать новый поход против молодой Советской республики.

Жесткие сражения красноармейцев и партизан с белогвардейцами происходили почти на всем протяжении тракта Партизаны, засевшие в бобах, встречали карателей меткими выстрелами. Особенно большие бои произошли у сел: Айского, Шебалина, Топучей, Туекты, Ини, у бовов Коркечу и Белый. С историей тракта связано прошлое, настоящее и будущее трудящихся Горного Алтая.

Прежде чем перейти к изложению вопроса строительства тракта в советское время, необходимо проследить хотя бы в основных чертах до-революционную историю этого древнего торгового пути из России в Монголию и Китай.

В дореволюционный период он представлял собой горную тропу. Во время перевозки грузов вьючно-караванным путем путнику и его лошади на каждом шагу грозила опасность сорваться и свалиться в пропасть или ущелье. Первые русские сведения о тракте относятся к 1788 году, когда торговцы по Чуйской вьючной тропе возили свои товары на ярмарку в верховья реки Чуи. В девяностые годы прошлого века были предприняты первые попытки пробить колесный путь в горной части тракта. Колесный путь в голодной части тракта — до современных сел Черги и Шебалина существовал еще в начале девятнадцатого века. К концу 1902 года были завершены значительные работы по расширению вьючной тропы, она из вьючной тропы стала колесной дорогой на всем своем протяжении. Тракт в то время проходил в направлении Бийск — Старая Белокуриха — Алтайское — Черга — Шебалино — Онгудай — Кош-Агач, и кратко его называют старым, или левобережным.

Некоторые улучшения тракта проводились до начала первой мировой войны, но они по объему были небольшими, носили местный и случайный характер.

В 1913—1914 годы, в летнее время, в Горном Алтае вела изыскательные работы экспедиция под руководством известного русского писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова. Ей предстояло отыскать лучший вариант для продолжения кратчайшего пути в Монголию. Партией В. Шишкова были обследованы и составлены карты как правобережного, так и левобережного варианта тракта. На вопрос, как провести лучше тракт, — не был еще дан ответ.¹

Империалистическая война прервала изыскания. В Я. Шишков со своей партией возвратился в г. Томск, где была проведена обработка материалов, собранных за два года.

С установлением Советской власти в Горном Алтае трудящиеся активно включились в общую борьбу всего советского народа за восстановление разрушенного войной народного хозяйства и дальнейшее его развитие.

Среди многих проблем, которые предстояло решить, одно из первых мест занимало дорожное строительство. Проведение дорог в свою очередь при наличии колоссальнейших препятствий в виде горных хребтов, ущелий, требующих скальных разработок, и преодоления многочисленных горных рек, являлось делом чрезвычайно сложным и трудным.

Еще в 1920—21-е годы Алтайский комитет государственных сооружений пытался осуществить некоторые работы для поддержания проезжей части тракта, но их проведению мешал бандитизм.

Образованный в начале 1922 года Бийский отдел государственных сооружений составил план строительно-ремонтных работ на 1922 год, по которому предполагалось построить три паррома через реку Катунь от бова Коркечу до села Ини стоимостью 40 000 рублей каждый, а также

дамбы и водоотводные каналы на сумму 169 000 рублей.² Однако эти работы из-за отсутствия средств не были выполнены полностью. Был построен только мост через реку Чую, приведено в сравнительно проезжее состояние начало тракта до села Верх-Комары. 1922 год поэтому и считается годом начала восстановительных работ на Чуйском тракте.

В 1923 году восстановительные работы были продолжены. На средства, отпущенные Народным Комиссариатом Путей Сообщения в летнее время были построены три парома через р. Катунь на двенадцать подвод каждый. Действующие ранее паромы в 1920—1921 годы были уничтожены белогвардейскими бандами, которые оторвали двойные канаты, и паромы, унесенные течением, разбились о камни.

Начальные восстановительные работы проводились в основном в степной его части до 110 километра: смягчались уклоны, убирались с тракта камни, исправлялись ухабы, устраивались водоотводные каналы, ремонтировались существующие и строились некоторые новые мосты. В этот период тракт на всем протяжении представлял собой обычную грунтовую дорогу.

26 мая 1922 г. Чуйский тракт был Постановлением ВЦИК признан трактом государственного значения.

Для быстрой, конкретной и плановой организации изыскательных работ необходимо было образовать специальный орган, который ведал бы всеми вопросами строительства тракта.

Создание такого органа было санкционировано Постановлением ВЦИК от 23 августа 1922 года.³ Им стал так называемый третий участок, который был образован 13 сентября 1922 года.⁴

В декабре того же года постановлением Сибревкома от 31 октября 1922 года Чуйский тракт официально был передан в ведение этого вновь организованного участка.⁵

Управление третьего участка непосредственно подчинялось Сибирскому отделу местного транспорта (СибомТ). На первых порах штат третьего участка состоял из двух человек: начальника и письмоносца. Первым начальником был Бутылин А. А., письмоносцем — Русинова А. К., она же исполняла обязанности секретаря и бухгалтера.⁶

Вскоре штат был увеличен на 2 единицы — техников. К концу 1923 года в штате третьего участка состояло 13 человек. На 1 сентября 1924 года в штате участка насчитывалось уже 74 человека. Третий участок был разбит на три дистанции пути.

Первыми дорожными мастерами дистанции были коммунист Шадрин К. Ф. и Гусев В. П. — оба участники гражданской войны.

Увеличение штата дало возможность еще с осени 1922 года по январь 1923 года произвести первые обследования состояния Чуйского тракта. На основании производственного обследования был составлен план на 1923 год, по которому были отремонтированы два парома и построены 14 мелких мостов.

Чуйский тракт был объектом постоянного внимания Ойротского обкома партии и облисполкома, которые понимали, что без хороших дорог, связывающих все районы области, невозможно вырваться из вековой экономической отсталости. Вот почему ими со дня образования автономной области перед правительством неоднократно ставились вопросы об оказании помощи в восстановлении Чуйского тракта, его ремонте и содержании за счет государственных средств.

Первому областному съезду Советов, открывшемуся 1 мая 1923 г., был представлен доклад областного экономического совета, по которому смета на текущий год по ремонту тракта была определена в сумме 169 349 рублей золотом. Смета была представлена в Сибревком. Однако последний отказал в их представлении из-за отсутствия средств.

11 марта 1924 года в г. Улале президиум Ойротского облисполкома рассмотрел вопрос о возбуждении перед Советским правительством

ходатайства об освоении Чуйского тракта и отпуске для этих целей 43 750 рублей золотом.

На этом же заседании президиума было выделено для предварительного обследования тракта из областных ресурсов дополнительно 20 000 рублей.⁷

В 1923—1924 гг. облисполком рассматривал также вопросы, связанные с регулированием движения на тракте, установленном легковой и почтовой гоньбы, организацией ямских станций для перевозки пассажиров, работников госучреждений и почты.⁸

В 1924—1925 годы разворачиваются ремонтно-дорожные работы в горной части тракта за с. Онгудаем.

Производить их приходилось в труднейших условиях. Все работы велись вручную. Не хватало простых орудий труда: лопат штыковых, лопат подборных строительных, ломов, кайл двухконечных, кувалд, тачек.

Большие ремонтные и изыскательные работы были произведены в 1924—25 годы на перевале Чике-Таман, что дало возможность совершить в 1925 году впервые по Чуйскому тракту семь рейсов автомобилями Госторга и акционерного общества «Шерсть» до Кош Агача и обратно.⁹ На преодоление пути затрачивалось по 15—20 дней. В силу малого угла разворота автомашинам на поворотах приходилось по нескольку раз делать маневры, чтобы проехать. На перевале Чике-Таман при подъеме необходимо было преодолеть 24 зигзага (тракт в то время поднимался на перевал прямо по логу, протянувшемуся влево), а при спуске — 23 зигзага.

В 1925 году установилось сравнительно нормальное движение туземного транспорта.

Для предотвращения случаев умышленной порчи полотна тракта облисполком 6 апреля 1925 года принял обязательное постановление № 3,98 «О мерах охраны Чуйского тракта».¹⁰

Строительные работы на Чуйском тракте с самого их начала носили плановый характер. С 1922 года составлялись ежегодные планы.

В соответствии с предложением Госплана РСФСР от 2 ноября 1925 года¹¹ руководители третьего участка составили проект пятилетнего плана строительства и реконструкции Чуйского тракта на 1926—1930 годы, по которому ориентировочная смета на работы по приведению тракта в состояние, годное для автомобильного движения, составила 1 470 409 рублей.¹² При рассмотрении этого плана в сибирских краевых органах капиталовложения в Чуйский тракт были сокращены наполовину.

В план развития Чуйской дороги не был включен Улалинский тракт (Бийск—Майма—Улала), который находился в ведении Бийского окружкома. Последний определил сумму, необходимую для строительства Улалинской трассы, в размере 414 448 рублей,¹³ однако в 1926—27 годах намеченные планом работы не производились. С целью уточнения трассы Чуйского тракта, отыскания лучшего его варианта на отдельных участках, а также для определения материальных затрат были в 1926 году произведены дополнительные изыскания к вариантам, предложенным в свое время экспедицией В. Шишкова. Обследованием тракта занималась изыскательная партия В. И. Пызина.

Сначала этой изыскательной партией были произведены инструментальные поиски по обходу Камаринского перевала по долинам рек Сарасы, Беленькой, Булукты и Черги, а затем она приступила к всестороннему обследованию перевала Чике-Тамана. Еще до этого, в 1925 году, В. Пызиным здесь проводились изыскания по определению наилучшего перехода через перевал. Главное внимание тогда было обращено на безошибочный выбор правильного направления. В течение 1926 г. были изысканы возможности уменьшения количества земельных работ и смяг-

чения профиля по тому направлению трассы, где она проходит в настоящее время. Окончательные изыскания позволили впоследствии сократить все работы на 25%, в том числе количество подпорных стенок до 40%.

Затем последовало обследование этой партией обхода горы Аржанту, Узун-Бома и Ер-Бома и переходов через реку Катунь. Уже в то время предполагалось строительство мостов вместо существовавших тогда паромов и для этого отыскивались удобные места. Лично В. Пызиным была обследована новая трасса по левому берегу Катунь с разработкой трех бомов Коркечу, Уркош, Еломак, где тракт проходит в настоящее время.

В последние недели работы партией были произведены дополнительные обследования спуска с Семинского перевала до села Топучей.

В середине сентября 1926 г. партия возвратилась в г. Бийск, где был составлен отчет о проведенных работах.¹⁴ Эти изыскания, в 1927 году позволили закончить прокладку тракта по новой трассе на перевале Чике-Таман и открыть по нему движение.¹⁵ Успешно велась дорожная работа на отдельных участках тракта в горной его части.

Ускорению темпов строительства мешали споры, возникающие между областными и центральными проектными и строительными организациями по вопросу выбора окончательного варианта дороги. Были сторонники левобережного, уже действующего в то время направления Бийск—Алтайское—Черга—Шебалино—Онгудай—Кош-Агач и правобережного (Катунского) направления: Бийск—Майма—Чемал—Каянча с соединением его со старым направлением у борма Коркечу. Выдвигался и третий вариант, соединение нового направления со старым в селе Черге. Большинство было за Катунский вариант, в том числе областные руководители. Доводы областного руководства в защиту этого варианта сводились, примерно, к следующему.

1) крайне неблагоприятные рельефные, почвенные и другие условия в старом направлении, в том числе наличие нескольких перевалов и более длинная протяженность;

2) общее расширение и укрепление торговых связей СССР с Монгольской Народной Республикой, хозяйственный рост самой области, дальнейшее развитие ее внутренних и внешних связей потребуют создания кратчайшего пути, бесперебойного движения и быстрейшего снабжения;

3) наличие прекрасного естественного грунта в направлении Бийск—Чемал—Коркечу позволяет сократить материальные затраты.

Для дополнительного обоснования этого варианта по указанию областных руководящих органов краеведческим музеем была организована экспедиция, которая занималась изучением распространения промыслов и кустарных производств, их технического и экономического состояния в районе предполагаемой трассы. По распоряжению Центрального управления местного транспорта (ЦУМТ) инженером Миндюк Фомой Павловичем в 1927 году были произведены технические изыскания в этом же направлении на участке Усть-Сема—Каянча—Коркечу.¹⁶ Результаты обследования он представил в ЦУМТ. Туда же были представлены проектные данные, полученные изыскательной партией на перегоне Бийск—Майма—Усть-Сема, организованной Сибирским управлением местного транспорта в том же году. Проектировался в то время еще и четвертый по счету вариант строительства Чуйского тракта — Ороктойский, сущность которого заключалась в том, чтобы соединить правобережное направление тракта с левобережным через Талдинский перевал. Технические изыскания этого варианта были произведены в 1925 году, но он был отклонен, так как ошибочность его была очевидна.

Против прокладки тракта по правому берегу Катунь выступили местные органы аймаков, по территории которых должен был проходить тракт или которым он непосредственно давал выход. Хотя Катунский

вариант сокращал путь до Монгольской границы, он оставлял в стороне важнейшие густонаселенные села и аймаки Горного Алтая, как Шебалинский и Онгудайский, не давал непосредственного выхода и связи с областным центром таким аймакам, как Усть-Канский, Усть-Коксинский. Наиболее полно отвечал потребностям области проект строительства тракта в направлении Бийск—Майма—Усть-Сема с переходом на левый берег и соединением его в с. Черге со старым направлением. Но строительно-дорожные работы на этом участке в 1927—1928 годы не были начаты. Были проведены только некоторые технические обследования для уточнения трассы по этому направлению.

Для непосредственной организации строительных работ по правобережному варианту 1 октября 1926 г. крайним управлением местного транспорта был образован второй самостоятельный участок шоссеиных и грунтовых дорог, в ведение которого был сначала передан старый Чуйский тракт к югу от Туекты, затем его новое правобережное направление.¹⁷

Начальником был назначен т. Безответов Н. Е., который с 1926 г. руководил третьим участком. Материальные ценности третьего участка, а также рабочая сила были переданы вновь созданному дорожному участку Контора второго участка находилась в с. Майме.

Дорожные работы на участке Бийск—Майма были начаты ранней весной 1929 года. Основные виды работ на этой линии были закончены к лету. В апреле—мае 1929 года через реку Майму был построен деревянный мост, и уже в июле прошла первая автомашинка по новой трассе. Тракт представлял обычную дорогу, движение по нему было возможно только в сухую погоду. Через реку Ишу существовала паромная переправа, которая находилась в плохом состоянии. Как и на других паромных трактах, движение и грузоподъемность по нему были ограничены.

С вводом в эксплуатацию этого отрезка пути дорожные работы по расширению полотна и улучшению покрова дороги не прекращались. Это дало возможность к 1930 году наладить сравнительно регулярное движение грузовых и пассажирских автомашин и впервые официально утвердить таксу проезда и провоза багажа от Улалы до Бийска. Стоимость билета составляла 17 рублей в сухую погоду и 21 рубль в распутицу.

15 апреля 1929 года начались строительные работы на участке Майма—Усть-Сема—Чемал. До этого существовала колесная дорога, которую в 1868 году проложил трудом полурабов алтайский зайсан Барабаш Козогошев.

Тракт строился по проекту В. Я. Шишкова с некоторыми дополнениями по результатам изысканий 1928 года. При укладке тракта скальные работы были проведены на Мультинских бормах. Всеми строительными работами руководил дорожный отдел облисполкома.

В 1929—1930 годы строительные работы были развернуты на всем протяжении правобережного направления тракта. Второй дорожный участок был разбит на четыре района строительства: первый район: Бийск—Майма; второй район: Майма—Чемал; третий район: Чемал—Едиган—Каянча—Коркечу; четвертый район: Туекта—Онгудай—Кош-Агач.

К 1933 году количество строительных районов достигло семи. В отдельный район был выделен участок Усть-Сема—Черга, строительные работы на котором начаты в 1929 году. Из сибирского краевого бюджета на постройку участка было выделено 4598 рублей,¹⁸ однако они полностью не были получены.

Большую помощь в проведении дороги оказали жители сел Камлака, Черги, которые бесплатно участвовали в производстве земляных работ, корчевке и вывозе леса. Был построен деревянный мост у села Камлак. Ойротский облисполком 1 апреля 1931 года отпустил из местного бюджета

та на дорожные работы на этом участке 10 тысяч рублей. В результате совместных усилий строительных организаций и местного населения строительство дороги к 1934 году было закончено, и тракт на этом отрезке сдан в эксплуатацию.

Ход строительства Чуйского тракта в течение 1929—33 годов неоднократно обсуждался на заседаниях обкома партии и облисполкома, решения которых были направлены на усиление темпов работы, улучшение материального обеспечения, культурного и медицинского обслуживания рабочих, находящихся непосредственно на участках, привлечение к этому важному делу всего трудоспособного населения.

19 июля 1930 года облисполком, рассмотрев вопрос о ходе дорожных работ на Чуйском тракте, принял меры по ликвидации перебоев в кредитовании с целью обеспечения рабочих инструментом, хлебом, спецдеждой и палатками, разработал мероприятия по улучшению организации труда, удешевлению дорожного строительства и осуществлению рационализаторских предложений.¹⁹

28 сентября 1930 года президиум облисполкома вернулся к рассмотрению вопроса о строительстве Чуйского тракта.²⁰ Был заслушан доклад начальника доротдела Брылевского И. И. о состоянии Чуйского тракта. Тракт на перегоне от границы Бийского округа до с. Туекты был разбит на 80—85%, для передвижения автомобильного транспорта непригоден, для гужевого движения с нагрузкой телеги он мог быть использован лишь на 50%. Особенно труден был участок Шебалино—Топучая—Семиинский перевал. На участке от с. Туекты до с. Ини автомобильный транспорт использовался с нагрузкой 60—70%. От с. Ини до государственной границы тракт давал сравнительно нормальный проезд гужевому транспорту (на 70—80%) и автомобильному (на 60—70%) с нагрузкой автомашины на 30%. Президиум облисполкома предложил срочно произвести текущий ремонт на участке Шебалино—Семиинский перевал. Строительный сезон был продлен до первого ноября текущего года с уплотнением рабочего дня и рационализацией дорожных работ. Рабочие были переведены на сдельную оплату труда, повсеместно были организованы ремонтные бригады. Начальнику доротдела предлагалось еженедельно информировать председателя облисполкома о ходе строительных и ремонтных работ.

Большие помехи для нормальной эксплуатации тракта создавали снежные заносы. 4 декабря 1930 года облисполком принял в связи с этим обязательное постановление по вопросу зимнего содержания тракта.²¹ В соответствии с этим постановлением для работ по ликвидации последствий снежных заносов привлекалось население области в возрасте мужчины от 18 до 45 лет, женщины от 18 до 40 лет. От трудовой повинности освобождались инвалиды, больные и лица с физическими недостатками, рабочие и служащие ряда учреждений, учащиеся учебных заведений, женщины, имеющие детей до восьмилетнего возраста при отсутствии другого лица, ухаживающего за ребенком, женщины беременные и кормящие грудью. Была также установлена гужевая повинность.

Для выполнения трудовой повинности привлекалось население, живущее в радиусе 30 километров по тракту, и для гужевой повинности — в радиусе 50 километров. Чуйский тракт с этой целью был разбит на участки. Постановлением предусматривалась ответственность за уклонение от борьбы со снежными заносами: первый раз — штраф до 15 рублей или принудительные работы до двух недель, второй раз — привлечение к уголовной ответственности. Особо выделялась ответственность, которой подвергались кулаки. Они облагались штрафом в трехкратном размере и привлекались к более строгой уголовной ответственности при повторном уклонении.

При проведении тракта решались не только вопросы участия населения в дорожном строительстве, но одновременно принимались меры.

не допускающие порчу и уничтожение хлебных и кормовых культур в ходе дорожных работ. В этом проявлялась забота советских органов об интересах трудящихся. Президиум Ойротского облисполкома 17 января 1930 года в своем специальном постановлении по этому вопросу отмечал, что «проводимое дорожное строительство в области ни в какой мере не должно причинять ущерба отдельным крестьянским хозяйствам».²²

Дорожный отдел облисполкома обязан был предупреждать население о направлении строящихся дорог и этим предотвратить бесполезную затрату труда, времени и средств на запашку отходящих под дорожную полосу земельных участков. Если причинялся ущерб, то он возмещался государством после определения его суммы специальной комиссией. Оплата не подлежала естественные насаждения, травы и многолетние кормовые культуры. Это постановление послужило юридическим основанием для разбирательства разногласий, возникавших на местах.

Строительные работы в правобережном направлении тракта шли полным ходом, но споры вокруг него не прекращались. 4 декабря 1930 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял решение о прекращении работ на катунском направлении впредь до окончания изысканий, за исключением работ, необходимых для поддержания полотна и прежнем состоянии и связанных с заготовкой стройматериалов.²³ Такое решение было принято с той целью, чтобы усилить ремонтные работы на старом направлении тракта и не допускать распыления средств.

26 декабря 1930 года состоялось внеочередное заседание президиума облисполкома, на котором был рассмотрен вопрос о реализации решения СНК РСФСР от 4 декабря 1930 года о катунском варианте. Президиум облисполкома на основании приказа Главдорстроя от 15 ноября 1930 года передал управлению дорожного строительства при Главдортранспорте РСФСР существующее направление Чуйского тракта в пределах области для приведения его в автопроезжей состояние и поддержания полотна дороги.

Передача материалов и имущества управлению дорожного строительства произошла в селе Майме 27 декабря 1930 года. Несогласные с таким решением вопроса областные органы ходатайствовали перед правительством Российской Федерации о возобновлении приостановленных работ, в силу чего на катунском направлении в начале 1931 года строительные работы снова были продолжены.

1 апреля 1931 года состоялся внеочередной президиум облисполкома, обсудивший вопрос «О дорожном строительстве в области».²⁴ Но в основном на заседании разговор шел вокруг дальнейшего строительства Чуйского тракта. В принятом постановлении большое внимание было уделено материально-бытовому обеспечению рабочих, борьбе с текучестью кадров и организации трудоучастия населения в дорожном строительстве. Было отмечено, что строительство тракта государственного значения может быть успешно разрешено только при условии мобилизации сил общественных организаций, колхозников, бедняцко-средняцких масс деревни. Аймакисполкомы и сельсоветы должны были оказать полное содействие администрации тракта, развернув массовую кампанию среди местного населения по разъяснению значения строительства Чуйского тракта и добиться всесторонней помощи с их стороны. Было обращено внимание редакция гзет «Ойротский край» и «Красная Ойротия» на необходимость полного освещения хода строительства тракта и оказания помощи в мобилизации местного населения и общественности на борьбу с бездорожьем.

В целях ускорения работ и их координации, обеспечения стройматериалами, техникой и рабочей силой при облисполкоме был организован комитет из пяти человек, в который вошли от облисполкома Хабаров от обкома ВКП(б) — Козах, РКК — Каини, ОГПУ — Накали, облпрофсовета — Палкин.

В области бытует мнение, что Чуйский тракт якобы построен полностью трудом заключенных. Такое ошибочное мнение возникло в силу незнания действительных обстоятельств и фактических материалов по истории тракта. Чуйский тракт до 1933—34 годов и в последующие годы строился исключительно за счет государственного и местного бюджетов путем найма рабочих по трудовым договорам, а также за счет трудового участия населения.

Привлечение трудящихся к дорожной повинности было закреплено законодательно. Еще 23 августа 1925 года ВЦИК издал постановление о трудоустройстве населения и дорожном строительстве. В последующие годы были изданы другие нормативные акты, регулирующие данный вопрос. Большое значение имело постановление ЦИК и СНК от 10 августа 1931 года «О дорожном строительстве и трудовом участии в нем населения». На основании этого документа было принято специальное положение о трудовом участии населения в дорожном строительстве. Областные и местные органы на местах определяли конкретную форму и объем трудового участия населения и явились подлинными вожаками проведения этого важного государственного мероприятия. На местах были открыты курсы подготовки работников по организации трудового участия населения, которые занимались по специальной программе. При облдоротделе был создан сектор из трех человек для правильного руководства дорожным строительством за счет трудоустройства населения.

Если в 1930 году было вложено в дорожное строительство области госкредитов около 400 тысяч рублей, а трудоустройство населения в денежном выражении составляло более 10 тыс. рублей, то в 1931 году соответственно 1,5 млн. и 37 тыс. рублей, в 1932 году — 4 млн. и 200 тыс. рублей.

Трудовое участие населения проходило под призывами «Бездорожье — бич дорожного хозяйства», «Война бездорожья», «В помощь сельскому хозяйству создадим мощное дорожное строительство», «Автомобиль и шоссе укрепляют смычку города с деревней», «Автомобиль и шоссе ускоряют социалистическую перестройку деревни», «Автомобиль и шоссе повернут старый уклад деревенской жизни к новому культурному быту».²

Темпы дорожных работ особенно усилились в связи с подготовкой к празднованию десятой годовщины образования автономной области. Работы были отнесены к ударным. Впереди шли коммунисты и комсомольцы, широкий размах приняло социалистическое соревнование между районами, селами, колхозами, сельскими Советами, дорожными учетками, бригадами. Лучшим строителям вручались премии, почетные грамоты, присваивалось звание почетного ударника и выдавались билеты ударника. Передовые рабочие вносились на красную доску, лодыри и пьяницы — на черную доску. В области хорошо были известны бригады Шестакова и Липунова. Бригада Липунова выполняла норму выработки скальных работ на 190%. В 1932 г. имелось 12% ударников к общему числу рабочих. План на 1932 год был перевыполнен на 12%, и стоимости строительства снижена против планового задания на 19,7%.

Большую роль в организации ударничества и социалистических методов труда сыграли партийные организации участков и стройкомы Чуйского тракта (фактически первые профсоюзные организации), которые явились подлинными зачинщиками социалистического соревнования между бригадами, вывода отстающих бригад в передовые, выявления всех неграмотных и малограмотных и обучения их. Союз строителей объединял почти 60% рабочих. Членом союза мог стать только тот, кто это заслужил своим самоотверженным трудом. В члены принимались батраки и бедняки, проработавшие два месяца на одном месте, середняки проработавшие три сезона на стройке; колхозники — через два месяца после поступления на работу на стройку.³

По-прежнему проводились месячники по борьбе с бездорожьем.

Был создан областной штаб по проведению месячника в составе пяти человек. Постановлением президиума облисполкома от 20 сентября 1932 года были утверждены контрольные цифры дорожных работ на 1932—33 годы за счет трудоучастия населения по области: на 1932 год 415 тыс., на 1933 год — 420 тыс. рублей.

В общей сложности план трудового участия населения по области в 1932 году был выполнен на 111%, в 1933 г. — на 102%.

Вопросы дорожного строительства в области, и прежде всего Чуйского тракта, явились предметом обсуждения совещания, состоявшегося 26 сентября 1932 года в г. Москве у заместителя начальника Главдор-транспорта Лаврова Ф. Я. На совещании от нашей автономной области участвовали Брилевский М. И. и Ялбачев М. И. — представители области при ВЦИК и СНК РСФСР.

После обсуждения доклада Брилевского «Проблемы дорожного строительства и автотранспорта Ойротии»²⁸ было решено отпустить области в четвертом квартале 1932 г. 2 грузовые, 1 легковую автомашину, в первом квартале 1933 года дополнительно отгрузить 1 грузовые автомашины, два моторных катка, два гусеничных трактора, одну корчевальную машину и один компрессор.

Особенно большой размах приняло дорожное строительство в годы второй пятилетки. 1933—34 годы явились временем повсеместного увеличения объема строительных работ. 21 января 1933 года бюро Ойротского обкома, обсуждавшее вопрос о строительстве Чуйского тракта,²⁹ обязало партийные организации возглавить эту работу. Райкомы партии было предложено осуществлять вербовку дополнительно 400 подвод на дорожные работы на Чуйском тракте, а областному комитету ВЛКСМ было поручено мобилизовать комсомольцев и молодежь на выполнение плана дорожного строительства на 1933 год, выделить группу комсомольцев не менее 50 человек для усиления общественно-политической работы среди рабочих.

К этому периоду через реку Ишу и Катунь еще не было построено ни одного моста, существовало несколько паромных переправ. Действующие паромные переправы находились в запущенном состоянии и тормозили бесперебойное движение. Необходимость строительства мостов была очевидной.

В 1933 году начато строительство моста через р. Ишу. Мост строился по проекту и под непосредственным руководством начальника производственно-технического отдела Управления строительством шоссе-ных дорог № 6, находящегося в г. Бийске, Труевцова Александра Ивановича. В эксплуатацию мост был сдан в 1934 году. Труевцов А. И. явился также автором и руководителем строительства деревянного моста через р. Катунь у села Усть-Сема, который вступил в строй в апреле 1935 года.

Особенно много хлопот доставляли существующие в то время три паромные переправы от борма Коркечу до Ини, которые затерживали часами автомашины и возы у каждой переправы. Когда прибывала сильно р. Катунь, то движение на несколько дней совершенно приостанавливалось. Необходимо было срочно строить мосты или пробивать через борма тракт. Решено было пробивать горы, и советские люди пошли на штурм вековых неприступных скал, горных ущелий и борма Коркечу, Уркош, Яломан. Работы начались с борма Коркечу. Шла упорная и поистине героическая борьба человека с природой. В течение почти трех месяцев раздавались врывы, свержавшие в бурные волны Катунь огромные глыбы гранита, тонны земли, песка, камня.

23 мая 1933 года, к большой радости строителей, по месту, которое считалось непроходимым, прошла первая автомашина. Разработка скал на протяжении около трех километров в кратчайший срок была закончена, работы на остальных борма продолжались теми же темпами все лето и осень 1933—1934 годов. Наконец тракт был проложен до с. Яло-

мана. В 1934 году в горной части тракта, за с. Иня, были также произведены большие скальные работы по расширению полотна дороги и выпрямлению трассы на опасных участках и поворотах.

Успешно был решен вопрос об укладке моста через р. Катунь у сел. Ини, который был построен по заказу управления строительства шоссейных дорог по дипломному проекту студента-выпускника Московского автомобильного института Циплина Сергея Афанасьевича. Циплин С. А. был не только автором проекта, но сам непосредственно руководил строительством моста. Это был первый двухцепной висячий мост в мире. Только немного позднее такие мосты были построены в США. Мост вступил в строй в марте месяце 1936 года. Несколько раньше, 1 января 1935 года, Чуйский тракт на всем протяжении был сдан в эксплуатацию в направлении, где он сейчас проходит. В дальнейшем за счет бюджетных ассигнований велись работы по улучшению труднопроходимых мест, расширению полотна. В 1937—1938 гг. была расширена дорога на перевале Чике-Таман. В 1938 году в связи с возрастающим грузооборотом была начата реконструкция тракта: расширялось земляное полотно, производилось гудромирование (чернение).

Бюро обкома ВКП(б) и облисполком 10 января 1940 года одобрили инициативу трудящихся строить дороги скоростными методами по примеру сооружения Ферганского канала в Узбекистане. Не прекращались работы на тракте и в годы Великой Отечественной войны. Так, например, были расширены и реконструированы участки на бормах Актарлаган и Белый.

В послевоенные годы, в связи с развитием промышленности и освоением целинных земель, резко увеличился товарооборот, что потребовало коренного переустройства тракта и перевода его в высший технический класс.

В 1956—57 годы был осуществлен капитальный ремонт участка дороги Усть-Сема—Шебалино. В 1959 году был построен новый железобетонный мост через р. Катунь у с. Усть-Сема, проект которого составил «Союздорпроект». В 1964 году вступили в действие новые железобетонные мосты через реки Иша, Бия.

Начиная с 1963 года, дорожно-ремонтное управление приступило к коренному переустройству тракта в горной части за с. Онгудаем.

В 1962 году управлению Чуйского тракта был передан тракт Новосибирск — Барнаул — Бийск. С тех пор оно стало носить название Управление дороги Новосибирск — Бийск — Ташанта.

На Чуйском тракте за годы Советской власти сложился крепкий староженный коллектив. Широкой известностью пользуется шофер Ситников П. В., проработавший на одной машине 15 лет и награжденный орденом «Знак почета»; дорожный мастер ДЭУ-206 Львов И. С., награжденный медалью «За трудовое отличие»; дорожный ремонтер ДЭУ-209 Малицев Ф. Т.; дорожный рабочий Карпенко А. С.; автогрейдерист ДЭУ-205 Федоров С. Д.; шофер ДЭУ-207 Дектярев Егор Игнатьевич и другие.

Вместе со всем советским народом коллектив дороги достойно отметил 50 годовщину Советской власти. Чуйский тракт является не только дорогой в большую жизнь, но и историческим памятником, который воздвиг себе советский человек своим титаническим трудом и великим разумом.

Чуйский тракт — это зеркало Горного Алтая, сделавшего огромный скачок от вековой отсталости к полнокровной социалистической жизни. Это символ прошедших изменений и больших достижений Горно-Алтайской автономной области и Алтайского края за годы Советской власти.

К ВОПРОСУ О РЕАКЦИОННОЙ РОЛИ ДУХОВЕНСТВА И ЦЕРКОВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

В. И. Ленин придавал большое значение исследованиям связи классовых интересов и классовых организаций буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды.¹ Он предполагал широко использовать общественные науки для разоблачения реакционной роли церкви и атеистического воспитания масс. Советскими историками, в том числе и историками Сибири, проделана известная работа по изучению истории церкви. Что же касается реакционной роли церкви в процессе коллективизации, особенно в национальных районах, в том числе в Горно-Алтайской автономной области, мы не можем, пожалуй, назвать специальных исследований. Общие статьи и брошюры, изданные в 30-х годах, во многом устарели и представляют ценность с точки зрения фактологии.² Некоторые проблемы, рассматриваемые автором, частично освещены в работах Л. П. Потапова,³ П. Е. Тадыева.⁴ Эти труды являются значительным вкладом в разработку истории шаманизма и бурханизма на Алтае и имеют определенное значение для разоблачения реакционной роли церкви в процессе коллективизации. Следовательно, изучение поставленной проблемы представляет определенный научный интерес.

Цель данной статьи, не претендующей на полноту освещения, показать антиколхозную деятельность служителей культа, борьбу партийных, советских, общественных организаций против антинародной деятельности церкви. Автор на основании имеющихся публикаций, архивных документов пытается исследовать этот малоизученный вопрос в целом, и в частности, по Горно-Алтайской автономной области.

Период массовой коллективизации был одним из сложнейших в истории нашей страны. Кулаки, баи, опираясь на антисоветски настроенных служителей культа, выступали против политики Коммунистической партии и Советского государства в деревне. Этот процесс в Горном Алтае протекал в довольно сложной социально-экономической обстановке. Активная реакционная деятельность значительной сети религиозных организаций создавала серьезные трудности кооперированию сельского хозяйства.

Для правильного понимания тех процессов, которые проходили в области, необходимо учитывать ее особенности: экономическую и культурную отсталость, неоднородность национального состава, распространение первобытных форм религии — шаманизма, не изжитое до конца влияние бурханизма, наличие значительных групп населения — последователей православия, старообрядства, некоторых направлений сектантства. Именно на Алтае широко была развита миссионерская деятельность русской православной церкви. Еще в 1830 г. развернула свою деятельность Алтайская духовная миссия, которая уже к 1890 г. сумела вовлечь в православную религию 19108 из 34000 алтайцев, построить 59 церквей и молитвенных домов, около трех десятков миссионерских школ. Миссио-

перы и монастыри захватывали лучшие земли и эксплуатировали местное население. Улалинский монастырь имел 7040 га, Чулышманский — 4114 га земли.⁵ Царизм насильственно насаждал христианство, надеясь при помощи религии укрепить свое влияние в этом крае. В период царской колонизации среди народов Горного Алтая царила темнота и невежество. Грамотность среди кочевого населения составляла 1,3%. До Великой Октябрьской социалистической революции здесь совершенно не было политико-просветительных учреждений. Царское правительство стремилось подавить стремление алтайцев к политической жизни, проповедуя религиозное мракобесие. Церковная служба, шаманские моления должны были задуть политическую активность трудящихся. Поп, шаман, знахарь безраздельно господствовали над населением.

В начале XX века в Горном Алтае известное распространение получил бурханизм, одна из разновидностей буддийской религии, которая насаждалась агентами японского империализма с целью отрыва Горного Алтая от России.⁶ Религия на всех этапах играла реакционную роль, поддерживая всегда эксплуататорские классы. Не случайно поэтому церковники Горного Алтая враждебно встретили Октябрьскую революцию. Кулаки-старобрядцы Уймона учинили жестокую расправу над красногвардейским отрядом Петра Сухова. Один священник выдал белобабникам коммунистов с Абая. Другой священник отлучил от церкви красных партизан с Шебалина, впоследствии расстрелянных.⁷

В годы массовой коллективизации антисоветская деятельность духовенства проявилась с особой силой. Главная идеологическая опора капитализма — религия, имеющая глубокие корни среди населения, была использована кулачеством против социалистического переустройства сельского хозяйства. Духовенство видело в коллективизации смертельную опасность, ибо она подрывала вековые устои религии. Кооперирование сельского хозяйства означало переход крестьян на рельсы крупного социалистического производства. Все это вызвало резкий поворот шаманов, ярлыкчи, священников, кулачества, баев к открытым выступлениям против коллективизации. Являясь представителями состоятельных групп местного населения, шаманы выступали как враги Советской власти и были организаторами местных кулацких восстаний. Антисоветски настроенное духовенство совместно с кулачеством создавало контрреволюционные банды, организовывало убийства активистов, атеистов, распространяло антисоветские листовки и провокационные слухи, вело агитацию против колхозов. Церковники активно поддерживали враждебные Советской власти силы. Накануне массовой коллективизации служители культа в Горно-Алтайской области представляли довольно внушительное число: 170 камов⁸, 62 ярлыкчи⁹, около 90 служителей православного культа, свыше 10 православных общин.¹⁰ Реакционная линия духовенства проявилась в разнообразных формах и приобрела широкий размах. В ряде решений обкома ВКП(б) указывалось, что «развернувшееся наступление на кулацкие элементы в деревне вызывало обострение классовой борьбы, повышение кулацко-байской активности и породило заметное оживление религиозных групп. В области произошло избивание учителей во время антинаследственного вечера, в большом количестве распространялись письма «с неба».¹⁰ Шаманы, выражая интересы родовой верхушки, выступили против культурной революции, нового быта, кооперации. Они вели агитацию против Советов, Коммунистической партии, называли Советскую власть «дьяволом, который съел белого царя».¹¹ Кулаки, жестоко эксплуатировавшие с помощью шаманов бедноту, часто платили налоги за шаманов. Служители культа оправдывали классовое расслоение, безжалостно эксплуатировали алтайцев, требуя от них за камланье десятки голов скота, а тех, кто не может платить, заставляли

* Видимо, в число камов и ярлыкчи вошли и знахари — И. Э.

работать на себя. Шаманство приносило огромный материальный ущерб сельскому хозяйству. В 1928 г. на содержание шаманов в Горном Алтае население тратило ежегодно свыше 15 тыс. руб. (по курсу рубля того времени), не считая, что сотни голов скота истреблялись во время шаманского камлания.¹²

Колхозный строй рождался в Горном Алтае в условиях острой классовой борьбы, в ходе которой раскрывалась антинародная роль служителей культа. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. На первом этапе, когда массовое колхозное движение только начиналось, наиболее распространенной формой являлась антиколхозная агитация. Кулаки, бан, служители культа вели агитацию против вступления в колхоз. Священники, шаманы, ярлыкчи распространяли среди населения провокационные слухи: «Если вступите в колхоз, имущество ваше объявят казенным, а затем и совсем отберут», «Зря лезете в коммуны, будет переворот — первые головы будут отрублены коммунистам». Ярлыкчи Чичинов из урочища Тотобой совместно с баями в 1928 г. сорвал организацию маслодельной артели и землеустройства. Кам Мулту (Чемальский аймак) сумел обманчивым путем привлечь на свою сторону часть крестьян во время выборов в Совет и пытался сорвать избирательную кампанию. Священник Чукумов (Лебедской аймак) с церковным старостой сожгли семя у секретаря ячейки ВКП (б). Священник Хабаров вел агитацию в церкви против коллективизации, призывал верующих не вступать в колхозы. Попы Севастьянов, Горлов, Сафронов распускали среди населения провокационные слухи о войне, «антихристе», гибели Советской власти.¹³ Кулаки урочища Балыткулак Улаганского аймака Санзараклов, Тадышев М., Тадышев Л., Санин М., Манзыров под руководством священника Галитовского развернули в 1929 г. бешеную агитацию против коллективизации. Пользуясь в течение многих лет экономическим преимуществом, родовыми связями, используя родовые, национальные и религиозные предрассудки, они жестоко эксплуатировали бедноту. Однако, когда батраки и беднота организовались и стали давать отпор этой кулацкой группе, их сопротивление усилилось. Священник Галитовский, зная хорошо алтайский язык, в своих проповедях выступал за ликвидацию скотоводческого товарищества, отговаривая крестьян от вступления в колхозы, уверял, что они погибнут «без божьей помощи». Этот поп распускал провокационные слухи в связи с конфликтом на КВЖД. Он говорил: «С Китаем у СССР идет война, а от вас ее скрывают. Они (большевики — И. Э.) вас тянут в колхоз, чтобы отобрать у вас скот, а мужчин отправить на войну». Поп вел среди крестьян пропаганду «сначала обеднеться, а потом объединиться». Это был призыв к ликвидации хозяйства перед вступлением в колхоз. Под влиянием кулацко-поповской агитации было уничтожено крупного рогатого скота 160 голов, лошадей — 103 головы, овец и коз — 564.¹⁴ Убой скота увеличился в начале массовой коллективизации, когда шаманы под видом камлания призывали уничтожать скот. Кулачество Оигудайского аймака под предводительством Бая Аргымай Кульджины, используя религиозные предрассудки населения, служителей культа, вело агитацию против вступления в колхоз, за уничтожение и продажу скота. Эта агитация действовала на неустойчивые элементы, и в этом аймаке за декабрь 1929 г., январь 1930 г. было уничтожено 284 лошади, 253 коровы, 863 овцы. Бан Кульджины Аргымай и Карман ратовали за национальную религию, говоря, что раньше мы имели бога и молились, делали национальное моление «дяк», а теперь вас Советская власть обманывает. Религию уничтожили коммунисты.¹⁵

Служители культа вели агитацию против вступления в колхозы среди алтайских и русских женщин. Некоторые женщины под их влиянием отказывались ходить в баню, работать в колхозе. Шаманы выступали против больниц, кино, школ, запугивали родителей, говоря, что учеба

детей в школах не угодна духам, что эти духи будут мстить родителям и детям. О медицинских учреждениях они говорили, что в них злые духи похищают душу больных. Такая агитация действовала на многих женщин и они боялись отдавать детей в ясли, школу, разлучать их с амулетами.¹⁵

На втором этапе кооперирования в связи с переходом партии от политики ограничения, вытеснения кулачества к политике его ликвидации на основе сплошной коллективизации церковно-кулацко-байский блок меняет тактику и переходит к более острым формам борьбы против политики партии и Советского государства. Прибегая к террору, который направляется против коммунистов, комсомольцев, сельского актива, враги пытались запугать крестьян и приостановить социалистическое наступление в деревне. Служители культа нередко сами принимали участие в терроре. Верный помощник бая служитель бурханистского культа ярлыкчи Курдан по заданию баев Сапогова и Кульджанова убил в 1931 г. коммуниста Кырлу. Ярлыкчи Иду Нокор покушался на жизнь председателя сельского комитета крестьянского общества Абая Кудачи.¹⁷

В связи с ликвидацией кулачества и первыми успехами коллективизации церковники стали терять свою опору, но не прекратили борьбу против колхозов, а изменили тактику и применяли замаскированные формы, проникая в колхозы и органы управления в целях саботажа. В 1931 г. кулацко-байская верхушка при активной поддержке служителей культа активизировала свою деятельность по срыву организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Бая, кулаки, служители культа, ставленники стремились пробраться в колхозы и, используя религиозные родоовые пережитки, развалить их изнутри с целью дискредитации колхозного строя. Пробравшись в сельхозартели, они срывали производственные планы, вели агитацию против сенокосно-уборочных кампаний, сдельщины, строительства скотных дворов, хищнически уничтожали скот, запутывали учет и отчетность. Кулак-торговец колчаковский каратель Г. Кужлеков сумел вступить в артель «Ленинский животновод», воровал колхозный скот, колхозное имущество.

Только за несколько месяцев 1933 г. по 8 колхозам и совхозам было забито и расхищено 2064 головы скота.¹⁸ Шаманы и бая мешали организационно-хозяйственному укреплению колхозов, организуя массовую кражу артельного скота. В 1933 г. в с. Кош-Агаче шаман Тожек Акипов систематически занимался кражей и убоем племенных животных. За расхищение колхозной собственности преступник был предан суду и сурово осужден.¹⁹ Бывший ярлыкчи Чейкыл Теркин сумел пролезть в ряды коммунистической партии, добился избрания в состав правления сельхозартели в с. Яконуре и принимал активное участие в деятельности предительской группы, разваливающей колхоз. В 1935 г. он был разоблачен и предан суду. Ярким примером политической маскировки служителей религиозных культов является деятельность бывшего ярлыкчи Адуи Мандаева, который также сумел пробраться в партию, систематически устраивал моления в урочище Кысту-кат и вел агитацию за старые обычаи, против русских коммунистов, за ожидание прихода Ойрот-Хана и пр. Он хранил атрибуты религиозного культа, отдал на воспитание ярлыкче своего сына. Вплоть до 1934 г. он вел вредительскую работу в колхозе в с. Куладе, где он был председателем. Чтобы не отдавать лошадей в армию, он раскалывал им копыта и причинял другие увечья.²⁰ Некоторые служители культа, как кам Сашар (Чемальский аймак), отказывались от камства для того, чтобы скрытно вести подрывную работу против организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Служители культа были яркими противниками машин, МТС, всего нового в сельском хозяйстве Горного Алтая. Когда в с. Яконуре Усть-Канского аймака был открыт молзавод, то часть алтайцев под влиянием шаманов выступила против сепараторов, называя их «зменным ртом», а посуду для носки молока, ведра, молокомер, они считали источниками заразы.²¹ Такие

случаи наблюдались и в других районах. Ярлыкчи усиленно распространяли антиколхозные песни, переделывая для этого текст старых песен.

Организационно хозяйственному укреплению колхозов мешали обезличка, уравниловка, слабая трудовая дисциплина, плохая организация труда, хищения, бытовые и религиозные пережитки. Моления бурханистов сопровождалась трехдневной пьянкой и устраивались, как правило, во время полевых работ, отрывая людей от посевной и уборочной кампаний. Враждебная антиколхозная деятельность служителей культа и религии нашла отражение в художественной литературе. В произведении П. В. Кучика «Аза-Ялан» («Чертова долина») показано, как шаман в союзе с байской семьей Кудай-Бергена ожесточенно боролся против коллективизации.

Несмотря на сопротивление кулачества и духовенства, коллективизации сельского хозяйства в области проходила успешно. К весне 1930 г. 15,5% крестьянских хозяйств вступило в колхоз. К началу 1934 г. 55% бедняцко-середняцких хозяйств области были объединены в колхозы, сосредоточив 80% поголовья скота, 75% посевных площадей. В области насчитывалось 189 молочно-товарных, 19 коневодческих и 29 свиноводческих колхозных ферм.²⁰ Социалистическое производство стало в области преобладающим и решающим. На полях области, где в прошлом царил отсталость и дикость, работали десятки тракторов, сотни различных сельскохозяйственных машин. Улучшалось материальное положение населения. Коллективизация сельского хозяйства подорвала социальные корни религии и обеспечила массовый отход трудящихся от религии. В 1934 г. грамотность среди алтайцев составляла 79,3%, среди русского населения — 85,4%. В 1936 г. в области работало 239 школ. Появились средние специальные учебные заведения, функционировала совпартшкола, алтайцы учились в вузах Сибири, Москвы, Ленинграда. Большую роль в освобождении сознания трудящихся Горного Алтая от религиозных пережитков сыграли и политико-просветительные учреждения: избчитальни, юрты-передвижки, клубы, кино, радио, печать. В 1929 г. в области было 55 избчитален, 18 юрт-передвижек, издавалось 11 газет на алтайском и русском языках, выпускались десятки названий художественной и политической литературы на алтайском языке, в том числе и атеистической. Особое место в пропаганде атеизма занимали «Дома алтайки», где колхозницы в течение трех месяцев обучались грамоте, ведению домашнего хозяйства, и для них проводились специальные занятия по атеизму.

Одновременно и антирелигиозная пропаганда, развернувшаяся на основе крупнейших социально-экономических и культурных преобразований, сыграла большую роль в освобождении крестьян от религиозных предрассудков. Научно-атеистическую пропаганду приходилось вести в довольно сложных условиях в связи с недостатком кадров подготовленных атеистов и сильным влиянием религии в области. Это образно выразил батрак с Яломана Онгудайского аймака: «Нас винят в том, что мы слушаем камов и ярлыкчи, но для того, чтобы этого не было, надо провести разъяснение. Сельсовет этого не делал, да и ожидать было нельзя, так как члены сельсовета едва ли сами откажутся от камов и ярлыкчи».²¹ Некоторые учителя не вели антирелигиозную работу, опасаясь мести шаманов.

Руководствуясь ленинскими принципами атеистической пропаганды и преодолевая огромные трудности, партийные, советские и общественные организации вели борьбу против реакционной деятельности служителей культа, за осуществление ленинского плана коллективизации. Начиная с конца 1928 г., антирелигиозная пропаганда наряду с другими вопросами культурного строительства занимала большое место в работе партийной организации. В 1929—1930 гг. бюро обкома ВКП(б)²² несколько раз обсуждало вопрос об улучшении атеистического воспитания, и в

его решениях особое внимание уделялось подготовке национальных кадров-атеистов. За эти годы на различных курсах было подготовлено более 30 пропагандистов атеизма, проведено 4 областных совещания по организации антирелигиозной работы.

Коммунистическая партия и Советское государство придавали большое значение преодолению ошибок в антирелигиозной работе, которыми пользовались кулаки и духовенство для борьбы с колхозами. Областная партийная организация вела борьбу против «левацких» ошибок, выражавшихся в административной конфискации религиозных атрибутов (исключении из колхоза алтайцев за ношение косы (признак религиозности), административном закрытии церквей и др.²⁵ Опасность этих ошибок состояла в том, что они способствовали росту религиозного фашизма, сплачивали в единую массу кулаков и верующих бедняков, укрепляя тем самым позиции кулачества и религии, тормозили проведение коллективизации. Опасность правых ошибок заключалась в недооценке значения атеистического воспитания и ослабления борьбы с шаманизмом. Современными мерами, принятыми партийной организацией и советскими органами, ошибки были преодолены, что способствовало успешному завершению коллективизации области. В решении Сибкрайкома ВКП(б) резко осуждались допущенные перегибы, административный наскок на религиозные пережитки, подчеркивалась необходимость строгого соблюдения ленинских принципов в антирелигиозной работе. Сибирская партийная организация помогла Горно-Алтайскому обкому ВКП(б) исправить допущенные ошибки и VII областная партийная конференция (май 1930 г.) отметила, что в области идет успешное преодоление допущенных ошибок.

Важную роль в развитии массовой атеистической пропаганды сыграли первые краевые и областные съезды Союза воинствующих безбожников (СВБ), состоявшиеся в 1929 г. В области в 1929 г. в 32 ячейках СВБ насчитывалось 905 членов. В 1930 г. число членов СВБ удвоилось. Успешно работала 17 кружков безбожников. Хорошо организовала работу ячейка СВБ в с. Шаргайте Шебалинского аймака. Она активно участвовала в ликвидации неграмотности, проводила читку атеистической литературы, работала с применением новейшей агротехники два безбожных гектара пашни, доходы от которых шли на антирелигиозную работу. Ячейка СВБ в с. Ниинском широко использовала художественную самодеятельность для пропаганды атеизма. Эдиганская ячейка СВБ агитировала крестьян вести посев чистохортными семенами, вела борьбу с вредителями сельского хозяйства. Ячейки с. Чемала и других сел в дни религиозных праздников участвовали в общественных работах на строительстве шоссе.²⁶

Рост политической сознательности, активность бедняcko-середняцких масс и их практическое участие в социалистическом строительстве помогало им постепенно освободиться от веры в бога, духов, шаманов, жертвоприношений. Многие алтайцы и их дети перестали носить культовые косы, алтайки сбросили четедек, отдавали детей в ясли, не посещали молений. Горно-Алтайская область, где около 87 лет миссионеры насильно насаждали христианство, где шаманизм и бурханизм держали население в темноте и невежестве, в годы коллективизации стала на путь массового атеизма. Вот характерный пример. В отдаленном Улаганском аймаке в 1915 г. было 115 дворов шаманистов и 6 камов, в 1929 г. 107 дворов порвали связь с шаманами. Если до Октябрьской революции в этом аймаке было 13 церквей и одна миссионерская школа, то уже в 1932 г. школ стало 13, а церковь одна, и та вскоре по требованию населения была закрыта. Потеряв опору среди населения, камы, ярлыкчи, священники стали отклевываться от сана, особенно в 1929—1930 гг. Ярлыкчи Саноев Алмачи (Усть-Канский аймак) заявил: «Я занимался ярлыкчи 15 лет. В ярлыкчи меня потянула доходная должность. Советская власть открыла темным

людям глаза, показала народу, что он ничего не добьется, слушая наши сказки. Нет ни одной религии, полезной человеку—она лишь одурманивает народ, помогает баям». Ярлыкчи Телесов Сильдош сказал «...и убедился, что нет ни бога, ни дьявола, ни Ульгея, ни бурхана. Все это выдумки, которые способствовали обману нашего темного алтайца».²⁷

Большую роль Горно-Алтайской автономной области в развитии атеизма оказывала Сибирская партийная организация, направляя атеистическую литературу, работников культурно-просветительных учреждений, учителей.

Историческая необходимость коллективизации сельского хозяйства непосредственно вытекала из экономической закономерности социализма. Церковь, выступая против коллективизации, сдерживала поступательное движение к социализму. Против коллективизации объединились служители всех религиозных культов. Но кулачеству и духовенству не удалось сорвать коллективизацию.

Изучение поставленной проблемы дает возможность полнее изучить процесс коллективизации, расстановку классовых и политических сил в этот период, осветить своеобразие и исторические особенности антинародной деятельности церкви в Горно-Алтайской автономной области. Исторический опыт может оказать помощь странам, которые стали на путь социалистического развития, минуя капитализм, и, в зависимости от конкретных исторических условий, определить формы атеистического воспитания и предупредить возможные ошибки в антирелигиозной работе.

Конкретное знание исторических фактов поможет нашим идеологическим работникам вести предметно и убедительно научно-атеистическую работу среди населения и будет так же способствовать выполнению поставленных XXIII съездом партии задач формирования научного мировоззрения у всех советских людей.

Ф. А. САТЛАЕВ

ИЗУЧЕНИЕ КУМАНДИНЦЕВ В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Начало этнографического изучения кумандинов следует отнести к первой половине XVIII века, ко времени работ в северном Алтае второй академической экспедиции Российской Академии наук (1733—1743 гг.). Из участников этой экспедиции наибольший интерес к жизни северных алтайцев проявил Г. Ф. Миллер, хотя он сам у них не был. Проживая в 1734 году в г. Кузнецке, Г. Ф. Миллер кропотливо собирал сведения о северных алтайцах и тщательно изучал документальный материал. Большинство собранного им материала осталось неопубликованным. Это в первую очередь касается сведений о ясашных волостях Кузнецкого уезда.¹ Профессор Л. П. Потапов указывает что, в собранных Г. Ф. Миллером материалах имеются некоторые отдельные сведения, относящиеся также и к кумандинов. В одном из документов Миллер писал, что кумандинов в XVIII в. расселялись на реке Бие: «У впадения реки Куу (Лебеди) в Бие и примерно в полдня пути вниз по течению Бие». Далее указывается, что в этом районе проживает 105 человек, платящих ясак, и вся эта местность у окружающих племен носит название Куманды.² Таким образом, Миллер впервые дал нам наиболее точное указание о местожительстве кумандинов в XVIII в. и об их численности.

Отдельные сведения о кумандинов содержатся и в документальных приложениях к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера. Так, например, в описке кузнецкого воеводы Деметрия Кафтырова томскому воеводе, стольнику, князю Семену Клубкову-Масальскому указывалось, что кумандинов, проживающие в салунской и керсагальской волостях, отказались платить ясак. К ним был послан отряд казаков под командованием атамана Петра Дорофеева. Последний разгромил отряд керсагальцев, взял в плен их жен и детей и заставил платить по 10 соболей с человека. «...Приказано к керсагальским людям, чтобы керсагальские люди пришли в Кузнецкий острог в государевым ясак и для жертвования и впредь для прямого утверждения, что им жить под государевой царской высокою рукою и государев бы им ясак платить по вся годы сполна по 10 соболей с человека».³ В этом документе не объяснялась причина волнения населения кумандиновских волостей. Однако нетрудно догадаться, исследуя документ, что поводом для частных вооруженных выступлений были непомерно высокие поборы царских воевод. Несмотря на то, что у Миллера сведения о кумандинов носят отрывочный характер, это была первая попытка косвенного этнографического изучения племен и северного Алтая путем сбора документов и устных опросов.⁴

В первой четверти XIX века в журнале «Сибирский вестник» были опубликованы две работы Григория Спасского.⁵ Одна из этих работ «Телеуты, или белые калмыки» посвящена описанию быта телеутов, проживавших, как указывал автор, в Томской губернии, и в частности в Кузнецком уезде. Этнографические сведения о кумандинов в этой статье отсутствуют. Во второй работе Григорий Спасский привел много отдельных этнографических сведений по южным алтайцам, проживавшим в бассейне р. Чарыш.

Первым путешественником, посетившим кумандинов (1834 г.), был геолог подполковник Н. Гельмерсен. Он не ставил перед собой специальной задачи этнографического изучения кумандинов, так как целью его путешествия было геологическое изучение Телецкого озера и долины реки Бии. Его больше интересовали залежи золотоносных россыпей в окрестностях озера и реки Бии, чем жители, населявшие эти места. Но будучи человеком наблюдательным, Гельмерсен не мог не описать хотя бы вкратце и жителей, с которыми ему приходилось сталкиваться. Именно эти скудные, отрывочные этнографические данные представляют для нас интерес.

Результаты своей поездки к Телецкому озеру Гельмерсен опубликовал на немецком языке в своей книге: «Der Telezkische See und die Teleuten in Ostlichen Altai», изданной в 1838 году в Петербурге. Затем она была переведена на русский язык и напечатана в «Горном журнале» за 1840 год.⁶

Ввиду исключительной редкости и трудной доступности для современного читателя упомянутой работы Гельмерсена есть, на наш взгляд, необходимость привести некоторые извлечения из нее.

Свой путь Гельмерсен начал от села Сандыпа (Сайдыпа — Ф. С.), поднимаясь вверх по реке Бие к ее истокам, т. е. к Телецкому озеру. Первых жителей он встретил в устье реки Уймань (Ульмень — правый приток реки Бии), в небольшой деревушке, которых Гельмерсен принял за телеутов. На самом деле это была деревня верхних кумандинов, которая, по описанию Гельмерсена, состояла из нескольких убогих деревянных хижин, более похожих на жилища башкиров, чем на дома русских.

«Одна из таких хижин, воздушно построенных из досок и березовой коры, была избрана нами для ночлега, и, несмотря на ветхость свою, весьма хорошо защищала нас от дождя и ветра».⁷ — писал Гельмерсен. Далее он указывал, что «сильные, среднего роста мужчины носят здесь русское платье и стригут волосы на манер русских. Кроме того, они носят еще длинную косу, опускающуюся вниз по спине».⁸ Вероятно, косу носили не все мужчины, иначе Гельмерсен не стал бы подчеркивать факт подстрижки волос на манер русских. В этнографической литературе факт ношения косы мужчинами-кумандинцами не зафиксирован никем после Гельмерсена. Поэтому, несмотря на краткость, сведения, приводимые им, представляют большой интерес. Тут же Гельмерсен описал одежду женщин. «Здесьние деушки, — писал он, — довольно статны. Они носят шерстяные юбки с красным поясом; голову повязывают платком, концы которого спускают вниз. На некоторых из них заметили мы красивые шерстяные чулки и длинные балахоны. Они заплетают одну или несколько кос; а женщины носят всегда две косы, украшая их пуговицами, змеиными головками, или жемчугом». «Одежда женщин, — по его мнению, — походит на мордовскую и черемисскую».⁹

В отличие от других исследователей, занимавшихся этими же вопросами, по мнению Гельмерсена, верхние кумандины обходительны и добры. Он также указывал, что говорят они на татарском языке с некоторой примесью монгольских слов.¹⁰

Гельмерсен одним из первых попытался определить антропологический тип кумандинов и отнес их по типу лица к финнам. Он писал: «На обратном пути от Телецкого озера великое сходство телеутов Нижней Бии в очертании лица и иногда в одежде с финнами поразило меня; и одна только местность напомнила мне, что я вижу перед собой не жителей Ладожского озера, или Финского залива».¹¹

Кроме того, Гельмерсен вполне определенно указывал, что кумандины, обитавшие на левом берегу Бии, ведут оседлый образ жизни, живут деревнями и занимаются хлебопашеством, скотоводством, рыбной ловлей и охотой.¹² И здесь он отмечал сходство кумандинов с карелами

и финнами. Причем это сходство, по его мнению, даже распространяется на жилища. «Дома эти, — утверждал он, — строятся из дерева и отличаются от домов русских деревень, но сходятся с жилищами обитателей Новой Финляндии, Ладожского озера, Мордвы и Чувашей»¹³. В то же время он не объяснил, в чем именно состояло это сходство.

В этом один из недостатков его работы. Весьма интересным в этнографическом отношении является описанный им способ охоты на козу, практиковавшийся нижними кумандицами: «Там, где Бия последний раз протекает мимо гор, — указывает он, — путешественник время от времени замечает на берегах ее шалаши из прутьев, в которых осенью живут охотники, занимающиеся ловлей серн. В то время, когда эти звери переплывают реку, охотники догоняют их и накладывают им на шею петлю, привязанную к длинной палке. Посредством этой палки серна запутывается в прибрежные кусты, где ее убивают без выстрела»¹⁴.

Жителей, проживающих по берегам Телецкого озера и реки Бия, Гельмерсен описал под именем телеутов. К ним он причислил не только кумандицев, но и тубаларов, заселявших истоки реки Бии; телеутов, проживавших по берегам озера и в устье реки Чулышмана. По мнению Гельмерсена, жители, проживающие в окрестностях Телецкого озера и на реке Бие, являются потомками телеутов, кочевавших в XVII в. под городом Томском, которые, возглавляемые князем Абаком, активно сопротивлялись русским служилым людям, причем будто бы они разбежались после разгрома. Не исключено, что во взглядах Гельмерсена на происхождение северных алтайцев и есть какая-то доля истины, но в целом с ним трудно согласиться.

Несмотря на предельную ограниченность сведений, работа Гельмерсена может считаться первой печатной работой о кумандицах. Ее ценность состоит в том, что в ней отражены действительные факты, с которыми автору пришлось столкнуться. В отличие от Миллера, Гельмерсен описал только то, что сам видел или встречал.

В 1840 году в «Журнале Министерства внутренних дел» вышла статья Бийского исправника А. Горохова «Краткое этнографическое описание Бийских или Алтайских калмыков», посвященная кочным алтайцам, которых в то время в отличие от северных алтайцев называли «калмыками», тогда как последние были известны под именем «татар». Не отрицая ценности фактического материала, приведенного в этой статье, надо отметить, что в ней совершенно отсутствуют материалы по этнографии кумандицев. В этой связи нельзя не отметить, что совершенно необоснованный восторг по поводу этой работы выразил Сергеев, представивший А. Горохова как выдающегося этнографа. Дело в том, что Горохов никогда не был этнографом. Сталкиваясь по роду своей службы с населением северного и южного Алтая, он сделал ряд ценных фактических наблюдений, которые конечно, не могут претендовать на научный этнографический очерк.

Вместе с тем следует отметить, что оба автора Гельмерсен и Горохов — не ставили перед собой задачи научного изучения алтайцев. Инициатива научного исследования, как этнографии, так и устного народного творчества алтайцев, а также их языка принадлежит В. П. Вербицкому, который отдал изучению этого вопроса свыше 30 лет своей жизни. Общая характеристика и оценка его исследований дана проф. Л. П. Потаповым.¹⁵ Приводимые В. Вербицким этнографические сведения носят слишком обобщающий характер. Так, например, он не выделял характерных черт, присущих для кумандицев или тубаларов. И это, безусловно, несколько снижает научное значение его исследований.

В начале 60-х годов XIX в. к этнографическому изучению алтайцев приступил В. В. Радлов, впоследствии — академик, знаменитый русский тюрколог. Свою научную деятельность он начал летом 1860 года, будучи преподавателем немецкого и латинского языков в Барнаульском высшем

горном училище. Сначала он направился к алтайцам бассейна рек Семь, Урсула, Катунь и Чуи. Через год он посетил кумандинов и тубаларов в бассейне реки Бий и в северо-западных окрестностях Телецкого озера. Он побывал также в эту поездку и у телесов по рр. Чулышману и Башкаусу, и у шорцев в верховьях реки Томи и реки Мрассы. Результаты своих научных поездок В. В. Радлов опубликовал на немецком языке в книге «Aus Sibirien».¹⁷ В первом томе этой книги он дал общую характеристику и описание родового состава северных и южных алтайцев. Так, например, он указывал, что кумандинцы делятся на две волости (зайсанства). Верхние кумандинцы состоят из двух родов: соо и кубанды или куманды; нижние кумандинцы имеют пять родов: тастар, йоты, чабраш и тоон-кубанды. Следует отметить, что В. Радлов в 1861 г. посетил главным образом верхних кумандинов. На своем пути он встретил только одну деревню нижних кумандинов: «При нашем приезде, — писал Радлов, — сначала никого из жителей нельзя было увидеть, постепенно они стали появляться. Это были нижние кумандинцы».¹⁸

В описаниях, сделанных Радловым, содержится, на наш взгляд, ряд неточностей. Например, выше указывалось, что зайсанство нижних кумандинов состоит из пяти родов. В книге же Радлова даны только четыре, т. е. роды тастар, йоты, чабраш и тоон-кубанды. По-видимому, Радлов объединил роды «тоон» и «кубанды» в один род, но в то же время он не указывал причины такого объединения: сделал ли он это по признакам родства, или это действительно был один род. Далее под родом «чабраш» следует понимать, видимо, род «чабат». То же самое можно допустить и относительно рода «соо». Последний, как таковой, едва ли существовал. Под названием рода «соо», на наш взгляд, следует понимать реально существовавший род «солу», известный еще по историческим документам XVII в. Радлову же название рода могли сообщить во множественном числе «соолар». Если отбросить у последнего показатель множественного числа аффикс «лар», то действительно окажется «соо». Однако ни в документах, ни в работах последующих исследователей нет указаний относительно существования у кумандинов сеока «соо», тем более, что он не встречается ни у одного из родоплеменных групп, как у северных, так и у южных алтайцев. Остается предположить, что здесь произведена неправильная запись этнонима «солу». Вполне возможно, что это одна из типографских ошибок, часто встречающихся в книге в собственных алтайских названиях. Остальные сведения, касающиеся жизни и быта кумандинов, у Радлова настолько незначительны и кратки, что на их описание отведено немногим более двух страниц. Этнографические сведения Радлова более конкретны и точны, чем у Гельмерсена. Он отмечает ряд уже сложившихся поселений, которые состоят из 5—10 домов, построенных из бревен. Рядом с ними, — отмечал В. Радлов, — выстроены уже амбар и хлев.¹⁹ Недостатком его описаний является то, что он не указал тип постройки, в результате чего нам неизвестно, что он имеет в виду под постройкой из бревен: срубную юрту или крестьянскую избу? Наряду с домами Радлов отметил наличие юрт, существовавших в то время. Одновременно он касался и хозяйственных занятий кумандинов. Он писал, что все они занимаются почти без исключения земледелием, но обрабатывают землю мотыгой. Пшеницу сеют реже, чем ячмень и рожь. Из ячменя делают талкан, а из пшеницы и ржи — маленькие хлебцы (тертмек). Занимаются они также рыболовством, ловят щуку, хариуса, ускуча и т. д. Охотятся, главным образом, на белок и «куниц», и платят ими свои налоги: каждый по 7 белчиных шукурок и 6,5 рубля деньгами.²⁰ Далее указывается, что кумандинцы сеют лен и коноплю и готовят из них холсты, а из шерсти своих овец ткнут грубое сукно, которое затем красят. Из тканей для одежды покупают только синюю дабу. Сами же продают русским только добычу охоты и то в незначительном количестве.²¹ Далее Радлов описал частично мужскую

и женскую одежду, коснулся религии кумандинов. Описание у него сделано в форме воспроизведения записей дневника, так что порой он вновь возвращается к уже описанному, делая ценное добавление или замечание. Интересно, что ко времени путешествия В. Радлова деревня, в которой останавливался Гельмерсен, насчитывала уже 20 домов. Очень подробно Радлов описал здесь же расположение и название деревень верхних кумандинов, чего не сделано у Гельмерсена. В заключение он утверждал, что главной чертой характера кумандинов является упрямство и твердость, и что они прочно придерживаются своих обычаев. Поэтому и трудно склонить к принятию христианства, вследствие этого якобы миссионеры совершенно не пользуются у них успехом. Известно, что Радлов биологическими законами борьбы за существование и расовыми свойствами алтайцев пытался «научно» оправдать колониальную политику царизма. Отсюда нетрудно увидеть, для чего понадобилась ему эта черта характера кумандинов. В нашу задачу не входит подробный анализ положительных и отрицательных сторон его исследований. Это сделано в статье проф. Л. П. Потанова «Изучение алтайцев русскими учеными в дореволюционный период».²⁷

Отдельные сведения о кумандинах содержатся в статьях Н. М. Ядрищева. Это, в первую очередь, в его статье «Алтай и его инородческое царство»,²⁸ в которой он устанавливает различные формы хозяйственного быта алтайцев, выделяет из них наиболее ранние формы, прослеживает переходные ступени. У Н. М. Ядрищева проявляется исторический подход к изучению культуры племен Алтая, стремление наметить ее эволюцию, особенно при изучении типов жилищ, орудий труда, техники земледелия и скотоводства. Нужно отметить, что Ядрищев установил территорию расселения кумандинов только по рекам Ченше и Ише, что было не совсем правильно. Ничего не писал он о кумандинах, проживавших по реке Чене и Карагану (правые притоки р. Бии) и на самой р. Бие.

В заключение обзора этнографического изучения кумандинов в дореволюционный период следует рассмотреть статьи Н. Б. Шерра и П. Богатырева. Статьи этих авторов являются едва ли не единственными работами специально о кумандинах. Первый из них посетил кумандинов в 1898 году. Свои полевые наблюдения он опубликовал в 1903 году в виде общего очерка этнографии кумандинов.²⁹

В нем автор впервые довольно подробно (по сравнению с предыдущими исследователями) попытался охватить все стороны жизни кумандинов. Он описал жилища, домашнюю утварь, пищу (при этом он утверждал, что основным питанием кумандинов является чай и хлеб), элементы одежды; бегло охарактеризовал виды промыслов и их значение в жизни кумандинов, одновременно он коснулся хозяйственных занятий. Однако, описание его не отличается глубиной наблюдений. Указывая, например, на занятие кумандинов земледелием, Шерр заострил намеренно внимание читателя только на сохранившемся кое-где архаическом способе земледелия. Главную причину такой отсталости он видел в лени и несообразности кумандинов, не указывая на подлинные причины, породившие такую технику производства. Культурная отсталость, наличие пережитков родового строя, слабая связь большинства кумандинов (за исключением крещеных) с русским населением — основной тормоз в их прогрессивном развитии. Не меньше в этом повинна была, прежде всего, колониальная политика царизма, в условиях которого процесс заимствования русской земледельческой культуры в мелкотоварном хозяйстве был замедленным. В этих условиях земледельческие орудия труда кумандинов были более отсталыми и архаичными, чем у русских крестьян, а их посевные участки незначительными. В основном такая техника была присуща верхним кумандинам, проживавшим в таежной и гористой части предгорного Алтая. Однако Н. Б. Шерр не сделал такого разграничения и пытался обосновать при-

чину отсталости только «ленью и несообразительностью» кумандицев. Кроме того, следует подчеркнуть, что высокая стоимость более совершенных сельскохозяйственных орудий был также одной из главных причин низкого уровня их земледельческой культуры.

Безусловно, мы не можем требовать от Н. Б. Шерра научного подхода к изучаемым им явлениям из жизни кумандицев, но не вправе обходить некоторые отрицательные стороны его исследований и антинаучность ряда положений, высказанных им в отношении кумандицев. Наблюдая случаи разорения кумандицев мелкими торговцами и вымирания их под влиянием колониальной политики царизма, Н. Б. Шерр не смог понять истинные причины, породившие такие условия, и пытался объяснить все это лишь расовыми свойствами кумандицев, их «племенной неустойчивостью» и неумением приспособиться к новым условиям жизни. Это особенно ярко заметно в таких его суждениях: «Кумандинец своими интеллектуальными способностями не производит благоприятного впечатления: не замечаем у него природного ума, ометливости; далее мы не заметим у него твердости характера, решительности»²⁵. Расовая ограниченность кумандицев нужна ему и для характеристики взаимоотношений кумандицев с русскими крестьянами и землевладельцами, которые, будучи, по его мнению, достаточно смелыми, беспрепятственно захватывали у «робких и трусливых» кумандицев их пашни, сенокосные угодья, пасеки и выживали последних из их родных аилов. При этом подчеркивалось, что «перед всяким русским, будь то крестьянин, землевладелец, — кумандинец робеет, если тот смел. Всякая наглость в обращении с кумандицами имеет успех»²⁶. Таким образом, Н. Шерр в своем очерке протаскивал явно буржуазно-националистическую тенденцию в вопросе взаимоотношения русского народа с кумандицами и искажал действительную картину их отношений. Действительной причиной таких столкновений между кумандицами и кулаками-землевладельцами было стремление последних к захвату новых земель, сенокосных угодий — основного средства производства у земледельческого населения. Шерр стремился скрыть истинные причины бедственного и бесправного положения кумандицев. Лженаучные утверждения о расовой неполноценности кумандицев и биологический закон борьбы за существование понадобились ему для оправдания этих насильственных мер кулаков-землевладельцев, интересы которых он объективно защищал. Так Н. Шерр попытался «научно» оправдать колониальную систему царизма, подменивая классовую борьбу и эксплуатацию борьбой за существование, биологически более сильной средой. В то же время он обошел вопрос о классовых взаимоотношениях, кто был конкретнее, эксплуататором кумандицев, какие слои кумандицев подвергались наибольшей эксплуатации и в одинаковой ли степени, или среди них были такие, которые не только не испытывали эксплуататорского гнета, а, напротив, сами эксплуатировали своих сородичей.²⁷ Он также не коснулся проблемы классового расслоения в среде кумандицев и эксплуатации бедноты зайсанами и баями.

Статья второго исследователя кумандицев Н. Богатырева²⁸ посвящена в основном описанию двух видов промысла — орехового и зверового.

Не только Н. Богатырев, но и другие исследователи конца XIX и начала XX вв. стремились доказать, что главными занятиями северных алтайцев, в том числе и кумандицев, являлись охота и сбор кедрового ореха. Едва ли с подобными утверждениями можно полностью согласиться! Можно допустить, что они были верными в отношении охоты, но не раскрывали истинного положения в вопросе промысла кедрового ореха. Сбор кедрового ореха для своих нужд был развит у северных алтайцев с давних пор и носил длительное время чисто потребительский характер. В первой половине XIX в., в связи с интенсивным освоением

края русскими крестьянами, сбор кедрового ореха переходит в промысел, и становится важной статьёй торговли русских купцов в таежной части Горного Алтая. Так появилась возможность заготавливать орехи в большем количестве, чем требовалось для нужд хозяйства и сбывать излишки. Кедровый промысел стал таким образом важной подсобной доходной статьёй в мелкотоварном хозяйстве кумандицев, но в то же время не вполне надёжной, т. к. «урожай» на кедровый орех бывает не каждый год. Отсюда и доход от него непостоянный. Примерно так же обстояло дело и с пушным промыслом, который не каждый год мог быть удачным. В этих условиях основными занятиями кумандицев были, конечно, земледелие и скотоводство в сочетании с промыслами. Особенно характерно это было до конца XIX и начала XX вв., т. е. для времени, о котором как раз и писал Н. Богатырев. Однако, он в отношении земледелия и скотоводства ограничивался ничего не значащими замечаниями. В действительности в это время ореховым промыслом занимались чаще верхние кумандицы. Надо отметить, что и у них основным занятием было скотоводство с интенсивным пчеловодством и сплавом леса, т. е. лесным промыслом. О последнем Н. Богатырев лишь упомянул, заострив внимание читателя на ореховом и пушном промыслах. Он стремился доказать, что эти промыслы являлись главными занятиями и главным источником существования кумандицев. «Главными же источниками существования кумандицких инородцев, — писал он, — служат неземледельческие промыслы — ореховый, зверовой, и лесной. Последним заняти больше верхние кумандицы, обитающие по берегам сплавной реки Винь»²⁰ Однако и в этом он противоречит самому себе. Далее он указывал, что средняя добыча ореха за сезон на одно хозяйство составляла приблизительно 20—30 пудов²⁰. Если учесть, что пуд ореха в то время стоил один рубль, значит семья зарабатывала всего лишь 20—30 рублей. Сумма довольно незначительная, которой едва ли хватало на пропитание. А если сюда же включить расходы на питание, одежду и обувь (отправляясь на промысел, всегда шили новую обувь и одежду), то не оставалось ничего на другие домашние расходы. Помимо всего этого, кумандицы обязаны были уплатить орехом свой долг купцу, так как нередко артель покупала у него в долг лошадь (согум) на мясо. Иногда кумандицы в долг брали и другие продукты питания (сахар, крупу, мясо), а также мешки, палатку, решето для веяния ореха и т. п. За все это рассчитывались также орехом. Так что к концу промысла многие оставались у скупщиков ореха в долгу. Значительная часть мужчин, оставаясь на промысел белки, закупала у них же под пушнину необходимые для охоты огнестрельные припасы и т. п. Из всего этого видно, насколько несостоятельно утверждение Богатырева, что пушной и ореховый промыслы являются «главным» источником жизни кумандицев. Следовательно, основным занятием последних оставалось земледелие и скотоводство. Пушной, ореховый и лесной промыслы играли в хозяйстве кумандицев подсобную роль. То же самое наблюдалось и в хозяйствах проживающей здесь основной массы русских крестьян. Иначе и не могло быть в единоличном мелкотоварном хозяйстве, основанном на примитивной технике.

В 1903 г. вышла в свет работа С. П. Швецова,²¹ в которой были обобщены результаты статистико-экономического исследования хозяйства кумандицев в 1901 году. Опубликована она в виде экономических таблиц, которые хотя имеют крупный методологический недостаток, но все же поддаются научной обработке и являются весьма ценными источниками для суждения о хозяйственном быте кумандицев. Дело в том, что составлены эти таблицы С. П. Шцевым по методу средних величин, в результате которого слабо показан рост имущественной дифференциации.

В первом десятилетии XX в. большую работу по сбору этнографиче-

ских материалов у различных племен Горного Алтая развернул А. В. Анохин. Свое главное внимание он сосредоточил на изучении религиозных верований. Одновременно А. В. Анохин уделял большое внимание сбору и изучению музыкального творчества алтайцев. Им записано на фонографе большое количество (свыше 500 валиков) песен, наигрышей на музыкальных инструментах образцов тортанного пения — «кая». При жизни собирателю удалось опубликовать лишь незначительную часть из этих материалов. Большая часть из них осталась необработанной и неопубликованной. Среди его собраний встречаются «песни», «наигрыши», «кай» не только кумандинов и других алтайских племен, но и хакасов, тувинцев и монголов. В настоящее время часть коллекций — фонограмм А. В. Анохина (258 валиков) собрана в Институте русской литературы АН СССР в г. Ленинграде (Пушкинский дом). Интересные этнографические сведения о типах жилищ, об основании первых сел, о переходе кумандинов на оседлость, о первых школах содержатся в ежегодных отчетах Алтайской духовной миссии.³¹

Указанными работами в сущности исчерпывается весь круг дореволюционных этнографических исследований кумандинов. Следовательно, по сравнению с «собственно алтайцами» кумандиновцы оставались наименее изученной группой коренного населения.

Главное свое внимание дореволюционные исследователи обращали на описание отсталых форм хозяйства, на пережитки родового строя, намеренно или ошибочно выдавая его за действительные общественные отношения. В их исследованиях отсутствовал объективный подход к описываемым событиям и фактам. Причины тяжелого социально-экономического положения кумандинов, как и других народностей Сибири, в условиях колониальной политики царизма они не могли установить, не могли сделать правильного научного вывода в силу незнания объективных законов общественного развития. В качестве выхода из существовавшего тяжелого положения некоторые из них, например, Н. Ядринцев предлагал просвещение, другие, как В. Радлов и Н. Шерр, рекомендовали оставить их в покое, ибо, по их мнению, они обречены на гибель в борьбе с более сильной расой.

Существенным недостатком дореволюционных этнографических работ является их описательный характер. Отсутствие объяснений описываемых явлений значительно снижает научные достоинства работ этого периода.

Старые исследователи не владели научным методом познания и истолкования явлений жизни.³² По этой причине игнорировалось изучение социальных и классовых отношений у кумандинов. Эти отношения сознательно замалчивались. В связи с этим создавалась совершенно искаженная, антинаучная картина социального строя кумандинов, как строя родового, первобытно-общинного строя. Совершенно не уделялось внимания собиранию и изучению фольклора кумандинов, также не проводились археологические и антропологические исследования, дающие материал для восстановления ранних периодов истории алтайского народа.

* * *

Профессор Л. П. Потапов совершенно правильно указывает, что одним из главных недостатков в этнографическом изучении алтайцев в дореволюционный период была слабая изученность отдельных групп и племен.³⁴ В связи с этим необходимо проследить, насколько удалось разрешить эти задачи в советский период.

Вскоре после установления Советской власти на Алтае ряд институтов и учреждений Академии наук СССР, Музей этнографии народов СССР направили в Горный Алтай несколько археологических и этногра-

фических экспедиций. Этнографическое изучение алтайцев осуществлялось по плану и программам центральных научных учреждений страны путем экспедиций и научных командировок. Особое внимание было уделено исследованию южных алтайцев, но и племена северного Алтая не остались в стороне от внимания исследователей.

Одной из первых среди кумандинов в 1924 году начала работу экспедиция антропологов в составе А. И. Ярхо, В. И. Белкиной и Ю. И. Рубинштейна. Собранные антропологические материалы были опубликованы в 1947 году в сводной работе проф. А. И. Ярхо.³⁵ В 1927 году верхних кумандинов посетил проф. Д. К. Зеленин, которому удалось присутствовать при жертвоприношении лошади «тайылга» в деревне Полушкино в 30 км от аймачного центра Турачака. Свои наблюдения он опубликовал на немецком языке под названием «Эротический обряд в жертвоприношении алтайских тюрок».³⁶ Собственно под этим названием Д. Зеленин описал не сам обряд жертвоприношения, хотя и этому вопросу он уделит большое внимание, а наличие в нем эротического ритуала, посвящаемого мифическому божеству Коча-жану. Описав довольно подробно эротический ритуал, связанный с обрядом жертвоприношения лошади «тайылга» или «арыг», он ничего не сказал о другом виде этого ритуала, связанного с уборкой урожая, при котором животное в жертву не приносилось, а устраивалось лишь кропление ячменной брагой (посо) духам-хранителям двери (эжик пайназы) с просьбой дать благополучную жизнь. Проведение этого обряда сопровождалось также наличием эротического элемента Кочо-кан. В этнографической литературе проведение этого обряда рассматривается как празднество. Проф. Л. П. Потанов отмечает, что у кумандинов и шорцев «по окончанию уборки урожая в улусах устраивалось празднество. Из свежесобранного зорна выкуривали самогонку и распивали ее в течение двух-трех дней».³⁷ Нужно отметить, что в отличие от обряда жертвоприношения лошади, здесь могли участвовать и женщины, устраивались своеобразные игры с сопровождением обрядовой песни «тамыр-томыр». Данные об этом обряде, по видимому, кумандинов скрыли от Д. К. Зеленина, поэтому в этнографической литературе он не нашел своего освещения.

В 1928 г. для сбора полевых этнографических материалов к кумандицам был послан студент А. И. Новиков. Им были собраны (судя по отчету) материалы по отдельным вопросам семейно-родового строя кумандинов (родовой состав, номенклатура родства, взаимоотношения по материнской и отцовской линиям, брачные нормы, мифология, фольклор и т. д.), но они остались неопубликованными. О проделанной работе Новиков сделал небольшое сообщение в журнале «Осведомительный бюллетень».³⁸ Он опубликовал статью о занятии алтайцев пчеловодством, где имеется материал, относящийся и к кумандицам.³⁹

В 30-х годах у кумандинов этнографический материал собирала Н. П. Дыренкова. Этот материал был опубликован ею в ряде статей, посвященных отдельным вопросам семейно-родового строя алтайцев, в которых упоминаются и кумандинов. Ею же были собраны образцы кумандинского охотничьего фольклора.⁴⁰

Н. П. Дыренкова впервые приводит на страницах своих статей кумандинские тексты из легенд и сказок, а также отдельные термины, которые могут быть использованы как источниковедческие материалы фольклористами и языковедами.

Алтайцы, как и многие другие народы Сибири, как известно, были лишены царской официальной науки права называться историческими, то есть за ними отрицалось историческое прошлое. Деление народов на исторические и неисторические было характерно для буржуазной науки. Только советская наука, опирающаяся на марксистско-ленинскую методологию, с позиций исторического материализма, как метода познания и

истолкования изучаемых явлений, создала подлинную историю алтайцев соединенными усилиями этнографов и археологов. В этом отношении большая заслуга принадлежит проф. Л. П. Потапову, посвятившему изучению алтайцев свыше 40 лет своей творческой жизни. В своей монографии «Очерки по истории алтайцев» он охватывает период с древнейших времен до наших дней и впервые дает историческую периодизацию алтайцев. Кроме того, по сравнению с дореволюционными исследователями — В. В. Радловым, Н. А. Аристовым, Кастреном и другими — он по-новому освещает вопрос о происхождении алтайцев.

Ряд дореволюционных исследователей в лице В. В. Радлова, С. П. Швецова прямо отрицали классовое расслоение и классовые противоречия у алтайцев. Они крайне преувеличивали значение родового строя, как строя доклассового, внутри которого нет места эксплуатации и угнетению.

В советский период теория родового строя получила защиту в работе Н. П. Дыренковой.¹¹ Л. П. Мамет в своей книге «Ойротия» (1930) также пропагандировал эту теорию.

По-новому подходит к разрешению этого вопроса Л. П. Потапов. Изучая общественные отношения алтайцев, он показал в своей книге наличие среди них классов и классового расслоения, формы эксплуатации, характерные для феодальных отношений, и как эти отношения переплетаются с патриархальными, родовыми и их пережитками. Причем нередко сами формы эксплуатации скрыты за этими пережитками и выступают в виде родственной помощи. Подобное определение характера общественных отношений, господствовавших у алтайцев в конце XIX в начале XX вв., наиболее точно передает своеобразие этих отношений, заключающееся в переплетении феодальных отношений с патриархально-родовыми пережитками. Разрешение этого вопроса явилось новым вкладом в нашу историческую науку.

Среди работ Л. П. Потапова по Горному Алтаю имеются как специальные исследования, так и отдельные части общих работ, посвященные северным алтайцам. Из них следует выделить в первую очередь сводную работу по племенам северного Алтая — кумандинцам, тубаларам, челканцам и шорцам — это «Разложение родового строя у племен северного Алтая», изданную в 1935 году в Ленинграде. В указанной работе проф. Потапов рассматривает в основном материальное производство шорцев, тубаларов и челканцев. У кумандинцев он довольно подробно описывает охотничий промысел — состав охотничьей артели, снаряжение охотников, охотничьи поверья, духи-покровители охоты, приемы охоты, оружие и орудия промысла. Другие стороны хозяйственной жизни кумандинцев, например, земледелие, скотоводство, пчеловодство, ремесла и другие даны в кратком изложении.

Продолжение вышеуказанной работы было издано в 1937 году.¹² Написана она по материалам экспедиции 1936 года в Горный Алтай и посвящена изучению родовой организации и процесса ее разложения у северных алтайцев. Работа написана в основном на материале кумандинцев. В ней впервые подробно освещается так называемая классификаторская система родства у кумандинцев, описаны пережитки группового брака, допустимые брачные нормы, реконструировано распределение охотничьих угодий между отдельными родами, охарактеризованы пережитки коллективного способа производства в охотничьем промысле кумандинцев.

Большое внимание проф. Л. П. Потапов уделяет также изучению религиозных верований северных алтайцев, в том числе и кумандинцев, о которых сообщает большой новый материал, собранный во время полевых исследований. При этом изучение ведется в сравнительном плане в среде различных племен Алтая, либо в сопоставлении с аналогичным материалом по другим тюркоязычным племенам и народам Сибири.¹³

Книга проф. Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев» содержит много сведений о историческом прошлом кумандинцев, о их происхождении, о хозяйстве, общественном строе.

Н. Ф. Прыткова, изучавшая типы верхней одежды народов Сибири,¹⁴ обратила внимание и на одежду кумандинцев, которую она относит к распашному типу, характерному не только для кумандинцев, но и для хантов, манси, ненцев, томских татар, северных алтайцев. Она указывает, что эта общность не случайна, и что ей предшествовали исторические связи народов северного Алтая и обских угов.

Изобразительное искусство кумандинцев впервые исследует С. В. Иванов в своей книге: «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в.» В ней автор справедливо указывает на недостаточную изученность кумандинцев и как следствие этого на крайнюю скудность материалов по изучению искусства кумандинцев. Поэтому он останавливается на рассмотрении их изобразительного искусства в основном на предметах культа.

Некоторая попытка описать разнообразия художественно-орнаментированных предметов, тканые шерстяные пояса, вязанные рукавицы, чулки — сделана впервые в статье П. И. Каралькина.¹⁵

Ценные этнографические сведения по родовому составу и административному устройству кумандинцев в XVII в. и по их численности имеются в монографии Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.»

Если о дореволюционной жизни кумандинцев, по истории их культуры и быта имеются ряд статей и ценные разделы работ, то современная жизнь кумандинцев в условиях социалистического строительства совершенно не изучена. Правда, П. И. Каралькиным написан небольшой очерк, посвященный современной жизни кумандинцев двух районов, но он не мог отразить в рамках небольшого очерка большие социальные изменения, происшедшие в их жизни.

Изучение кумандинцев в наше время не ограничивается только рамками этнографии. За последнее время опубликован ряд статей проф. Н. А. Баскакова, посвященных изучению кумандинского диалекта алтайского языка.¹⁶

Проф. Н. А. Баскакова интересует не только кумандинский диалект алтайского языка, но и фольклор кумандинцев. Им опубликован ряд кумандинских сказок в сборнике «Алтайский язык». Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы также опубликовал ряд кумандинских сказок на алтайском языке в сборнике «Устное народное творчество».¹⁷ Кроме мелких жанров, впервые выходящих из печати эпическое сказание кумандинцев «Лимей Ару ла Шим б-Ару» в обработке С. С. Суразакова.¹⁸ Причем ценным является то, что это сказание опубликовано на языке самих кумандинцев.

На основе антропологических материалов о происхождении кумандинцев написал небольшую статью В. П. Алексеев.¹⁹

Такова в кратких чертах картина этнографического изучения кумандинцев за советский период. Подытоживая ее, можно отметить, что и в советский период кумандинцы остаются недостаточно изученными. Между тем отличаясь рядом особенностей от своих южных соседей, кумандинцы заслуживают более пристального внимания исследователей. Всестороннее изучение этих особенностей поможет глубже раскрыть историческое прошлое алтайцев.

«ТЕЛЕУТСКАЯ ЗЕМЛИЦА» В XVII СТОЛЕТИИ

История алтайцев в XVII веке, то есть в пору первого их знакомства с русскими, всегда живо интересовала исследователей.

Еще в XVII веке появились два капитальных труда по истории Сибири, в которых заметное место было отведено истории алтайцев в XVII столетии: это были «История Сибири» Г. Ф. Миллера и «Сибирская история» И. Б. Фишера. Г. Ф. Миллер, а вслед за ним, правда, менее самостоятельно, И. Б. Фишер попытались проследить развитие взаимоотношений русских и алтайцев за сравнительно большой отрезок XVII века — с 1604 года по 1665 год. Но как историки Миллер и Фишер стояли на идеалистических позициях: главное внимание они уделили политическим связям алтайцев и русских, оставляя вне поля зрения экономические и культурные взаимоотношения двух народов. При этом политические связи толковались весьма узко, как взаимоотношения алтайских князей с русскими воеводами. Столь узкий подход Г. Ф. Миллера и И. Б. Фишера к истории алтайцев в XVII в. вытекает из методологии этих дворянских историков и их концепции присоединения Сибири к Русскому государству.

Они признавали лишь один метод освоения Сибири, и Алтая в том числе, завоевание ее отрядами царских войск. Агенты правительственной колонизации типа Ф. Пущина, П. Сабанского, П. Дорофеева, Б. Зубова и других рисовались им в образах испанских конкистадоров. Будучи апологетами царского самодержавия, они стремились прославить силу и могущество царизма в XVII в., подчеркнуть величие подвигов первых ему войск и т. п. Политику объяснения алтайцев и других народов Сибири они преподносили как благодеяние царей для местного населения.¹

В трудах исследователей XIX в. мы не находим сколько-нибудь систематического изложения даже политической истории алтайцев. Обычно это отрывочные и краткие заметки, чаще всего изложенные по Г. Ф. Миллеру и И. Б. Фишеру. Таковы работы Г. П. Гельмерсена, В. В. Радлова, С. П. Швецова и др.² Столь же скудны исторические сведения и в работах областников Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина, отличающихся, правда, своей демократичностью и подлинным гуманизмом.³

Из советских исследователей, в той или иной степени занимавшихся историей алтайских племен в XVII веке, следует назвать С. А. Токарева и Л. П. Потапова.⁴ Особенно важное значение имеет фундаментальный труд Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев», в котором история алтайцев излагается на методологической основе марксизма-ленинизма. К сожалению, XVII веку и в этой монографии отведено сравнительно небольшое место. Интересные сведения и ряд оригинальных оценок по истории Алтая в XVII веке содержит и монография Б. О. Долгих.⁵

В послевоенное время изучением истории алтайцев занимается горно-алтайский историк П. Е. Тадыев.⁶

Несмотря на значительные успехи, достигнутые советским алтаеведением, следует признать, что мы до сих пор не имеем работы, в которой нашла бы свое достаточно подробное и систематическое изложение истории алтайцев в XVII веке.

Между тем необходимость в такой работе, на наш взгляд, уже давно назрела.

Сегодня уже нельзя удовлетвориться не только тем куцым и однобоким, а следовательно, неверным изложением истории алтайцев в XVII в., которое мы находим в сочинениях Миллера и Фишера, но и теми общими положениями о содержании исторического процесса на Алтае в XVII в. и краткими экскурсами в эту эпоху, которые содержатся в вышеназванных трудах советских исследователей.

В русских источниках XVII в. иногда встречается название «Телеутская земля». Оно применяется обычно для обозначения территории, населенной телеутами и находящейся под властью телеутских князей. В исторической литературе это название пока не получило прав гражданства: этноисторическое содержание его не определено, локальная принадлежность неизвестна. Между тем, решив эти вопросы, можно было бы внести больше четкости в наши представления о расселении алтайских племен, и, в частности, телеутов в XVII столетии. Говоря об области обитания алтайцев (или только телеутов) в XVII в., исследователи либо ограничиваются сведениями самого общего характера типа «горы Алтая» и «верхнее течение Оби», либо прибегают, наоборот, к детальной локализации каждой родовой группы по долинам рек и речек, по берегам озер.⁷ В обоих случаях не создается четкого представления о всей территории, занятой как телеутами, так и всеми алтайцами в указанное время.

Не отличаются четкостью в этом отношении и этноисторические карты Сибири XVII в. В качестве примера можно привести карту, составленную К. Н. Сербиной для «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера.¹⁰ На этой карте телеуты или «белые калмыки» показаны живущими на правом берегу Иртыша между оз. Ямышевским на юге и волостями барабинских татар на севере. С таким размещением телеутов в начале XVII в. (карта составлена по состоянию до 1618 г.), как будет видно ниже, согласиться нельзя.

На картах Н. А. Голубцова, приложенных к «Очеркам истории СССР», прямых указаний на расселение телеутов и вообще алтайцев нет, но вслед за К. Н. Сербиной автор карт называет «Телеутской степью» район, в котором она поселила «белых калмыков». Правда, степь эта на картах Н. А. Голубцова побольше зоны обитания телеутов на карте К. Н. Сербиной, но это результат простой ошибки. Н. А. Голубцов принял за оз. Ямыш Кулундинское и Кучукское озера, расположенные значительно восточнее оера Ямышевского.¹¹

В приложении к «Очеркам истории СССР» дана также карта расселения народов Сибири в конце XVII века, но автор даже приблизительно не отметил на ней область обитания алтайцев, не говоря уж о телеутах.¹²

Вышедший двумя изданиями капитальный труд Л. П. Потاپова не ликвидировал этого пробела в исторической картографии: в монографии не оказалось ни одной исторической карты.¹³

Только в 1960 г. в фундаментальнейшем исследовании Б. О. Долгих появилась карта Сибири XVII в., на которой обозначено расселение объясненных северных алтайцев, а также «белых калмыков»¹⁴ По карте Б. О. Долгих «белые калмыки» (автор карты называет их также телеутами или телегетами) жили по обе стороны Верхней Оби и по ее притокам — Алею, Чарышу и другим рекам. Правда, и на этой карте вопрос о границах обитания алтайцев и телеутов, в частности, не получил окончательного разрешения, что признает и сам Б. О. Долгих.¹⁵

Цель настоящей работы автор видит в том, чтобы на основе разнохарактерных источников — актов, данных исторической картографии,

топонимики, археологии и других наук локализовать понятие «Телеутская земля», определить, насколько это окажется возможным, ее пределы и этноисторическое содержание этого понятия.

В данной статье мы рассмотрим сведения о расселении телеутов, содержащиеся в актовых материалах, чертежах и географических описаниях Сибири XVII в.

1 РАССЕЛЕНИЕ ТЕЛЕУТОВ В XVII ВЕКЕ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Богатейшие сведения о расселении телеутов, области их обитания в XVII в. дает русский актовый материал. На протяжении всего XVII столетия в воеводских отписках, наказных памятях, статейных списках, доездах и других документах сообщаются данные о местопребывании «белых калмыков»¹⁶. Особенно внимательно следили воеводы Томска и Кузнецка за передвижениями телеутов и годы обострения русско-телеутских отношений.

По этим документам можно почти погодию проследить, где находятся кочевья телеутов, где они появляются «войною» или «с торгом».

В самом начале XVII в., в 1603 г., близкие становища телеутов князя Абака находятся на левом берегу р. Оби, в 5 днях езды от г. Томска.¹⁷ В 1609 г. «белые калмыки» кочевали «за день от Томского города»,¹⁸ в 1616—1617 гг. мы видим их в земле чатов (левый берег Оби в районе Новосибирска),¹⁹ в 1624 г. — снова под Томском,²⁰ а еще через 6 лет — «за два днища» от Кузнецкого острога.²¹ Два года спустя «белые калмыки» отмечены «за 10 дён» ниже устья р. Чумыша и в двух с лишним днях выше его на Оби.²²

По крайней мере с 1624 г. по 1664 г. на правом берегу Оби от устья Чумыша до «Алаковых гор» (у современного с. Аллака)²³ находились кочевья князей Абака (до 1635 г.)²⁴, а затем Коки Абакова. «Резиденция» их в течение долгих лет находилась на р. Мерети (правый приток р. Оби, ниже устья Чумыша).²⁵

В 1636 г. телеуты оказались под Кузнецким острогом,²⁶ в 40-х гг. они часто наведываются в так называемые «порубежные волости».²⁷ Так, улусные люди Мачика в 1640 г. были под самым Кузнецком,²⁸ в 1646 г. они кочевали в 3 днях от Томска на левом берегу Оби,²⁹ в 1648 г. их местопребывание от Томска и Кузнецка определяется в 4—5 днях.³⁰

До 1653 г. телеуты Кокина улуса продолжают кочевать на правом берегу Оби до верховий Чумыша³¹, затем в 1653 году переправляются на левый берег, откуда в 1655 г. совершают обратную переправу в районе р. Ирмени.³² «Белые калмыки» из улуса Мачика в эти годы живут нередко вместе с саянцами, «в 5 неделях зимнего лыжного ходу».³³ В 1656—58 гг. улусные люди Коки и Мачика часто появляются в пределах Томского и Кузнецкого уездов, а также иногда кочуют на левом берегу р. Оби.³⁴ В 1659 г. послы Коки и Мачика в беседе с дьяками Посольского приказа Алмазом Ивановым и Ефимом Юрьевым сообщают, что половина телеутов кочует «около Томского города, а другая половина с 1000 человек кочует в степи на Мерете».³⁵

В 60-х годах XVII в. кочевья Коки и Мачика снова близки к «порубежным волостям».³⁶ В 1662 г. часть телеутов во главе с Балыком Кожановым принимает русское подданство и переселяется в Томский уезд.³⁷

В 1671 г. телеуты Табуна Кокина и Мачика кочуют на устье Чумыша,³⁸ а в 1672—73 гг. они обитают «на Чаресе-реке» (Чарыш — А. У.)³⁹. Следующие 1675—76 гг. застают их «за Обью на Алие реке»,⁴⁰ откуда они делают набеги на Кузнецкий уезд.⁴¹ В 1677—78 гг. «белые калмыки» продолжают жить на рр. Чарыше и Алее, хотя нередко появляются в Томском уезде.⁴² В эти годы многие улусные люди Табуна «перевезлися Обью» и оказались в 7 днях пути от Кузнецка.⁴³

На берегах Верхней Оби и по ее притокам — «Касмели», «Бороноулу», «Алико», «Чересу» и др. рекам продолжают они кочевать и в 80-е гг. XVII столетия, но в то же время по-прежнему эксплуатируют свои зверовья на рр. Ине, Берди и Чумыше⁴⁴. В 1688 г. появление Табуна с улусными людьми зафиксировано на правобережье Оби, в районе оз. Иткуль⁴⁵.

В самом конце XVII в., в 90-е годы, часть телеутов продолжает жить «в обских краях». Документами зарегистрировано их пребывание на правобережье р. Оби, выше р. Верди⁴⁶ в 1695 г., на р. «Ермене» (Ирмени — А. У.) в 1696 году⁴⁷ и в других местах. Другая часть телеутов из улусов кн. Ирки Удалекова обитает в Карагае, в северо-западном Алтае⁴⁸.

Так выглядит иллюстрация телеутского расселения в XVII веке русскими актовыми материалами. Но это далеко не все. Кроме «белых калмыков», кочевавших в степях Верхнеобья и в предгорьях Алтая, русские акты XVII столетия знают группу тау-телеутов, то есть горных телеутов. Отдельные роды «белых калмыков» (Мундус, Тодош) проживали в горах, по-видимому, в течение всего этого века. Во всяком случае, их пребывание здесь зафиксировано в 1643, в 1653 годах⁴⁹, а также в ясачных книгах Кузнецкого уезда за 1692 год⁵⁰.

Таким образом, на протяжении всего XVII столетия главным районом кочевания самой многочисленной группы «белых калмыков» является Верхняя Обь и предгорья Алтая.

С начала XVIII века основным районом обитания телеутов постепенно становится Горный Алтай. В 1703 году часть «белых калмыков» по приказу джунгарского контайши Цэван-Рабтана была насильственно уведена в Ургу, находившуюся на притоке Иртыша — р. Имели⁵¹. В 1-ой четверти XVIII в. телеуты живут не только по долинам Катунь, Майма, Иши и других рек собственно Горного Алтая, но появляются и в южном Алтае — на р. Бухтарме, Убе и других правых притоках Иртыша⁵².

Однако часть телеутов продолжала, по крайней мере до 1718 года, кочевать на левобережье Оби. В 1717 г. русский посол к контайше Цэван-Рабтану Гр. Вельяминов встретил их между Ануем и Чарышом⁵³. Разведчики из Белоярской крепости в то же время наткнулись на «белых калмыков» выше устья «Алия»⁵⁴. Группа русских зверовщиков тогда же в 1717 г. была пленена телеутами на р. Бороноул⁵⁵.

Итак, в XVII в. и даже в 1-ой четверти XVIII в., по данным русских актовых материалов, «белые калмыки» (телеуты) расселялись по обширной территории, включавшей в себя и равнины Верхнеобья и горы Алтая.

При этом мы сознательно не включили в нашу сводку сведения о расселении «выезжих белых калмыков» в Кузнецком уезде, об азкештимах, тагапцах, керетцах и тогулах, которых исследователи также относят к телеутам и которые, по Б. О. Долгих, жили в XVII в. в ясачных степных волостях западнее Кузнецка⁵⁶. Есть сведения, что в 60-х гг. XVII столетия теленгиты (долонгуты) появлялись на территории современной Тувы и в Восточной Сибири, распространяясь до линии озер Байкал — Хубсугул⁵⁷.

Но значит ли это, что всю огромную территорию от устья р. Томи на севере до верховий Иртыша, Катунь и Чуи — на юге, от Иртыша — на западе, до Ангары — на востоке, то есть территорию, на которой в XVII в. зафиксировано появление телеутов, можно назвать «Телеутской землицей»? Конечно, нет. Область обитания телеутов была значительно меньше, если даже в нее включать земли, занятые «ускатскими» (выезжими) телеутами, азкештимами и тогулами, на что мы имеем полное право. Ведь появление «белых калмыков» под стенами Томска и Кузнецка или в Восточной Сибири — это лишь эпизоды в их жизни, связанные с военными и дипломатическими акциями телеутских князей. В ходе осуществления этих мероприятий телеуты выходили, и подчас очень далеко, за пределы области своего постоянного обитания.

Приведенные выше сведения о расселении телеутов в XVII в. чаще всего фиксируют местонахождение кочевий телеутской аристократии (князей Абака, Коки, Табуна, Мачика, Ирки Уделекова и др.), умалчивая о местопребывании остальной массы телеутов. В ряде случаев в документах прямо отмечается: «за сколько де с ними (князьями — А. У.) улусных людей, того он ... не ведает» и «не знает их житья»⁵⁸. Лишь изредка можно встретить указания на этот счет: «... де Абаконы люди вместе кочуют на реке Мерете, а иных людей о том сказывают — по речкам близко»⁵⁹, «... с их де князцовых улусных людей ныне кочует половина с 1000 человек около Томского города, а другая половина с 1000 человек кочует в степи на Мерете»⁶⁰.

Все это затрудняет задачу локализации «Телеутской земли» по фактовым материалам XVII в. Тем не менее, мы попытаемся определить пределы телеутского расселения, не прибегая пока к помощи других источников.

На правобережье р. Оби телеуты не расселялись севернее р. Уени (Ини). По левым притокам этой реки — речкам Тарсме, Косме и Уру «в прежние годы тому 27 лет на том месте бывало кочевье белых калмыков князца Табуна с улусными сво людьми»⁶¹. На левобережье р. Оби границей телеутского обитания были пределы д. Кривошековой. Еще в 1708 г., когда возникла эта деревня, считалось, что дворы ее жителей стоят «на границе телеутской»⁶².

Крайним северо-западным пунктом, в котором русскими актами зафиксировано пребывание телеутов, являются Желтые Воды. «А барабинские де князец Кугутайко и чатцкия татарова Тарлав, — сообщается в одном из документов, — стоят вместе Белых калмыков со князцом Абаком на Желтых Водах, от Ишимова сына в трех днищах»⁶³. Для определения координат Желтых Вод существенное значение имеют содержащиеся в этом же документе указания на то, что Ишимов сын стоял на оз. Язымак «близко Оби реки» и что в двух днях пути от Желтых Вод находились Черные Воды⁶⁴. Изучение географических чертежей и карт XVII—XIX вв. приводит к выводу, что Черные Воды — название калькированное, то есть является простым переводом с тюркского «Карасук». Иными словами Черные Воды это вне всякого сомнения Карасукские озера.

Что касается Желтых Вод, то это название также является переводом с тюркского названия озера Сары-куль, отстоящего от Карасукских озер километров на 100 (по прямой) к северо-востоку. В наши дни это озеро носит имя Саргуль⁶⁵. Это озеро уступает по величине даже озеру Малые Чаны, но оно достаточно велико — 10 км в длину, 2—6,5 км в ширину. Через оз. Саргуль протекает р. Чулым. Возможно, название Желтые Воды в XVII в. распространялось и на соседнее с оз. Саргуль — оз. Сары-Балык. Оба эти озера находились по сведениям документов в «Колмацкой земле» (т. е. в земле телеутов)⁶⁶.

Самым отдаленным районом телеутских кочевий на юго-западе русские акты XVII в. называют верхнее течение Алея, где в 70-х гг. жили улусные люди князей Табуна и Мачика: всего в 2—2,5 днях от Коокена-Матура, князя орчаков, жившего со своим улусом в самой вершине Алея⁶⁷.

Южная граница телеутского расселения в XVII в. определяется по документам с меньшей четкостью. «Карагайская земля», где в конце века зафиксированы кочевья телеутского князя Ирки Уделекова, находилась в верховьях Чарыша и Коксы⁶⁸. Здесь с телеутами соседнили черные калмыки Матура-тайши, кочевавшие по р. Каи⁶⁹. О местонахождении Тотюшской и Муидусской волостей тау-телеутов известно лишь, что они «захребетные» по отношению к волостям «Кузнецкой земли» и северных алтайцев⁷⁰. Можно думать, что тау-телеуты XVII в. не заходили в горы южнее широты Телецкого озера, где обитали саянцы и другие ро-

доплеменные группы, известия о которых мы встречаем в других источниках — географических описаниях и чертежах Сибири⁷¹.

На востоке пределом расселения служили верховья Чумыша и Инн, где жили ясашные тогулы, таганцы, керетцы и азкештими⁷², а на северо-востоке — долина р. Уската (левый приток Томи), в которой расселились «выезжие калмаки» уже почти с I четверти XVII в.⁷³

Так определяется область обитания телеутов в XVII веке по русским актовым материалам того времени. Не лишено любопытства, что площадь ее превосходит половину территории современной Франции.

II. «ЗЕМЛИЦА ТЕЛЕУТСКАЯ» НА ОБЩИХ ЧЕРТЕЖАХ СИБИРИ И НА ЧЕРТЕЖАХ ТОМСКОГО И КУЗНЕЦКОГО УЕЗДОВ (II-Я ПОЛОВИНА XVII В.)

Обратимся теперь к картографическим материалам XVII столетия. Заметим, что чертежей собственно «Телеутской земли», датируемых этим временем, нет. Но интересующие нас районы Верхней Оби и Горного Алтая получили отображение на общих чертежах Сибири XVII в.

Мы не ставим своей целью критику и интерпретацию этих источников в целом: эта задача блестяще выполнена другими исследователями и, в первую очередь, замечательным знатоком исторических источников Сибири А. И. Андреевым⁷⁴. Общие чертежи Сибири интересуют нас лишь в той части, где на них изображены Горный Алтай и Верхнеобье. Но у этого интереса три аспекта: 1) историко-географический — нас интересует, насколько русские люди знали географию названного района в то или другое десятилетие XVII в.; 2) источниковедческий — нас интересует, каковы источники того или иного чертежа Сибири и их алтайской части; 3) историко-этнографический — нас интересует, в какой степени общие чертежи Сибири и отдельных частей Алтая и Верхнеобья могут служить источниками по истории и этнографии Горного Алтая и Верхней Оби.

Все эти три аспекта настолько органически связаны между собой, что вполне понимая особую важность для решения поставленного вопроса историко-этнографического аспекта, мы вынуждены рассматривать их все в указанной выше последовательности.

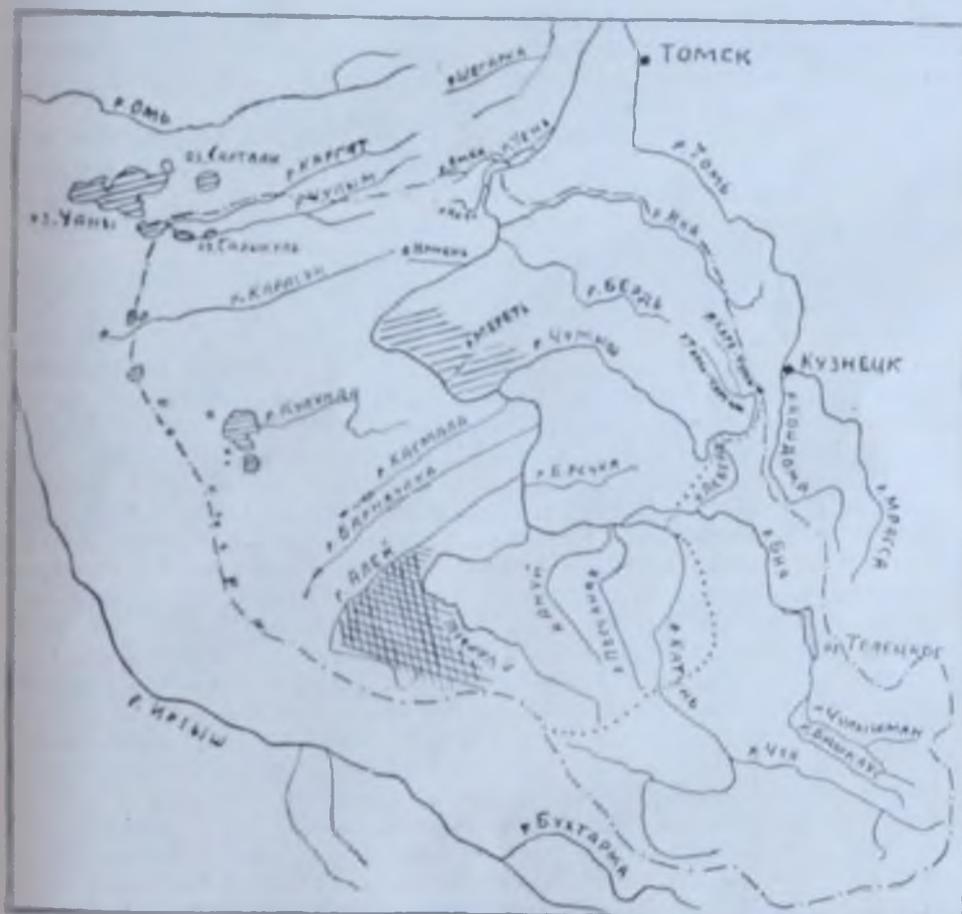
Первый общий чертеж Сибири, как это установлено А. И. Андреевым, С. В. Бахрушиным и Ю. А. Лимоновым, был составлен в 1633 г. К сожалению, чертеж этот не сохранился⁷⁵. Но известно, что каждый общий чертеж Сибири был плодом труда большой группы лиц служилых людей, чертежников и др. Инструкции, содержавшиеся в наказах по составлению чертежей, строго обязывали воевод представлять тщательно выверенные данные по своему городу и уезду, все нужные сведения собирали из всех заслуживающих доверия источников. Поэтому каждый чертеж может служить показателем уровня географических, этнографических и других знаний русских людей о Сибири к моменту составления чертежа. Естественно предположить, что на чертеже 1633 г. были обозначены города Томск и Кузнецк, реки Обь, Томь, а, возможно, также Чумыш, Бия и оз. Телецкое, причем Бия и оз. Телецкое — только по слухам⁷⁶.

Второй общесибирский чертеж был составлен по приказу тобольского воеводы П. И. Годунова в 1667 году⁷⁷. На этом чертеже впервые встречается изображение интересующего нас района Южной Сибири⁷⁸.

Из географических объектов на «Годуновском» чертеже нанесены Обь, Томь, гг. Томск и Кузнецк, а также вытянутое в широтном направлении Телецкое озеро. Нанесены на чертеж, но не названы: 1) река, берущая начало из «Телесского» озера, 2) река, начинающаяся западнее озера Телецкого и сливающаяся с первой, 3) река, впадающая в Обь ниже слияния двух первых с правой стороны. Нет сомнения, что две первых реки — это Бия и Катунь (русские уже знали, что Бия вытекает из Телецкого озера, что, сливаясь с Катунью, они образуют Обь). Что каса-

ется правого притока Оби, то это, конечно, Чумыш — самый крупный из правых притоков Верхней Оби, с которым не могут идти в сравнение ни Иня, ни Бердь. В отличие от Оби, Бии, Катунь, Чумыш изображен текущим в широтном направлении.

По всему видно, что составители чертежа 1667 г. учли результаты походов Ф. Пушина (1632 г.), П. Сабанского (1633 г. и 1642 г.), Б. Зубова (1646 г.) и атамана П. Дорофеева (1652 г.). Трое последних бывали на Телецком озере, но не продвигались по берегам его далеко на юг; именно поэтому на чертеже озеро вытянуто по широте, а не по длине, как это следовало бы. Русским в 60-х гг. XVII в. оставался неизвестным и бассейн Катунь: неслучайно ее исток показан лишь на широте Телецкого озера.

«Телеутская земля» в XVII в.

Схема расселения алтайских племен в XVII в. Пунктиром отделена область расселения собственно телеутов (к северо-востоку). Главные кочевья Абаконцев в 20—50 гг. XVII в. Главные кочевья Абаконцев в 70—90 гг. XVII в.

Из сведений этнографического характера отметим, прежде всего, данные о саянцах. Судя по размещению надписи «саянцы» на чертеже, они жили юго-восточнее оз. Телецкого. Ближними их соседями были на юге — «мугалы» и тангуты («земля Тангутская»), на юго-востоке — китайцы («земля Китайская»), на востоке — киргизы, на севере и западе — русские, на юго-западе — «контайшины» и «Аблаевы» калмыки.

Рубежи «земель» обозначены пунктиром. Есть такая граница и у области с надписью «саянцы»⁷⁹. Любопытно, что «Телецкое» озеро расположено почти в центре Бия, Катунь, Чумыш и верховья Оби, — в се-

верной половине этой четко очерченной области. Достаточно беглого взгляда, чтобы понять, что так зафиксирована на чертеже, прежде всего, зона расселения алтайских племен, хотя надпись, которая говорила бы об этом, нет, есть только надпись «саянцы». Как и чем можно объяснить такое непонятное несоответствие, почему не названы на чертеже племена, которые действительно постоянно обитают на этой территории? Почему названы племена («саянцы»), которые постоянно живут лишь в самом уголке обведенной пунктиром области и лишь изредка выкочевывают в район Верхнеобья? Ведь чертежник-картограф прекрасно знает, где находится «землица Саянская», ведь не случайно надпись «саянцы» он расположил юго-восточнее оз. Телецкого, то есть там, где они жили постоянно? Путаница этнонимов исключается: русские документы середины XVII в. превосходно различают «саянцев» и телеутов («белых калмыков»). Если бы составитель чертежа «причислил» алтайцев к саянцам, он бы расположил надпись ближе к середине области «Забывчивость» картографа отвергается: в каждом участке чертежа, обведенном пунктиром, есть лишь одно название «землицы», либо этноним.

Дело не в путанице этнонимов, не в забывчивости чертежника, не в недостатке места для записи. Были, по-видимому, какие-то более серьезные основания, которые не позволили начертать на карте имя истинных аборигенов этой области — алтайцев, в частности телеутов, «знатнейшего», по словам П. Фишера, из сибирских народов⁹¹.

Возможно, ответ на этот вопрос следует искать в политической обстановке, сложившейся в Южной Сибири в 60-х гг. XVII в., то есть в канун составления чертежа. Известно, что во II половине 50-х гг. телеутский князь Кока Абаков ведет неудачные войны с «черными калмыками», стремясь сохранить самостоятельность своего улуса. Войны с их тяготами, стихийные бедствия, обрушившиеся на телеутов в начале 60-х гг. (засуха, падеж скота и др.) резко ухудшили положение рядовых телеутов. Часть из них нашла выход из создавшегося положения в переходе в русское подданство. В 1662 г. группа телеутов во главе с Баскаулом Маирачевым прикочевала к Кузнецку и осталась здесь навсегда⁹². В то же время другая группа во главе с князем Иркой Уделековым и братьями Кожановыми приняла подданство в Томске⁹³. Переход телеутов в русское подданство обеспокоил джунгарских владык. В 1665—67 гг. со стороны калмыцкого тайши Сеньги, считавшего себя сюзереном кн. Кокки Абакова, последовал ряд дипломатических демаршей. Сеньги требовал возвратить «выезжих калмыков» на прежние кочевья и даже грозил «воевать» сибирские города, если его требования не будут выполнены⁹⁴. Но несмотря на угрозу войны, русское правительство упорно отказывало в выдаче перебежчиков. В этих условиях тобольский воевода П. И. Годунов при составлении чертежа на всякий случай мог прибегнуть к простому камуфляжу, выдав область расселения «белых калмыков» за земли саянцев. На эту карту можно было бы сослаться как на документ в случае выдвижения джунгарами претензий не только на телеутов, но и на их земли. Русские власти были заинтересованы в сохранении буферных телеутских княжеств-улусов, ибо они не имели в Сибири сил, достаточных для присоединения «Телеутской землицы», но и не хотели допустить полного хозяйничанья в ней калмыцких тайшей.

Впрочем, высказав эту догадку, мы вовсе не считаем решенным вопрос о причинах отсутствия нужного обозначения «Телеутской землицы» на чертеже 1667 г. Но в связи с этим хочется поделиться еще одним наблюдением. Создается впечатление, что чертеж 1667 г. — политическая, а не только этнографическая карта Азии. Если бы это был только этнографический чертеж, картографы нанесли бы на него области расселения для хотя бы названия племен, находившихся уже под властью русского царя — «кузнецов», барабинцев, чатов, еуштинцев и других племен и народов Сибири. Ничего подобного на чертеже 1667 года мы не видим⁹⁵.

Зато нетрудно заметить, что наряду с «землей Тангутской» и «землей Китайской», известных русским как крупные независимые государства, на чертеже 1667 г. названы «мугальцы» и «калмыки», «бухарцы» и «ногаи», «башкирцы» и «киргизы», наконец, «саянцы». При этом занятые ими территории ограничены пунктиром. В данном случае пунктир не только показывает границы обитания этих народов, но, по-видимому, и служит знаком того, что они независимы от белого царя и друг от друга, то есть являются суверенными. В самом деле, и ногаи, и бухарцы, и башкиры, и калмыки и др., не говоря уж о «земле Тангутской» и «земле Китайской», были независимы в 60-х гг. XVII в. от Русского государства и других держав, причем не только де-факто, но и де-юре.

Выходит, что и «киргизы» и область с названием «саянцы» (где живут телеуты и другие алтайцы) не подвластны русскому царю. В то же время русские власти, вероятно, не считают их зависимыми от джунгарского ханши или во всяком случае приравнивают их в этом отношении к «Аблаевым» и «Кучковым» калмыкам, чьи земли таким же пунктиром отделены от земли «контайшинных калмыков».

Это обстоятельство заслуживает пристального внимания, если учесть, что в исторической литературе об Алтае господствует мнение о полной зависимости телеутских князей от джунгарских ханов на всем протяжении XVII столетия.

Но основное значение чертежа 1667 г. для истории Алтая заключается в том, что на нем впервые показана область расселения «белых калмыков» в широком смысле этого термина. Конечно, границы ее даны на чертеже весьма приблизительно, но допущенная при этом погрешность, на наш взгляд, сравнительно невелика.

Чтобы убедиться в этом, следует сопоставить данные чертежа 1667 г. о расселении «белых калмыков» со сведениями по этому вопросу, почерпнутыми из описок, доездов и других актовых материалов.

Северная граница расселения «белых калмыков» на чертеже 1667 г. проведена ниже устья Чумыша, но выше устья Томи. Это подтверждают акты, фиксирующие границу телеутского расселения на севере на широте р. Уени⁶⁶, то есть значительно ниже устья Чумыша, но выше устья Томи.

Западная граница области обитания «белых калмыков» на чертеже 1667 г. идет по водоразделу Оби и Иртыша, причем по мере удаления на юг, она все больше отклоняется к западу, но оз. Ямыш, к которому она подходит, остается в русских пределах. Выше уже приводились сведения о кочевьях телеутов на Желтых Водах и в верховьях Ался⁶⁶. Добавим к этому, что русские документы, как и чертеж 1667 г., нередко рассматривают район о. Ямышевского как русское владение, куда приезжают за солью служилые люди сибирских городов. На оз. Ямыш был даже сооружен русский острожек. За солью и с торгом приходили сюда же и черные калмыки, кочевья которых на чертеже показаны юго-западнее этого озера. Нередко на этом озере происходили вооруженные стычки между русскими и черными калмыками⁶⁷. По-видимому, включая оз. Ямыш в русские пределы, картограф несколько грешил против истины, но для нас важно, что данные чертежа и актов о западных пределах расселения «белых калмыков» в основном совпадают: их кочевья в XVII в., по всей видимости, не доходили до Иртыша⁶⁸. Поэтому размещая «белых калмыков» севернее оз. Ямыш сразу же на правом берегу Иртыша, то есть там, где ни по чертежам, ни по актам их в начале XVII в. не было, К. Н. Сербина совершает большую ошибку.

Южная и юго-восточная граница области кочевания «белых калмыков» на чертеже 1667 г. проведена значительно южнее и восточнее оз. Телецкого. Существенное расхождение, которое обнаруживает чертеж по сравнению с данными актов по юго-восточной и южной границе, объясняется, прежде всего, тем, что чертеж включает в область кочевания

«белых калмыков» и земли собственно саянцев. Следовательно, фактически и здесь показания документов и чертежа 1667 г. совпадают.

Наконец, восточная граница интересующей нас области проходит на чертеже 1667 г. также заметно восточнее озера Телецкого и близко подходит к г. Кузнецку. Есть основание думать, что в пределы зоны расселения «белых калмыков» на востоке включены и земли телесов, живших на берегах Телецкого озера, и волости северных алтайцев (кумандинцев, челканцев, тубаларов), заселивших в то время весь бассейн р. Бии и долину ее почти до устья. В противном случае рубеж прошел бы значительно западнее, почти по долготе Катунь. Никакого противоречия с показаниями актов чертеж 1667 г. и на сей раз не имеет, если учесть, что князья «белых калмыков» на всем протяжении XVII столетия стремились собирать ясак с северных алтайцев, которых считали своими кыштымами, и что в течение почти всего века «белые калмыки» кочевали почти по всей территории Кузнецкого уезда.

Итак: 1) данные актов о расселении «белых калмыков» в XVII в. находят полное подтверждение на чертеже 1667 г.; 2) область с надписью «саянцы» на чертеже 1667 г. является ни чем иным, как областью кочевания «белых калмыков» или «Телеутской землицей»; 3) «Телеутская землица» представляет собою область обитания не только телеутов, но и «белых калмыков» в широком смысле, то есть всех алтайских племен; 4) «Телеутская землица» является не только зоной кочевания «белых калмыков», но и территорией феодально-племенных образований алтайцев-улусов, сохранивших в начале 60-х гг. XVII века самостоятельность.

Рассмотрим другие картографические материалы XVII в. Общие чертежи Сибири не раз составлялись и после 1667 года. В большинстве своем они остались неизвестными⁸⁹. Те из них, что сохранились до наших дней, являются обычно этнографическими: границы государства и областей обитания народов на этих чертежах, в отличие от чертежа 1667 г., отсутствуют.

В алтайской части общего чертежа Сибири 1673 года обозначено оз. Алтын, а юго-восточнее его — оз. «Лежское» (одно озеро Алтын-Телецкое здесь «разделено» на два). Из оз. Алтын вытекает безымянная река (Бия?), в которую справа впадает р. Тараи (?), а слева — р. Катунь. Ниже слияния Катунь с безымянной рекой в нее с правой стороны впадает река ... Великая Обь. На карте нет г. Томска. Бассейн Иртыша на этом чертеже изображен более верно, чем Верхнеобье и Горный Алтай. Правда, оз. Алтын имеет здесь меридиональную протяженность⁹⁰.

На чертеже Сибири работы Н. Спафария (1678 г.) не только Бия, но и Катунь изображены уже с некоторыми притоками. Зато оз. Алтын снова вытянуто с запада на восток (очевидно, Спафарий не знал чертежа 1673 года), южнее его обозначены горы⁹¹.

Общий чертеж Сибири 1684—85 гг. немногим «красноречивее» своих ближайших предшественников. На этом чертеже Томь показана с Мрассой и Кондомой, а форма оз. Алтын представляет собою нечто среднее между изображениями его на чертежах 1667 и 1673 гг. Из оз. Алтын берет начало ... сама Обь, а Бия и Катунь являются лишь притоками Оби, вершины их не достигают даже широты озера; Чумыш на чертеже вообще не нанесен. Между Обью и Иртышем обозначены озера Уба и Бараба (I), зато нет истинного названия главных барабинских озер — Чаны.

На чертеже 1684—85 гг. есть некоторые сведения этнографического характера. Так, на нем показано расселение ряда племен и народов: на юго-восточном берегу оз. Алтын обитают «теленбуты», на юго-западном — «белые карагайцы», а между ними, на южном берегу — «желтые

учюги», южнее которых живут «саянцы». На чертеже обозначены названиями «Дюрбетска», «Мугалска» и другие «землицы», но границы их не нанесены⁹².

Таким образом, наряду с несомненными достоинствами этого чертежа, налицо и грубые ошибки и недостатки, от которых были свободны более ранние чертежи Сибири. Очевидно, русские все еще плохо знают районы Верхнеобья и Горного Алтая. Только этим можно объяснить отсутствие заметного прогресса в картографии Южной Сибири в 60—80-х гг. XVII столетия.

Менее всего этот прогресс виден на чертежах и картах, составленных в конце XVII — нач. XVIII вв. иностранцами. Так, на карте Виниуса А. А. (конец XVII в.) перепутаны подписи под Бией и Катунью, в результате чего последняя берет начало ... в Телецком озере. Из правых притоков Оби нанесены лишь Томь и, по-видимому, Чумыш (подписи нет). Правда, обозначены две реки, впадающие в Телецкое озеро с юга, но имена их неизвестны⁹³.

Полны неточностей и чертежи Витзена (конец XVII — начало XVIII вв.). Катунью у него названы два притока Оби, впадающие в нее справа и слева, г. Томск стоит на левом берегу Оби выше устья Томи, на р. Бии появился фантастический остров «Катуило» и др⁹⁴.

На карте Н. Идеса (1704 г.) Обь берет начало из оз. Kankisan (?) в верховьях ее стоит остров Populi (?), на Оби, выше устья Томи, живут фантастические племена под названием populilimzini (?)⁹⁵. Недочеты и ошибки в чертежах и картах иностранцев объясняются тем, что нередко они пользовались непроверенными слухами: источником информации их были русские чертежи, документы и другие материалы, но плохое знание русского языка приводило их при переводе русских названий к различным курьезам, вроде названных выше.

Итогам развития русской сибирской картографии в XVII в. справедливо считают чертежи Сибири работы С. У. Ремезова. Как выполненные самим С. У. Ремезовым, так и отредактированные им чертежи, содержат исключительно ценный материал для истории и географии, а также этнографии Сибири вообще и районов Верхней Оби и Горного Алтая в частности. Наследство замечательного картографа XVII в. огромно. Известно несколько собраний ремезовских чертежей и копий с них: Эрмитажное, Румянцевское, Воронцовых-Дашковых и другие⁹⁶.

Из великого множества чертежей С. У. Ремезова нас интересуют лишь те, на которых в той или в иной степени воспроизведены Горный Алтай и Верхнеобье: общий чертеж Сибири (1698 г.), этнографический чертеж Сибири (1700 г.), чертеж «Сходство рек Бии и Катунни», а из отредактированных С. У. Ремезовым чертежей — чертежи городов Томска и Кузнецка с их уездами.

1. Общий чертеж Сибири 1698 г., по мнению А. Н. Андреева, лежит в основе этнографического чертежа Сибири 1700 г.⁹⁷. Поскольку оба чертежа представляют для нас интерес, постараемся рассмотреть и тот и другой, но избежать при этом дублирования.

Общий чертеж Сибири 1698 г. был создан С. У. Ремезовым на основании чертежей, присланных в Москву из сибирских городов⁹⁸, а также чертежей 1667, 1673 и 1684—85 гг. Об использовании Ремезовым общих чертежей Сибири более раннего времени свидетельствуют находки двух отличающихся по манере исполнения копий чертежа 1667 г. Эти копии были найдены А. Н. Андреевым (в Эрмитажном собрании чертежей С. У. Ремезова) и Л. С. Багровым (в собр. Воронцовых-Дашковых)⁹⁹.

На чертеже 1698 г. также, как на чертеже 1684—1685 гг., границы расселения народов и рубежи государства не обозначены, но отдельные

большие участки сибирской территории названы землями — «Тунгуска», «Остяцка» и т. п.¹⁰⁰.

С точки зрения географической Горный Алтай изображен на чертеже Ремезова С. У. значительно точнее и обстоятельнее, чем на всех других общих чертежах XVII в.

Близкую к реальной форму получило на чертеже 1698 г. оз. Алтын, причем нанесены некоторые из впадающих в него речек, например, «Каратан», «Караташ». Бия показана, берущей начало в оз. Алтын, с правой стороны в нее впадает «Лебедь река». Катунь начинается гораздо южнее Телецкого озера, где принимает воды своего правого притока — «Чюи» и др. рек. В бассейне Томи, кроме Мрассы и Кондомы, обозначены такие малые притоки Томи, как Шулиха, Тугоякова, Черная и др. В междуречье Оби и Иртыша нанесены р. Омь, озера «Караган» (Убинское — А. У.), Белое, Сартлан, «Чана» (Чаны — А. У.) и впадающие в них речки — «Коргат» (Киргат — А. У.), «Чюлым», Баган, Тартае, Карасук, а у самого Иртыша — озера Белое и Ямыш.

Зато верхнее течение Оби картировано с большими изъянами. В качестве левых притоков Оби фигурируют здесь рр. «Баган» и «Кулчюма», но нет ни Алая, ни Чарыша, ни Касмалы, ни Барнаулки. Из правых притоков, кроме Томи, выше устья ее, названы Ая и Ояш (?), однако нет ни Чумыша, ни Ини, ни Берди. При этом речки «Кулчюма» и Ояш (?) впадают в Обь почти у слияния Бии и Катунь.

Выходит, что к концу XVII в. русские гораздо лучше знали прителецкие районы, нежели Верхнеобье. Очевидно, Горный Алтай был более доступен для них, во всяком случае в своей северо-восточной части, чем Верхняя Обь.

Чертеж 1698 г. содержит и некоторые этнографические сведения. Озерную часть междуречья Оби и Иртыша (Бараба) заселяют «барабинцы». Бассейн Катунь и до Телецкого озера на востоке занят «карагайцами». На юго-западном берегу оз. Алтын нарисованы значки аилов, над которыми мелкими буквами еще раз написано это слово. Такие же значки под словом «кочевья» стоят западнее левого притока Катунь — р. Бирюза-Ахан. Других этнонимов в этой части чертежа нет¹⁰¹.

II. Еще больший интерес представляет для нас этнографический чертеж Сибири, выполненный С. У. Ремезовым¹⁰².

На этом чертеже сплошными линиями разграничены земли сибирских народов. Интересующий нас район выглядит на чертеже следующим образом.

1. Территория вокруг Телецкого озера обозначена как «Земля алтырцев и теленбицев». На юге граница этой земли идет, по-видимому, по долине Чуи, на западе — по Катунь, у устья Бии и Катунь поворачивает на восток и проходит, очевидно, сначала по Бии, а потом по ее притоку Лебеди. На востоке линия границы довольно далеко отходит от берегов Телецкого озера, включая, надо думать, часть территории современной Хакасии.

2. Правобережье Оби занимает «Земля Кыштымска». На юге она граничит с областью алтырцев и «теленбицев», на востоке — с «Землей кыргыза белых и черных». Не доходя до Томска, ее граница круто поворачивает на запад, а затем по правому берегу Оби идет на юг.

3. По левобережью Оби протянулась «Земля белых калмыков». Восточный ее рубеж проходит по Оби и по Катунь. На севере граница этой области от р. Оби идет сначала на запад, но не достигнув Барабы, делает поворот на юго-запад и идет прямо к оз. Нор-Зайсан, от которого поворачивает по р. Иртыш на юго-восток. Затем от безымянного озера, через которое протекает Иртыш, снова поворачивает сначала на восток, потом на северо-восток и выходит на верховья Катунь.

Разберемся в этнонимах. «Белые калмыки» — это, конечно, телеуты, «кыштымсы» — это северные алтайцы и шорцы, «алтырцы» — киргизское

племя (территория Алтырского княжества близко подходила с востока к Телецкому озеру), «теленбинцами» С. У. Ремезов, очевидно, называет телесов и других алтайцев.

Если объединить три эти «земли», но: 1) исключить земли шорцев и алтырцев (провести восточную границу западнее), 2) и, наоборот, включить земли саянцев на юго-востоке, то получится та самая область, которая на чертеже 1667 г. названа «саянской», но большая доля которой фактически является «землицей» алтайских племен.

Ясно, что С. У. Ремезов использовал в данном случае «Годуновский» чертеж, но внес в него некоторые коррективы, а именно: а) разделил всю область с названием «саянцы» на три части, б) земли собственно саянцев отрезал, в) сдвинул к югу границу области на левом берегу Оби, г) юго-западную границу отодвинул до самого Иртыша.

Таким образом, на этнографическом чертеже показано расселение трех групп алтайского населения — «белых калмыков» (телеуты), «кыштымов» (северные алтайцы) и «теленбинцев» (вероятно остальные южные алтайцы целиком). Названо по имени основное население Верхнеобья «белые калмыки» (телеуты).

Конечно, разделение Горного Алтая и Верхнеобья на три «земли» не имело политического значения, но и в этнографическом плане здесь допущены некоторые погрешности. Во-первых, хотя большая часть телеутов в конце XVII в. жила на левом берегу Оби, телеуты продолжали эксплуатировать свои урочища на правобережье¹⁰³. В этом смысле правобережье Оби оставалось областью их обитания. Во-вторых, русские еще не расселились по правой стороне Оби. Лишь ясашиные татары и «выезжие» телеуты (т. е. акештимши, тогулы и ускатские «белые калмыки») Кузнецкого уезда, отправляясь на охоту и рыбную ловлю, рискуют въезжать в урочища, принадлежавшие Табунову улусу, как в свои собственные.

Что касается русских, то в Табуновых угодьях до конца XVII в. бывали лишь промышленники. Поэтому не случайно на уездных чертежах, составленных в Томске и в Кузнецке, «телеутская межа» отмечается не только на левом, но и на правом берегу Оби¹⁰⁴.

III. Исключительную важность для нашей темы представляют чертежи городов Томска и Кузнецка с их уездами, составленные на местах, но отредактированные С. У. Ремезовым.

Чертеж г. Томска и Томского уезда известен нам в четырех вариантах, причем варианты из «Служебной чертежной книги»¹⁰⁵, из Румянцевского собрания¹⁰⁶ и один из собрания Воронцовых-Дашковых очень близки друг другу, в то время как второй чертеж из собрания Воронцовых-Дашковых является незаконченной копией¹⁰⁷.

В географическом плане чертеж достоин высокой похвалы. На нем весьма подробно нанесена гидросеть, причем Обь и ее основные притоки — Томь, Иня, Бердь и другие вычерчены достаточно точно. Обь и Томь показаны со всеми рукавами и протоками, обозначены хотя и схематично, все мельчайшие притоки не только Оби и Томи, но и Ини, Берди, Шегарки, нанесены сравнительно крупные озера — Качык, Белое и др. По чертежу можно судить о ландшафтной зоне уезда: это лесостепь, о чем говорят разбросанные по всему чертежу рисунки лиственных деревьев, живо напоминающие березовые колки.

Чертеж Томского уезда содержит массу этнографических сведений: здесь много рисунков, по которым легко представить внешний вид города Томска, Уртамского, Сосновского и Верхо-Томского острогов, церквей, деревень и сел, заимок, отдельных домов, юрт и т. п. На чертеже обозначены дороги из Томска в Кузнецк, в Тару и в Телеутскую землю. Но поскольку основная часть картированной местности находится за пределами «телеутского расселения», мы не будем более подробно останавливаться на этнографическом содержании чертежа.

Отметим лишь то, что имеет прямое отношение к нашему вопросу. На чертеже несколько раз встречается название «Телеутская земля». Здесь мы находим совершенно четкие указания на ее северные рубежи. На правобережье Оби граница Томского уезда с «Телеутской землей» обозначена дважды — по р. Берди (выше ее есть текст: «р. Бердь межа с Телеуцкой землей») и по р. Лаилахан (впадает в Обь выше Берди, около ее также есть надпись: «межа с телеутами»).

По-видимому, повторение текста о меже не просто описка. Скорее всего, мы имеем здесь дело с нейтральной полосой, разделяющей русские владения и земли «белых казаков».

На левом берегу Оби рубеж русских и телеутских владений проведен по р. Ирмени, выше которой (по течению Оби) есть надпись «З. Телеуцки», то есть «Земля Телеутская». Выходит, что земли телеутов, судя по чертежу, начинались сразу же южнее р. Ирмени, устье которой выше устья р. Берди километров на 40.

Другой порубежной рекой на левобережье была, вероятно, Агурусса (впадает в Обь слева, ниже Ирмени): именно на эту речку выходит пунктир, обозначающий «рубеж Томской с Барабинским уездом». Кстати, рубеж этот шел из Барабы строго на восток, но задолго до Агууссы резко поворачивал на север-северо-восток и, достигнув вершины этой речки, шел по ней до самой Оби. Это дало основание И. Кузнецову-Красноярскому считать рубежом Томского и Барабинского уездов р. Обь, что, конечно, неверно.¹⁰⁰ восточная часть пунктирной линии (от поворота до Агууссы и по ней до Оби) не может обозначать рубеж между этими уездами, так как фактически обозначает границу между Томским уездом и Телеутской землей. Но суть дела не в этом. Главное в том, что чертеж относит все земли левобережья Оби, лежащие выше Ирмени, к «Телеутской земле».

На чертеже есть тексты, в которых фигурирует название «Телеутская земля». Один из них определяет расстояние от Томска до телеутской межи по воде, другой — по сухопутью. «От Томска, — говорится в первом тексте, — рекою Томью на низ и рекою Обью вверх до рубежа Телеуцкой земли до реки Барды (описка, нужно: Берди — А. У.) 3 недели». Второй текст написан вдоль сухопутной дороги на Томска к телеутскому рубежу, хотя сама дорога при копировке чертежа осталась необозначенной. Текст этот протянулся от Томска к устьям Берди и Агууссы. Он гласит: «От Томска до рубежа Телеуцкой земли до речки Берди на лошадах...»¹⁰⁰

Если на «Годуновском» (1667 г.) и на этнографическом чертежах северные границы алтайских земель нанесены неопределенно, где-то на полпути между устьями Чумыша и Томи, то на чертеже Томска и его уезда этой неопределенности уже нет, граница обозначена достаточно четко. Но нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что здесь есть некоторое расхождение с показаниями автовых материалов, утверждающих, что еще в конце 50-х годов XVII в. в междуречье Нии и Берди было кочевье Табунова улуса. В одном из документов, датированном 1685 г., угодыями Табуновых телеутов в 50-х гг. называются речки Тарема и Косма, а также лес «Товолган». Уже отмечалось выше, что эти речки — левые притоки р. Нии. Таволган был расположен тоже в междуречье Нии и Берди: на чертеже Томска между этими реками есть текст — «Между реи лес, словет Таволган, ходу 2 дня поперег, соболей промышляют».

Нет никакого сомнения в том, что русские власти отодвинули телеутскую межу с Нии на р. Бердь где-то уже в конце XVII в. Есть документальное подтверждение этого изменения границы русскими. В 80-х гг. XVII в. в связи с жалобами кн. Табуна на то, что «выезжие телеуты» и русские промышляют в их угодах в Таволгане, кузнецкий воевода И. Коищев проводил расследование. Он пришел к выводу, что действительно в эти урочища ходят промышлять и русские люди, и татары, и

«свезжие калмыки» и, чтобы узаконить этот захват чужих угодий предлагал Томским воеводам кн. А. М. Кольцову-Мосальскому «с товарищи» перенести межу на р. Бердь... «а межи, господине, положить промышленным всяких чинов людям за Товалган на Бердь реке и чернолесье»¹¹⁰. Указав, что новая межа ближе к Кузнецку, воевода возражал против допуска улусных людей Табуна в прежние урочища: «А есть ли, господине, будут Табуниковы люди кочевать (и) промышленять по сю сторону Берди (т. е. на правой стороне, в междуречье Берди и Ини — А. У.), и гжударскому ясаку помещка будет большая и русским людям «утеснение»¹¹¹.

Очевидно, все эти соображения были приняты во внимание, и русские власти Томска самовольно отодвинули межу с телеутами на юг, где она была зафиксирована чертежом конца XVII в. Однако, судя по чертежу Томского города, еще на грани XVII—XVIII вв. не было ни одной русской деревеньки не только в междуречье Ини и Берди, но даже между Ояшем и Иней (правый берег Оби), а также между Уенью и Ирменью (левый берег Оби), то есть значительно севернее указанных на карте рубежей.

В заключение обзора чертежа Томского города заметим, что русские хорошо знали порубежную зону с «Телеутской землей»: указаны все мелкие притоки Ини, Берди и Оби в ее пределах, измерена ширина Товолгана, длина р. Берди («ходу 15 дён от устья до Юмана-Берди»). Многие из названных на чертеже рек и речек до сих пор сохранили свои «телеутские» имена: «Чарап» (ныне Шарап), «Ордо» (ныне Орда), «Алеус» (ныне носит это же имя) и др. Пунктиром отмечена дорога «ис Томска степью конная в Кузнецк», проходившая между Иней и Бердью в их верхнем течении.

IV. Чертеж Кузнецкого уезда представлен тремя вариантами: по одному в каждом из упомянутых выше ремезовских собраний.¹¹² Между ними нет существенной разницы, особенно близки опять таки чертежи на «Служебной» и «Чертежной» книг. В целом они более детальные, чем чертеж из атласа Л. С. Баграма.

На чертеже Кузнецкого города подробно и в основном правильно представлены речные системы Телецкого озера, Бии, верхней Томи и верхней Оби. Телецкое озеро имеет меридионально вытянутую форму, нанесены рч. Черная и р. Чулышман; а на западном берегу озера — гора «Ик». Текст около него гласит, что в длину озеро (если ехать «в лодках») протянулось на «полтретья дня», т. е. на 2,5 дня, «а поперег день невступно» и что от озера до Кузнецка «конного ходу 6 дней». Особо подробно изображена гидросеть Томи, ее главных притоков — Кондомы и Мрассы, но их бассейны выходят за пределы интересующей нас области.

Верхняя Обь и Бия вычерчены более схематично и менее верно¹¹³. Например, левые притоки Оби показаны условно, причем места их перепутаны «поменились местами» рр. «Бороноул» и «Касмели», «Чарыны» и «Алий», между Барнаулом и Алеем нанесена еще рч. «Дюля» (Калмак?). Из правых притоков Оби отмечены р. «Оуень» (Уень или Иня), р. «Берть», р. «Сары Чумыш» (Чумыш) и мелкие речки — «Тыры», «Тажары», «Тюрюк» и др. (современные Лосиха, Бобровка, Большая Речка и др.), а из озер правобережья — оз. «Белое» и «Иккуль—Божие» (Б и М. Иткуль). Иня дана со своими основными левыми притоками — «Тарспой», «Каспой», «Оуром» (Ур) и Бачатами. Бердь значительно уступает ей по длине. Хорошо вычерчены р. «Сары-Чумыш» и сливающаяся с ней р. Кара-Чумыш. Назван один из истоков последнего — р. Томь-Чумыш и приток «Сары-Чумыша» — р. Тогул и ряд мелких речек.

Из притоков Бии обозначены рр. «Клык», «Багур», Лебедь, Неня, «Битемир» (Бехтемир). Катунь показана лишь в самом нижнем течении, нанесены ее правые притоки — рр. Иша и Найма.

Отметим еще, что по всей территории Верхнеобья разбросаны колки, а в междуречьях Ини и Берди, Берди и Кара-Чумыша нарисованы шеренги хвойных деревьев и сделаны надписи «Чернолесье».

На чертеже Кузнецкого уезда также много этнографических деталей. Тут и рисунок Кузнецка, и монастыря около него, деревень, рассеянных по Томи и ее притокам — Кондоме, Обе, Ускату и монастырских мельниц и т. п. Здесь можно проследить дорогу, соединяющую Томск с Кузнецком: от Уени, которую она пересекает близ устья «Тарспы», через «Каспу», Ур, Бачата и приток Томи — Ускат она подходит у с. Никольского к Томи, идет через реку к д. Антиновой, а от нее по правому берегу Томи через речки Черную и Чесноковку в Кузнецк. От Томска до Уени дорога длилась «конною ходу 4 дни», еще столько же требовалось от Уени до Кузнецка.

Другая дорога вела от Кузнецка к устью Бии и Катунь. Она перерезала Томь у Абиных юрт, шла правым берегом р. Кондомы до д. Кондратьевой, где была переправа через Кондому, затем вдоль правого берега р. Кинечор (?) и через верховья Сары Чумыша выходила на «Битемир». По правому берегу этой речки дорога шла до самого устья ее и потом уже правым берегом Бии до слияния ее с Катунью. Эта дорога занимала 5 дней «конем».

На чертеже обозначена также и дорога из Кузнецка до Телецкого озера. Она шла до переправы в д. Кондратьевой правым берегом, а после переправы через эту реку у Барсоякова улуса левым берегом до притока Кондомы — Антрона. Затем она пересекала Антрон у его устья и шла левым его берегом до вершины рр. Лебеди и Клыка, обогнув которые, выходила к Телецкому озеру.¹¹⁴

Тексты о длительности пути по всем названным маршрутам написаны прямо на чертеже.

Чертеж Кузнецкого уезда дает довольно полную картину расселения родоплеменных групп, населявших уезд и соседнее с ним Верхнеобье в конце XVII в. Оставляя в стороне волости ясаших шорцев, проследим данные по расселению алтайцев.

Северные алтайцы по этому чертежу занимали бассейн р. Бии. По левому берегу р. Лебеди до ее устья расселились чалканцы («шалкалы»). Волости Верхняя и Нижняя Куманда (кумандинцы) находились на правом берегу Бии между устьями р. Лебеди и Нени. Тубалары (волость Кергешская) обитали на северном берегу Телецкого озера и в верховьях Бии по обе ее стороны, а также в междуречье Бии и Катунь (волость Комляшская).

В нижнем течении Бии по обе стороны жили «карагайцы» (в актах обычно — «керсагалцы» — А. У.), которых Б. О. Долгих относит к нижним кумандинцам, но допускает и возможность отнесения их к «белым калмыкам».¹¹⁵

Огромные территории по чертежу занимают телеуты. По левому берегу Оби почти от широты Берди (т. е. видимо, от р. Ирмени) и до р. Дюлы (?) кочевали «белые калмыки Табуновы», а южнее р. Дюлы, в долинах Алея и Чарыша — «белые калмыки Шадасевы». Южнее их, к западу от Катунь, жили «черные калмыки», возможно, частично они принадлежали к «карагайцам». На правобережье Оби телеуты показаны живущими между устьями Уени и Берди, а также между Бертью и Сары Чумышем.¹¹⁶

Между верховьями Уени и р. Ускат на чертеже размещена волость «ашкништимцев», между Сары-Чумышом и р. Тогул (правый приток Сары-Чумыша) Тогульская волость. В верхнем течении Сары-Чумыша, по его левому берегу обозначены волости нижних и верхних тагапцев, Азкештимцев, тогулов и тагапцев. Б. О. Долгих относит к телеутам.¹¹⁷

Наконец в долинах притоков Томи — рр. Черной и Чесноковки (на правом берегу Томи) также кочуют ясашие телеуты.

Выходя за рамки темы, можно еще отметить, что соседний с Биею бассейн р. Кондомы заселен ясачными шорцами, а на южном берегу Телецкого озера отмечено место обитания саянцев.

В свое время, после выхода в свет «Чертежной книги Сибири 1701 года» (Санкт-Петербург, 1882 г.), являющейся публикацией бывшего Румянцевского собрания копий с чертежей С. У. Ремезова, историко-этнографическое содержание атласа было проанализировано известным этнографом Г. Н. Потаниным.¹¹⁶

Г. Н. Потанин пришел к правильному выводу о том, что исторические сведения на чертежах этого атласа относятся к разному времени, высказавшись за необходимость критического подхода к ним. Он привел ряд аргументов в пользу своего положения. В частности, полагая, что к 1701 году, когда С. У. Ремезов закончил работу по составлению своего атласа Сибири, племена уже распределялись по-иному, чем это указано на чертежах С. У. Ремезова, Г. Н. Потанин приводил в качестве примера «белых калмыков Шадаевых», живших на левом берегу Оби, южнее р. Дюля (Калманка?). Такого племени, по Г. Н. Потанину, не было не только в XIX, но и в XVIII в.¹¹⁷ С последним утверждением Г. Н. Потанина мы не согласны.

«Белые калмыки Шадаевы» — это либо часть телеутов, либо «белые калмыки» в широком значении этого слова, которых можно считать и предками современных алтай-кижи и теленгитов, то есть южных алтайцев¹¹⁸, во главе которых сначала стоял Мачик Койшебурии, а после его смерти старший сын Мачика Шадай и его братья — Бейкон, Теней, Топоур¹¹⁹. Мы уже приводили сведения из актовых материалов, подтверждающие, что по крайней мере до 1718 г. в левобережной части Верхнеобья продолжали обитать «белые калмыки». Так почему мы должны считать, что это были «Табунови белые калмыки», а Шадаевых тут уже не было?

Кстати, тексты о приобских «белых калмыках» на чертеже Кузнецкого уезда позволяют абсолютно точно датировать этот чертеж. Приговор Сибирского приказа о составлении чертежей в сибирских городах состоялся 10 января 1696 г.¹²⁰ Судя по тому, что на чертеже во главе части «белых калмыков» назван еще Табуи, умерший в 1697 г.¹²¹, чертеж Кузнецкого уезда был исполнен в 1696 году или в начале 1697 г.

Г. Н. Потанин считает также, что под именем «черных калмыков» (на левом берегу Катунь) Ремезов подразумевал алтайцев. Едва ли это так. Ведь во многих документах конца XVII — нач. XVIII вв. говорится о жизни в этих местах именно черных калмыков, возглавлявшихся князьями Матуром-Тайши, Кокон-Батыром и др. С ними соседнили здесь и «белые калмыки» из улусов Табуна, а затем Шала и из улусов детей брата Мачика — Уделека (напр. Ирки Уделекова)¹²².

Неясно, почему Г. Н. Потанин считает, что сведения о кочевьях телеутов на правом берегу Томи, в районе рч. Черной можно отнести на счет неточности составителя чертежа. Если предгорные телеуты кочевали по р. Чесноковка, с чем согласен Г. Н. Потанин, то почему они не могли кочевать по соседней с ней речке Черной?

Отнюдь не отрицая необходимости критической проверки данного чертежа и чертежа Томского уезда, мы вместе с тем считаем, что историко-этнографические сведения, сообщаемые ими, в массе своей вполне достоверны: чертежи составлялись на месте и они не могли не учитывать самых последних изменений, происшедших в распространении племен, разграничении их земель с русскими землями, в политической жизни их. И трудно предположить, чтобы С. У. Ремезов, редактируя эти чертежи, стремился заменить эти новейшие данные устаревшими сведениями.

Таким образом, мы приходим как раз к выводу, противоположному тому, который был сделан Г. Н. Потаниным. По нашему мнению, чертежи Кузнецкого и Томского уездов отражают как раз именно ту картину

расселения племен, расположения ясачных волостей и т. п., которая имели место в действительности в самом конце XVII в., точнее в 1696—97 гг.

Нельзя пройти мимо еще одной группы чертежей, содержащих такие географические и историко-этнографические сведения о Горном Алтае и Верхней Оби. Это, собственно, чертежи «Сходство рек Бии и Катунь»¹²⁵.

На этих чертежах дана гидросеть Бии и Катунь, а также Телецкого озера. Наиболее крупные ошибки в изображении ее заключаются в том, что на них р. Катунь берет начало... в оз. Кан, а в бассейне Бии — р. Сары-Чумыш впадает... в р. Бию. Вместе с тем, здесь впервые более подробно представлен бассейн Катунь — обозначены ее притоки «Чюя», Бирюзя-Ахан, Найма, Иша, Аир и др.

Интересны историко-этнографические данные этих чертежей. По правому берегу р. Лебеди, сверху вниз, обозначены волости челканцев («шалкалы»), нижних кумандинов и «карагайлов». На правом берегу Бии, по выходе ее из Телецкого озера, показана «Кергейская» волость. На северо-восточном берегу Телецкого озера поселены «телесцы», южнее их на восточном берегу «царство Алтырское», между Челушманом и Каратаном — саянцы (на юго-восточном берегу оз. Алтын), а между рр. Каратаи и Караташ некая «Телень-Орда», наконец, на юго-западном берегу оз. Телецкого и на правом берегу р. Черной «теленбуты».

Заселен также бассейн Катунь. На правом берегу ее между Чуей и Наймой нарисованы аулы «комляшей», между Наймой и Пшой — низкие шалашы «таутелеутов», в верховьях Иши — кочевья каких-то «шарашматудов», а ниже устья Иши, на правом же берегу Катунь, обозначены кочевья тайши Тархана. По левой стороне Катунь, снизу вверх, «карагайцы» (почти напротив кочевий тайши Тархана), а западнее их в урочище Карагай у оз. Аба — «карагайцы». Напротив устья Иши, между рр. Танжи и Аир — кочевья тайши Манжи-Тархана, а выше р. Аир — тайши Лямаши. В самых верховьях Катунь, по обе стороны ее, стоят шатры «карабитцев»¹²⁶.

Таким образом, мы видим долину Катунь, заселенной не только алтайцами, но и, по видимому, «черными калмыками» («шарашматуды» частично, видимо «карагайцы», кочевья разных тайшей), долина Лебеди — занята северными алтайцами. Тубалары («Кергейская волость»), телесы («телесцы», «тележцы»), киргизы-алтырцы («царство Алтырское»), саянцы, теленгуты («теленбуты») и какая-то «Телень-Орда» обитают вокруг Телецкого озера.

Достаточно беглого взгляда, чтобы понять, что этническая обстановка нанесена здесь по состоянию на 50—60 гг. XVII в., когда жили тайши Учюрта, Лямаши, Манжи Тархан и др., чьи имена названы на чертеже.

Оценивая эти чертежи, следует вполне согласиться с Г. Н. Потаниным: данное распределение племен, конечно, не соответствовало концу XVII — нач. XVIII вв., когда был закончен С. У. Ремезовым его атлас.

Обзор картографического наследия С. У. Ремезова свидетельствует о несомненных и крупных сдвигах в знаниях русских людей по географии Верхнеобья и Горного Алтая. Вместе с тем, столь же несомненно, что они гораздо хуже представляют географию левобережья Оби, т. е. того района, который по политическим причинам оставался для них труднодоступным до самого конца XVII в.

Все общие чертежи работы С. У. Ремезова безусловно строились на основе общих чертежей-предшественников, а также на базе чертежей, составленных на местах. Использование чертежей Томского и Кузнецкого уездов при работе С. У. Ремезова над общим и этнографическим чертежами Сибири не вызывает никаких сомнений. Достаточно указать, что северная граница «Кыштымской земли» и «Земли белых калмыков» на этнографическом чертеже проведена точно так же, как на чертеже

Томского уезда обозначена северная межа «Телеутской земли», а расположение ясаших волостей по Бии на чертеже «Сходство рек Бии и Катунь» то самое, что мы видели на чертеже «Грани Кузнецкого уезда».

Мы не знаем, были ли какие-нибудь чертежные источники у составителей чертежей Томского и Кузнецкого уезда, но работу свою они выполнили неплохо: очень правильно вычерчены русла не только Оби и Томи, но и Чумыша, Нии и других рек.

В историко-этнографическом отношении чертежи Томского и Кузнецкого уездов представляют, ввиду обилия и точности содержащейся в них информации, наибольший интерес, гораздо больший, нежели общие чертежи Сибири. Мы считаем, что они дают более правильное представление о расселении алтайцев вообще, и телеутов в частности, в конце XVII в., нежели этнографический чертеж 1700 г. Все это делает их очень важным источником по истории Верхнеобья и Горного Алтая на грани XVII и XVIII вв.

В целом картографические материалы не только подтверждают в основном показания актовых источников о расселении телеутов и других алтайцев в XVII в., но и как правило уточняют их, локализуя этнические группы, о которых идет речь в актах.

III ЧЕРТЕЖНЫЕ «РОСПИСИ» И ДРУГИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ И ГОРНОМ АЛТАЕ В XVII ВЕКЕ

Другим видом географических источников по истории Верхнеобья и Горного Алтая являются географические описания Сибири XVII в. К числу их относят, прежде всего, «рописи» к некоторым общим чертежам Сибири, дорожный дневник Н. Спафария и летопись, называемую «Описание Сибири» и датируемую 1683 годом.

«Росписи» составлялись к каждому общему чертежу Сибири. Они имели чисто служебное назначение: в них отмечались расстояния между населенными пунктами, государствами, особо важными урочищами и т. п. Встречаются в «рописях» сведения о природных условиях, этнографические заметки.

А. «Роспись» к чертежу 1633 г., к сожалению, частично утрачена, причем не сохранилась как раз вторая ее часть, содержащая сведения о городах Томского разряда, о расстояниях между ними и др.¹²⁷

Б. «Роспись» «Годуновского» чертежа (она называется «Роспись против чертежу 176 года»¹²⁸) до 1962 г. была не опубликована.¹²⁹ Но на основе ее, как установил А. И. Андреев, было составлено географическое описание Сибири под названием «Чертеж всей Сибири, збранный в Тобольске». Это описание А. Титов принял по ошибке за подлинную «Роспись против чертежу 176 г.» и опубликовал в 1890 г.¹³⁰

Из этого описания мы узнаем ряд сведений о Верхнеобье. Вот почти полный текст его: от Томска до устья Бии и Катунь «ходу дощаником 10 недель; и на устье тех обеих рек есть красный яр, а в то место угодно быть великому государю городу или острогу, потому что места пашенные и всякого зверя соболей и лисиц и бобровых речек много, и прибыль великим государем будет немалая. А Бия река течет из озера Телецкого и вдоль потому озеру в легком малом судне ездю 5 дней; и около тех мест кочюют многие иноземцы, а ясаку великим государем не платят»¹³¹. Далее указываются расстояния от устья Бии и Катунь до Китая и других государств Азии.

В. «Роспись» чертежа 1673 г. сохранилась до наших дней. Она частью повторяет, частью уточняет и дополняет сведения о Верхней Оби и Горном Алтае, содержащиеся в «Чертеже всей Сибири...». Так, повторены расстояния от устья Бии и Катунь до Томска и до Китайского госу-

дарства. «А Бия река течет из Алтына озера; а вдоль по тому озеру в легком судне ехать 6 дней, а поперек день» — уточняет «Роспись» 1673 года¹³². Из дополнений следует назвать расшифровку состава «иноземцев», кочующих около оз. Алтын: это — саянцы, «мундусцы», «скаймайцы», «теленгуты», «яумундусцы», «сучюги», «карагайцы»¹³³. В «Росписи» 1673 г. содержится и ошибочное сообщение о том, что на устье Бии и Катуня «есть Красный Яр острог»¹³⁴, об этой ошибке будет сказано ниже.

Г. Дневник Н. Спафария, в свою очередь, во многом повторяет «Роспись» 1673 г.: в числе кочующих у «Тележского озера» «народов» он называет саянцев, «мендужцев», «скаймайцев», «яумендужцев», «таутелугтов», «сучугтов» и «карганцев», отмечая, что парю они ясака не платят, «а за Томском даде живут Калмыки и до самой вершины Оби»¹³⁵. Дневные Н. Спафария о расстояниях в этих местах (от устья Бии и Катуня до Китая) не содержат ничего нового. Спафарий отмечает, что места обитания верхнеобских племен «зело хлеборобные и степные и леса есть же». Правда, Н. Спафарий пуганно излагает сведения об истоках Оби: «А вершина реки Оби начинается первая от большого Тележского озера, которого и Алтын называют... А другие вершины есть две реки: одна Бия, а другая Катуня. И те реки издали текут и потеряли имя свое и именуется Обь. А меж тех рек есть зело хорошие займища и места хлебородные и остроги мочно поставить»¹³⁶. У Оби, по Спафарию, получается несколько вершин, причем из Алтын-озера вытекает не «Бия», а какая-то или даже две какие-то другие реки. Эта путаница объясняется тем, что в верховьях Оби, и тем более в Горном Алтае, Спафарий не бывал и описал эти места по «сказкам»¹³⁷.

Д. Около 1683 года была написана летопись известная в науке как «Описание Сибири»¹³⁸. В ней мы находим ряд новых интересных данных. Более точное, чем у Спафария, дано толкование об истоках Оби: «Великая Обь вышла одною вершиною изпод Тангуйской земли, там же иновари называют оную Катуня; а другую вершиною вышла изпод Мунгальской земли из великого озера Алтыни»¹³⁹. Далее сообщается, что у озера «Алтын-Кул» кочуют Мунгальской Поджян хан и иные тайши; а рыбы в нем всякой множество, и перья морская есть»¹⁴⁰, что начинается ниже слияния Бии и Катуня и названа та река от величинны ея Великая река Обь». «Описание Сибири» утверждает, что от устья Томи до устья Бии и Катуня «ходу стругами полтора месяца»¹⁴¹.

Большой интерес вызывают заметки «Описания» о населении и природных условиях Верхнеобья: «А около тех мест по обеим сторонам реки Оби живут ясачные люди Татарове и Белые Калмыки, ясак же платят Черных Калмык Богохте хану и иным тайшам, братьям и сродникам его ханским. И вверх около велики рек и устья Бии и Катуня места зело плодильные лесами и полями, чернота земляная в человека вышиною; а в рязе всякого, птиц и рыбы всякой велие множество»¹⁴². Затем излагаются мысли о желательности сооружения острога на устье Бии и Катуня, в этом важно в стратегическом и торговом отношении месте.

Е. «Роспись» к общему чертежу Сибири, составленному С. У. Ремезовым в 1698 г., имеет чисто прикладной характер. Некоторое отношение к Верхнеобью в ее тексте имеет лишь указание о расстоянии от Тары до Барабы (2 недели) и от Барабы до Томска (2 недели) сухим путем¹⁴³.

Есть смысл проанализировать содержание географических описаний XVII в. подробнее. Прежде всего бросаются в глаза три момента. Во-первых, описания содержат немало интересных сведений по географии, этнографии и истории Верхней Оби и Горного Алтая и существенно дополняют и «разъясняют» общие чертежи второй половины XVII в. Прогресс в этом отношении несомнен, но накопление знаний идет в XVII веке очень медленно.

Во-вторых, более поздние «росписи» и описания (также, как и чер

тежи) в основе своей содержат «рописи» и описания предшествовавшего им времени.

В третьих, сведения о расселении родоплеменных групп, имеющиеся в географических описаниях, целиком подтверждаются актовыми материалами. Перечисленные в них этнические группы действительно обитают в соответствующее время в названных районах (в Верхнеобье, вокруг Телецкого озера и т. п.). При этом большинство этих групп может быть отнесено к «белым калмыкам» в широком значении этого слова, т. е. к алтайским племенам. Исключения составляют лишь саянцы и «мугалы», кочующие в районе Телецкого озера по данным «Описания Сибири» 1683 г.

«Татаров», живущие в Верхнеобье по «Описанию Сибири», это прежде всего северные алтайцы, а затем, возможно, мелкие тюркоязычные группы, вроде чатов итеренинцев, обитавшие за северным рубежом «Телеутской земли». «Калмыки», которые по Спафарию, живут по Оби почти от Томска до вершины этой реки, — конечно, «белые калмыки» (телеуты). Это разъясняет «Описание Сибири», появившееся пятью годами позже дневника Спафария, называющее эту группу уже не просто «калмыками», а именно «белыми калмыками».

В географических описаниях названия, обозначающие, по-видимому, более крупные, чем род, этнические единицы. Таковы термины «таутелеуты» (это название, судя по именам ясачных волостей — Мундусская, Тодошская, было общим, по крайней мере, для 2-х родов) и «карагайцы» «Росписи» 1673 г. (П. Спафарий их называет «караганцами»). Выше уже говорилось, что это территориальное название, возможно это было в то время общее имя точек, мунгатов и других групп, которых считают предками современных алтай-кижи и теленгитов¹⁴. Не исключено, что могли под этим именем скрываться и группы «черных калмыков». Таков же характер, очевидно, и этнонима «теленгуты» в «Росписи» 1673 г. (в чертеже 1684—85 гг. и на чертеже «Сходство рек Бии и Катунь» С. У. Ремезова они названы «теленбутами», а на этнографическом чертеже 1700 г. — «теленбинцами»). Можно думать, что в XVII в. так именовали потомков телесов 20—60 гг. XVII в. — теленгитов. При этом общим именем их, точнее именем племенного княжества, могло служить встречающееся на чертежах С. У. Ремезова название «Тельнь-Орда» (на юго-восточном берегу Телецкого озера), в таком случае этноним «теленбуты» («теленгуты») мог обозначать одну родовую группу.

Что касается остальных этнических терминов из географических описаний, то они, скорее всего, обозначают отдельные роды. Таковы «мундусцы», «яумундусцы» («Роспись» 1673 г., в дневнике Спафария — «мундусцы» и «яумундусцы»), «каймайцы» и «учюги» (на чертеже 1684—85 гг. «желтые учюги»). Род Мундус, по П. Е. Тадьеву, есть у телеутов, теленгитов, алтай-кижи и тубаларов. Род Майман (ср. «каймайцы») известен у телеутов, теленгитов и алтай-кижи. «Учюги», по-видимому, могут быть связаны с родом Очы, имеющимся у телеутов и алтай-кижи¹⁵.

Все эти родовые группы принадлежат к племенам южных алтайцев, прежде всего, к телесам-теленгитам и алтай-кижи. Не составляют исключения в этом отношении и так называемые тау-телеуты, которые тоже, по-видимому, могут быть названы предками современных алтай-кижи¹⁶.

Географические описания, как и всякий вид источников, требует к себе критического отношения. Подлежат проверке и немногочисленные, но очень важные сведения по истории народов Южной Сибири, которые мы находим в этих источниках.

Выше говорилось о том, что в «Росписи» 1673 г. есть слова об остроге в устье Бии и Катунь. Это известие ввело в заблуждение даже А. И. Андурсева, который на основании его пишет, что между 1667 и 1673 годами в

устья Бии и Катунь был построен острог¹⁴⁷. На самом деле никакого острога здесь в это время не строили и в 1673 г. его там не было. В дневнике Н. Спафария этот факт не отмечен, но в «Описании Сибири» 1683 г. снова упоминается об «остроге великом». В то же время в дневнике Спафария¹⁴⁸ и само «Описание Сибири»¹⁴⁹ несколькими строчками ниже рекомендуют построить в этих местах острог: если острог был уже построен, то к чему, спрашивается, эти запоздалые рекомендации? В чем же дело? Дело в простой ошибке — опiske. Разъясняется эта ошибка в тексте «Описания Сибири». «И через то место, — говорится в нем, — и устья Бии и Катунь на великой реке стоит острог великой, и тем местом Калмыки Черные из своей земли в Мунгальскую и Киргизскую землю ходят, а Мунгалы и Киргизы тем же местом от себя ходят к ним Калмыкам»¹⁵⁰. Здесь явно речь идет не об остроге, а об острове, иначе следующие за этим слова — «И только б изволили и указали великие государя на том месте на устья Бии и Катунь город или острог поставится и он бы великим государям великая прибыль была в ясак от ясачных и в проезде от торговых людей всяких»¹⁵¹ теряют всякий смысл.

Из сведений исторического характера можно назвать заметки о том, что халкаский алтын-хан Лоузан кочует на восточном берегу Телецкого озера («Описание Сибири») и указания на характер политических отношений между населением Верхнего Приобья и Горного Алтая, рассмотренные в других описаниях. Так, например, в «Чертеже всей Сибири» и «Описанием в Тобольске» отмечается независимость племен, кочевавших в 60-х гг. XVII в. в окрестностях того же Телецкого озера от Русского государства («ясак великим государем не платят»). Такое же положение сохраняется и в 70-х гг. XVII в., судя по «Росписи» 1673 г. и дневнику Н. Спафария.

Особую ценность приобретают для нас аналогичные сведения о населении Верхнего Приобья. «Чертеж всей Сибири» дает основание судить о том, что племена, обитающие близ устья Бии и Катунь, тоже не платят ясак русскому царю, как и прителецкие племена. Дневник Н. Спафария (1678 г.) ничего не говорит об уплате ясака населением Приобья («калмыками», как он называет телеутов), но не забывает указать, что племена и роды, кочующие у оз. Алтая, ясака царю Руси не платят.

А через несколько лет в «Описании Сибири» (1683 г.) уже утверждается, что «татарове» (северные алтайцы) и «белые калмыки» платят ясак «Богохте-хану и иным тайшам, братьям и сродникам его хаанским».

Встает вопрос: почему до сих пор ни в одном из описаний не отмечено это обстоятельство — уплата ясака телеутами («черным калмыкам»). Ведь это же важный факт, характеризующий положение их в Южной Сибири. Почему Спафарий сообщает о независимости прителецких племен, но молчит о зависимости телеутов от джунгарских ханов? Очевидно, в географических описаниях 60–70-х гг. XVII в. нет сведений об уплате телеутами алмана Джунгарии по той простой причине, что они его действительно не платили в это время, то есть были фактически независимы от ханов Джунгарии. Но как только в 1679 г. телеутские князья были подчинены Гагдан-ханом (Бошту-хан) и стали платить ему алман, это обстоятельство сразу же было замечено русскими и уже попало в летопись «Описание Сибири» в 1683 году.

Нам эти сведения представляются очень важными, поскольку в исторической науке господствует мнение о полной зависимости телеутских князей от Джунгарии на всем протяжении XVII в., с чем мы не согласны¹⁵².

Таким образом, географические описания XVII в. являются также ценным источником по истории Верхнего Приобья и Горного Алтая.

Они подтверждают и уточняют данные русских актов о расселении в Верхнем Приобье и в Горном Алтае в XVII в. алтайцев вообще и телеутов, в частности.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АЛТАЙСКИХ ПОСОЛЬСКИХ СВЯЗЕЙ В 40—90 ГОДАХ XVII ВЕКА

Марксистско-ленинское освещение развития взаимоотношений между народами советского многонационального государства имеет важное научно-познавательное и практическое значение. Изучение этой проблемы способствует воспитанию народов нашей страны в духе интернационализма, укреплению дружбы между ними, являющейся фундаментом силы и могущества Советского государства.

В исторической литературе, касающейся истории Алтая, имеется ограниченное число работ, посвященных изучению истории русско-алтайских посольских связей. Так, в работах Л. П. Потапова¹, основанных главным образом на материалах, опубликованных дореволюционными исследователями, а также на основе собственных экспедиционных материалов, раскрыта сущность хозяйственно-экономической жизни алтайцев с ее конкретными формами общественных отношений, формами собственности на основные средства производства, формами эксплуатации и другие вопросы. Однако проблема русско-алтайских посольских связей осталась не раскрытой, тем более, что вторая половина XVII и начало XVIII века выпали из области исследования Л. П. Потапова. Не нашла своего отражения эта проблема и в работе С. А. Токарева². Полнее данный вопрос был освещен П. Е. Тадиевым³, введшим в научный оборот целый ряд новых архивных документов.

Учитывая важность и слабую изученность этого вопроса, автор на основе имеющихся источников пытается проследить путь развития русско-алтайских посольских связей. Основным источником для освещения данной темы являются материалы Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА).

На всем протяжении первой половины XVII века сибирской администрации то и дело приходилось приводить «под высокую государеву руку» кочевое население южной Сибири, которое в зависимости от обстановки то искало защиты у Русского государства, обязываясь за это платить ясак, то нарушало присягу и становилось его противником.

Естественно, что в этих условиях один неверный шаг мог привести к серьезным последствиям во взаимоотношениях русского государства с местными племенами и народностями, тем более, что положение России в южной Сибири было еще неустойчивым. Учитывая беспокойное состояние кочевых племен в этом районе, царская администрация предпринимает шаги к более тесному контакту с ними и, в частности, с алтайцами. Царское самодержавие путем всякого рода поправок и посулов наиболее влиятельной части алтайской родоплеменной знати, пыталось наладить добрососедские отношения с ней и тем самым добиться спокойствия на своих южных границах. С этой целью неоднократно организуются посольства из Томского и Кузнецкого городов к представителям алтайской родоплеменной знати.

В частности, летом 1646 года к одному из наиболее сильных и влиятельных алтайских князцов, Коке Абакову, был послан «томский сын боярский» Петр Сабанский, «дабы Коку со всеми его лутчими улусны-

ми людьми к шерти привести по их вере»⁴. Щедро одаренные подарками «лучшие улусные Кокины люди»: Битен Невтичин, Торгай Бабеков, Читай Тереев, Чендугар Базыбеков, Бочета Тесбикеев, а также родственники Коки, брат Кулудай Абаков, дядя Ендугай «шертовали за князя Коку Абакова, за себя и за всех своих улусных людей», и подтверждая преданность великому государю «к ковшу приложились»⁵. На вопрос же П. Сабанского, почему сам Кока не шертовал, последний ответил, что «шертовали де за него в Томской послы его Ендугай да Урузак с товарищи, а здесь-де шертовал за него брат его родной и дядя и улусные лучшие люди... а... ему Коке шертовать не мочно...», так, как «был он Кока в прошлом во 153 году у Богатур-контайши и его Коку Богатур-контайша к шерти самого хотел привести. И Кока де Богатур-контайше сам не шертовал, а шертовал за него брат его, и только Богатур-контайша проведает, что он Кока сам дал шерть государю и великому князю всея Руси и за то ему Коке от Богатур-контайши быть разорену»⁶. Несмотря на такой оборот дела, П. Сабанский торжественно преподнес Коке Абакову государево жалованье и подарки. Польщенный вниманием Кока дарит великому государю Алексею Михайловичу в поминки «коши добра»⁷. Таким образом, судя по конечным результатам, можно констатировать, что дипломатическая миссия Петра Сабанского закончилась успешно.

Но не каждое посольство сибирской администрации к алтайским князьям достигало желаемого результата. Причиной дипломатических срывов и неудач зачастую была закулисная борьба внутриадминистративных органов управления Сибири, куда вплоть до середины XVII века направляли двух воевод, один из которых был старшим. По замыслу царского правительства, это в какой-то мере должно было ограничить самоуправство и бесконтрольность отдельных воевод в управлении на местах. Но взаимный контроль воевод часто превращался во взаимную вражду. Нередко эта вражда препятствовала русским послам выполнить поставленную перед ними задачу, а сами послы часто становились жертвами воеводских интриг. Примером может послужить посольство томского служилого человека, десятника Василия Буриашева, посланного томским воеводой Ильей Буяниковым к Коке Абакову летом 1649 года⁸.

На вопросы Буриашева, почему де Кока «долгое время людей своих в город не присылал ни с какими вестми, ни с торгом и нет ли шалости у него какие, или от калмыцких людей от контайши вестей»⁹, Кока отвечал: «Я де многое время в город людей своих не посылал, что сидел воевода князь Осип Иванович (Щербатый — Н. М.), а дурна многое делал служилым людям и чацким татарам и пашенным крестьянам и еустигским татарам и ясачным людям остякам и нам, калмакам белым... Я, Кока слышал, что князь Осип Иванович казаков грабил, у кого что себе имеет: коня доброго, что из живых есть у казаков, и он в тюрьму сажает и кнутом бьет и животом вымучивает... то я, Кока, все слышу про такого воеводу. Да он же князь Осип Иванович... контайше велел меня, Коку Абакова, воевать, а неведомо за что, а я, Кока, видел тою грамотку сам у контайшина человека, ты де контайша воюй Коку с ту сторону, а я (Осип Иванович — Н. М.) из города с другия сторону казаков пошлю воевать. И я, Кока Абаков, убоялся того, да побежал... вверх по Обе»¹⁰.

Далее Кока продолжал жаловаться на князя Осипа Ивановича Щербатого, что он послал его Чендугура Башибекова, который был послан в Томский город «про государево цареву величество спросить»; был князем избит и чуть не повешен. По словам Коки Абакова, Омелька Вершинин из ранее бывшего посольства Степана Гречинина отогнал у Кокина улусного человека семь лошадей и подбивал его улусных людей ограбить «за свой живот» Ивашку Козлова, «коей с торгом к Вам ново

идет»¹¹. И зачем, спрашивает Кока, присылать таких людей, как Омелька, кои смуты сеют и отгоняют нас «от государевы царской милости»¹². Так Кока Абаксв отозвался о воеводе князе Осипе Шербатае.

Диаметрально противоположно обрисован воевода Илья Бунаков. «А преж сево присылавали детей боярских Бажена Карташева, Дмитрия Копылова, Остафья Харламова, Зиновия Амосова и они люди добрые и смиренные, худа никакова не говорят и мне, Коке, как про таковых людей худое слово сказывать, и монеча приходил Василий Бурнашев с товарищи и они люди смиренные, худа никакова не говорят. Я, Кока, про воеводу Илью Никитича слышу, что он добр до казаков и до татар и до всяких людей, не грабил ни каких людей, сильно не отбирал ничево и до меня, до Коки, дурна никакова нет, не как у князя Осипа Ивановича»¹³.

Противоречивые характеристики воевод насторожили Волынского и Кокодинского. Тем более, что отрицательный отзыв дан о воеводе, который был на хорошем счету у царского правительства. Поэтому воевод Волынского и Кокодинского взяло сомнение, а «не по наущению ли Бунакова» написал Бурнашев свой статейный список. О всех возникших сомнениях воеводы доложили «государю царю и великому князю Алексею Михайловичу»¹⁴, который не замедлил дать ответ, где указал: «тотчас сыскать тех томских служилых людей, кои во прошлом 157 году посланы были с Томского воеводой Ильей Бунаковым в белые калмыки и Коке Абакову сыскав распросить и порознь, у пытки против их статейного списка про все статьи»¹⁵. После получения этого указа (от 20 октября 1650 года) послы Василий Бурнашев и его товарищи были «пытаны накрепко и огнем жжены, прямо ли такие речи, что в статейном списке их написано сказывал им Кока Абаков или научил их Илья Бунаков», и брошены в тюрьму¹⁶.

Но на этом дело со злополучным статейным списком не кончилось. Сибирская администрация задавалась целью до конца разрешить этот вопрос. Срочно «ни днем, ни ночью не мешкая, часу не теряя» отправлялись в конце 1650 года к Коке новые послы: томский сын боярский Семен Лавров и тобольский подьячий Василий Третьяков «с товарищи»¹⁷. Нарушая сложившуюся дипломатическую традицию, Семену Лаврову было предписано, что во время посольства к Коке Абакову «ни каких посулов и поминков не чинить»¹⁸. Уловив сдержанность и холодное отношение послов, Кока настороженно отнесся к посольству Лаврова. Выяснив причины, приведшие новую дипломатическую миссию к нему, Кока коротко подтвердил факты, изложенные в статейном списке В. Бурнашева и от дальнейших переговоров категорически отказался.

Таким образом, посольство С. Лаврова в отличие от посольства В. Бурнашева не справилось с одной из основных задач, поставленных перед его дипломатической миссией, а именно, дальнейшее установление добрососедских отношений с наиболее влиятельными представителями алтайской родоплеменной знати и по возможности использовать их в своих интересах. Более того, посольство посеяло холод и недоверие между сибирской администрацией и верхушкой алтайской знати. Плоды недоверия и воеводской вражды не замедлили сказаться. 1652 год знаменуется ухудшением русско-алтайских отношений. Одной из причин, определившей недружественный процесс развития взаимоотношений была претензия алтайской родоплеменной знати на сбор ясака с ряда областей южной Сибири. Обиженный воеводами Кока Абаксв в 1652 году вторгается на территорию Кузнецкого уезда и силою оружия принуждает местное ясацкое население выдлачивать ему дань. Одновременно он ведет агитацию среди ясацких людей за отказ в выплате ясака русскому государству. Некоторые князья поддаются этой агитации. Так, например, телесский князец Айдар Мандраков не желая платить ясак России, переселился со всеми подданными телесами в кочевья те-

леутов¹⁹. А Кока тем временем расширял сферу своих действий. Он посылал своих людей к «саянским людям» к «киргисцам» и в другие области Саяно-Алтайского нагорья. Чем объяснялась такая активная деятельность Коки Абакова? Ответ прост. Этому способствовала прямая поддержка джунгарских феодалов, стремившихся сохранить своих данников, и тем самым подорвать устои царской власти в южной Сибири. Известно, что при нападении Коки на Кузнецкий уезд в 1652 году с ним вместе действовал джунгарский отряд численностью около трех тысяч человек²⁰.

Усилившиеся набеги алтайских князцов встревожили русскую администрацию, вынуждая ее перейти к более действенным мерам. В 1653 году отряд кузнецких служилых людей нанес сокрушительное поражение одному из князят Коки Абакова²¹. Вооруженные действия русских служилых людей несколько охладили наступательный пыл Коки Абакова, тем более, что в 1655 году у него обострились отношения с калмыцкими феодалами, и он был вынужден вновь искать защиты у русских. Это обстоятельство навело на мысль сибирских воевод о подчинении этого беспокойного князя российскому престолу. Но это намерение осуществиться не удалось. Воинственно настроенный князец сделал лишь «тихий ход», чтобы избежать конфликта с русскими. И как только миновала угроза со стороны калмыцких тайшей, Кока снова пошел с «огнем и мечом» гулять по территории Томского и Кузнецкого уездов²².

Смерть Батур-хунтайджи и последовавшая за ней новая междоусобица между различными группировками джунгарских князей за передел феодальных владений внесли свои коррективы в жизнь Саяно-Алтайского кочевого населения.

Ослабление центральной власти в Джунгарии привело к частичному отделению ранее зависимых от нее территорий. Не остались в стороне и белые калмыки, возглавляемые Кокой Абаковым, который встал на путь решительной борьбы против князятинной зависимости джунгар. В этих условиях установление тесного контакта с Кокой Абаковым явилось одной из важнейших предпосылок для обеспечения безопасности южных границ русского государства и усиления российского влияния в этом районе. С этой целью 30 мая 1658 года «по указу великого государя Алексея Михайловича», были посланы к белым калмыкам к князю Коке Абакову катачий пятидесятник Дмитрий Вяткин с томскими служилыми людьми: Михаилом Дороховым, Иваном Лаврентьевым, Корнилом Капустиним и другими.²³ Прибыв 20 июня к Коке, Вяткин отмечал, что «князь Кока завоевался с черными калмыками» (джунгарам) Н. М.), и на первых порах более или менее успешно. Эти мимолетные успехи дали повод Коке Абакову с высокомерием отнести к прибывшему посольству. На протяжении нескольких дней Кока не допускал к себе русского посланника, а вел переговоры через своего человека Бетеня²⁴. И только угроза джунгарского нападения сделала Коку более сговорчивым и податливым, но при одном условии, что русские посланники примут участие в бою с черными калмыками на стороне Коки Абакова. Вяткин возражал, говоря, что «он приехал для переговоров, а не обережения Коки от воинских людей». Но Кока и Мачик (брат Коки — Н. М.) были неумолимы и «ваяли на бой их сильно», — заключает Вяткин²⁵.

В результате сражения между Кокой и Сакилем, который воевал в союзе с торгоутами, белые калмыки «были сильно побиты и разогнаны»²⁶. Поражение сбило спесь и высокомерие Коки по отношению к русским посланцам. Теперь он безоговорочно согласился подтвердить свою шерть, дать «аманатов (заложников — Н. М.) добрых в Томский город» и выразил горячее желание послать своих послов к государю, в Москву²⁷. Успешно выполнив поставленную перед ним задачу, Дмитрий Вяткин возвратился в Томск.

События 1658 года, по-видимому, оказали свое влияние на Коку Абакова. Он стал более пунктуален в выполнении своих обязательств в деле установления мирных добрососедских отношений с русскими. Об этом свидетельствует отписка томских воевод от 2 августа 1658 года о прибытии в Томск посольства Коки Абакова²⁸. Посланники заверили сибирскую администрацию в преданности Коки шерти, данной великому государю, и настоятельно просили пропустить их к Москве²⁹. Но хорошая атмосфера взаимных отношений была вновь нарушена. Слишком ретивое стремление воевод при объяснении присягнувших «великому государю» Кокиных улусных людей снова породило обстановку недоверия и недовольства среди алтайских племен. Поняв свою оплошность и чувствуя, чем все это грозит, сибирские власти срочно принимают меры к недопущению серьезного конфликта с Кокой Абаковым. К нему направляется новое посольство томских служилых людей, возглавляемое сыном боярским Дмитрием Копыловым³⁰. Прибыв к Коке, Копылов предлагает в целях нормализации отношений обменяться «полоненным ясырем» (пленниками — Н. М.) и как прежде подтвердить свою шерть. Далее Копылов осторожно напоминает Коке о его обещании «привести под высокую государя руку две новые волости», а также не преминул добавить, что при условии выполнения Кокой своего обещания, государь повелел передать Коке о пропуске его послов к Москве и кочевать ему «где похочет»³¹. 2 сентября 1658 года предложенные Дмитрием Копыловым условия были приняты Кокой Абаковым, который не теряя времени направил своих послов с возвращающимися русскими посланниками³². Кокины посланники Мамрач и Дашик «с товарищи» прибыв в Томск выразили искреннее желание «жить в мире и привет держати, и по вся годы торго водить», и в знак преданности «великому царю» передали в подарок 150 лисец красных³³.

Оживленный обмен посольствами не остался незамеченным джунгарскими феодалами, которые никак не могли смириться с потерей данников на Алтае. Кое-где джунгары от угроз переходили к нападениям: слишком уж велико было их желание сохранить алтайское население в качестве своих данников. Снова над алтайцами нависла угроза нашествия джунгарских феодалов. Для отражения нависшей опасности Кока обращается к своим покровителям, к русскому царю. Посланцы телеутского князца, прибывшие 14 сентября 1659 года в Томск, настоятельно просят защитить их от посяательства черных калмыков, «с которыми Кока Абаков в великой соре»³⁴.

Сибирская администрация была не в силах решить этот вопрос и обращается в центральные органы за помощью и советом. «Мы холопи твои без твоего государева указа, в белые калмыки ратных людей послать не смели потому, что ныне у него, Коки, ссора с черными калмыки, и чтоб с ними ссоры не учинить. А посланцы, государь, его перед нами, холопи твоими, словестно говорили, что он, Кока, с теми недружьями своими, с черными калмыки, хочет управитца»³⁵. Царское самодержавие было в затруднении. Не помочь Коке, значит дать повод для обострения взаимоотношений с алтайцами. Удовлетворение же просьбы послов означало развязывание войны с джунгарскими феодалами. А это не входило в планы русской внешней политики в южной Сибири. Царское правительство преследовало цель: закрепить новые владения на юге Сибири исключительно мирным путем. Но тучи сгушались и сгушались над южной Сибирью. Все очевиднее становятся намерения джунгарских феодалов сохранить свое влияние над населением Горного Алтая.

В обстановке надвигающейся опасности представители алтайской родоплеменной знати и, в частности, Кока Абаков, вновь обращаются к русскому государству за помощью. 19 сентября 1659 года в Томск прибыло новое посольство Коки Абакова³⁶.

Посланцы Кожай и Бурай подтвердили верность Коки шерти, ко-

торую он для великому государю, и передали его просьбу: «прислати ему 300 или 200 ратных людей дабы себя защитить и новые волости приехать под высокую государеву руку»²⁷. Однако послы не получили никакого-либо конкретного ответа. Сибирская администрация, согласно инструкции, ограничилась традиционными и стереотипными обещаниями, что государь всегда их будет «от обид и насильства оберегать». Это была своего рода тактика, с помощью которой самодержавие пыталось избежать острых конфликтов на юго-восточной границе. Тем не менее русское правительство пыталось всячески контролировать дипломатические связи своих неустойчивых поданных и любыми средствами предотвратить возможность перехода их в Джунгарское подданство. Одним из путей для выхода из затруднительного положения была торговля. На всем протяжении XVII века налаживалась она с трудом. С одной стороны, развитию русско-алтайской торговли мешали давления монгольских и джунгарских феодалов, с другой — русские власти сами не допускали торговли с алтайцами до сдачи ясака, дабы «государевой казне убыли не было»²⁸. Кроме того, русское правительство предписывало сибирской администрации проявлять большую осторожность при пропуске торговых людей, инородцев, в том числе алтайцев, чтобы они под видом торговли не занялись сбором сведений, то есть шпионажем. Поэтому сибирские воеводы стремились сосредоточить торговлю у острогов, крепостей и других укрепленных пунктов, ни в коем случае не допуская свободного торгога в алтайских улусах, тем более запрещенными правительством товарами²⁹.

Преодолевая препятствия политической неурегулированности отношений, «шлятость» алтайских князей, русско-алтайская торговля становилась более активной в цепи развивающихся русско-алтайских отношений во второй половине XVII столетия.

В 60—70 годах XVII века заметен некоторый спад в развитии русско-алтайских посольских связей. Это объясняется, во-первых, смертью одного из влиятельных представителей алтайской родоплеменной знати Кокки Абакова, который несмотря на свою «шлятость» все же стремился к установлению дружественных контактов с русским государством. Во-вторых, Россия была занята предотвращением насильственного сбора алмаза джунгарскими феодалами с подвластных России территорий. Вопрос о кыштымах стоял в центре русско-джунгарских отношений, приобретаая порой исключительно острый характер³⁰.

Таким образом, русско-джунгарская проблема на долгое время приостановила процесс развития русско-алтайских посольских отношений. И лишь после нормализации отношений с Джунгарией, где вновь разгорелась междоусобная борьба³¹, и устранения возможности военного конфликта на юге Сибири, Русское правительство вновь предпринимает меры к урегулированию русско-алтайских отношений, тем более, что затнувшийся спор между Россией и Джунгарией по вопросу о кыштымах и сборе ясака оказал отрицательное воздействие на алтайскую родоплеменную знать. Так, сын известного уже нам князя Кокки Абакова, Табунка Коккин, ставший после смерти отца правителем телеутских улусов, в 1673—1674 годах предпринимает ряд попыток вторгнуться в российские пределы с целью сбора ясака с местного населения, но терпит неудачу, так как не только русское, но и ясачное население, в том числе и алтайцы, возглавляемые князем Балыком Кожановым, дают отпор налетчику.

Приведение в русское подданство «неспокойного князя» Табунки Коккина стало одной из основных задач сибирской администрации последнего десятилетия XVII столетия. С этой целью 31 августа 1690 года томский конный казак Иван Рыбников с товарищами получил наказ ехать в белые калмыки по князю Табунке Коккину, «чтоб он с братьями своими и с племянники был под их царскою самодержавною рукою»³².

Выслушав послов, Табушка говорил, что де он верен той шерти, которую он дал при сыне боярском Семене Лаврове, когда он, Табуш «с брати ево...з детьми и с лутчими улусными людьми... шертовали...и золотом пили»⁴². Конкретно же Табушка Кокину не дал положительного ответа русскому посланнику, обещая подумать и прислать со своими послами ответ. 7 декабря 1690 года «Табушов посол Номой Кареев с товарищи прибыл в Томский город»⁴⁴ и словесно говорили, чтоб великие государи пожаловали Табуна и детей ево и братьев и племянников с ево улусными людьми и велели им жить на прежних местах...а также отпустить ево посланцев к Москве»⁴⁵.

И в который раз сибирская администрация ограничивается стереотипным обещанием, не предпринимая ничего конкретного относительно просьбы послов. Разумеется, такой ход переговоров и обмен посульствами не предвещал ничего хорошего. Подстрекаемый джунгарскими феодалами, Табушка снова идет на нарушение своей шерти. Этот факт вынуждает сибирских воевод вновь уделить внимание Табушке Кокину, «дабы он в иное подданство не ушел». Однако на протяжении нескольких лет сибирская администрация не могла положительно решить этот вопрос, а посланное в 1695 году из Томска посольство, возглавляемое Калиной Гречениным и Алексеем Круглиным, попросту было ограблено в улусе Табушки и окончилось безрезультатно⁴⁶. Такой оборот дел встревожил воевод и они срочно посылают боярского сына Никифора Прокофьева к Табушке Кокину с наказом, чтобы «Табуш подтвердил свою шерть и дурности государевым людям не чинил» и далее в наказе была прямая угроза князю: «коли он не послушается и впрядь обиды чинить будет, то великие государи велят ево смирить войною»⁴⁷.

В ходе переговоров та и другая сторона высказывают свои обиды. На вопрос Никифора, почему послов пограбили, Табуш ответил «то было сделано за обидные действия государевых людей». Он также заявил: «томский толмачев сын Ивашка Шумилов у Табунова сына Матая взял детину, хотел он (Ивашко—Н. М.) привести сам или с кем выслать пансырь доброй, а по се число не присылывал, а тому де третьей год» да он же «Ивашка взял у ево людей трех лошадей и за сих лошадей ничего не присылывал»⁴⁸.

И таких случаев обид Табуш приводит немало и вот, мол, за все это был «отнят живот (лошади—Н. М.) и товары» у русских посланников⁴⁹. Наконец, после многочисленных претензий обе стороны соглашаются на том, чтобы «жить де меж собою в совете и любви»⁵⁰. Посольство Никифора Прокофьева завершилось весьма успешно, так как ему удалось, кроме Табуна, привести к шерти и его сына Шалу Табунова, «коей приехал от князя Ирки к отцу своему Табушу на прежнее свое жилище»⁵¹.

Подытоживая приведенные материалы можно констатировать, что дипломатические отношения алтайцев с Русским государством, несмотря на частую «шатость» князьков, послужили основой для сближения русского и алтайского народа. Это сближение намечалось по двум линиям: экономической и политической. Приход русских в южную Сибирь оживил экономическую жизнь алтайцев и дал толчок к зарождению русско-алтайской торговли. Что же касается политического сближения, то здесь следует остановиться несколько подробнее.

На всем протяжении XVII века положение России в южной Сибири было неустойчивым. Упрочению позиции мешало активное вмешательство в дела России на юге Сибири джунгарских феодалов, с которыми царское правительство ненамеренно было вступать в военный конфликт. Поэтому самодержавие придерживается политики мирного захвата новых территорий. А это возможно лишь в случае подчинения русскому влиянию местного кочевого населения. Главная ставка была сделана на наиболее влиятельных представителей родоплеменной знати.

Местная феодальная знать, в свою очередь, убедившись, что политика царизма вовсе не угрожает их власти над улусными людьми, не органичивает сферу их обогащения, а, наоборот, содействует ее расширению, переходит на службу к самодержавию. Для дальнейшего осуществления политики мирного захвата территории и охраны южных границ царское самодержавие устанавливает тесный контакт с наиболее влиятельными лицами феодальной верхушки алтайского кочевого населения. Это нашло свое отражение в установлении дипломатических связей русской администрации с алтайскими князьями. Напуганные джунгарскими нашествиями и щедро одаренные самодержавием, алтайские «лутчие люди» становились проводниками внешней политики русского государства в южной Сибири.

Поэтому самодержавие не хотело терять своих слуг в этом беспокойном, но важном для России районе. Кроме того, немаловажную роль для русского государства играл ясак, собираемый с подданного населения и ставший хорошим средством для пополнения государственной казны.

Приведенные выше причины и способствовали зарождению и постепенному укреплению русско-алтайских посольских связей, которые заложили основу пути, приведшего впоследствии Горный Алтай в состав русского государства.

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИИ ГОРНОГО АЛТАЯ

До недавнего времени районы Горного Алтая, лежащие к югу от Катунского и Южно-Чуйского хребтов, в археологическом отношении оставались малоизученными. Некоторые сведения о памятниках древности этих мест были собраны в 1935 г. геологом приискового управления «Запсибзолото» А. Е. Пряхиным, записи которого сохранились в архиве Бийского музея. А. Е. Пряхин обследовал долины рек Кок-су и Джазатера, где зарегистрировал около четырехсот древних курганов в виде сферических каменных набросков до 15—18 м в диаметре. Курганы на правом берегу Аргута, выше урочища Кесмечу, были зарегистрированы художником Д. И. Кузнецовым.

В 1936, 1937 и 1940 гг. доцент Иркутского государственного университета П. П. Хороших обнаружил в долинах Аргута и Кок-су ранее не известные курганы, наскальные изображения и каменные изваяния (за сведения об этих памятниках приношу П. П. Хороших глубокую благодарность).

В августе 1952 года долину р. Кок-су и верхнего Аргута по маршруту от пос. Берели до пос. Джазатера прошли сотрудники Южно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа В. А. Михайлов и С. Н. Соколов¹. В их отчете (см. «Отчет Южно-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа за 1964 г.», хранящийся в отделе полевых исследований Института археологии АН СССР в Москве) имеются краткие описания и схематичные планы нескольких древних могильников. Это: 1) небольшая группа каменных насыпей диаметрами 8—10 м на правом берегу р. Кок-су выше устья реки Оро-чеган; 2) более двух десятков различных сооружений из камня в трех километрах к востоку от устья р. Акбулак; 3) отдельные курганы на правом берегу р. Кок-су от р. Ак-Таш до р. Аргута; 4) каменные курганы на правом берегу Аргута в 6—7 км от поселка Джазатер и 5) три могильника у самого поселка Джазатер (Вероятно, большинство перечисленных курганов было известно А. Е. Пряхину; в 1962 г. сведения о них лишь детализированы).

Все эти данные, несмотря на предварительный характер, с полной ясностью свидетельствовали о том, что межгорные долины бассейна Аргута в археологическом отношении представляют большой интерес.

Планомерное археологическое изучение этого района Южно-Алтайская экспедиция начала в 1964 г. с обследования долины-ущелья реки Тархатты и далее долины Джазатера до устья реки Кок-су.

Река Тархатты (левый приток Чуи) пробивается сквозь Южно-Чуйский хребет по дикому ущелью, крутые моренные склоны которого представляют собой скальные обрывы и каменистые осыпи, лишь ближе к водоразделу река течет в широкой, местами заболоченной пойме. Древние аллювиальные отложения, главным образом щебеночные, образуют террасы не по всему течению реки, а лишь в расширениях ущелья. В этих местах, на плоских площадках, группами или поодиночке размещены курганы числом до девяноста. Они единообразны по внешнему облику.

Это сферические кучи диаметрами 5—12 м из не крупного гва-

ного камня, взятого с ближайших россыпей. Приблизительно около половины набросок имеют при себе по 10—15 балбалов, поставленных в направлении с севера на юг, то есть вдоль долины. Встречаются также квадратные каменные выкладки и стелы, заключенные в круг из камней.

Раскопки в долине Тархатты не производились.

Долина Джазатера обследована от истока реки до ее слияния с рекой Ак-Алахой.

К югу от развилки дорог на пос. Джазатер и пос. Бертек на широкой ровной площадке правого берега (абсолютная высота около 200 м) расположена группа каменных сферических курганов диаметром 4—8 м. 13 курганов этой группы, названной Усой 1, образуют цепочку, вытянутую с севера на юг, то есть по течению реки (рис. 1). Нескольким курганов лежат в восток, западу и к северо-востоку от цепочки. К насыпи самого большого кургана с запада примыкают четыре выкладки из четырех камней каждая.

На участке правого берега Джазатера от устья реки Тар до поселка Джазатер выявлено более двухсот курганов, расположенных по одиночке, по два — три или более значительными группами, в зависимости от условий местности: просторные ровные площадки, как правило, заняты более многочисленными группами курганов.

Большинство курганов по внешнему виду единообразно. Это обычные сферические каменные наброски диаметрами от 5 до 12—15 м. Встречаются курганы, насыпи которых сложены из камней и земли. Во многих случаях от насыпи курганов на восток (то есть вдоль долины) тянется цепочка балбалов.

Как и в долине Тархатты, здесь встречаются отдельно стоящие стелы в виде высоких диких камней подпризматической формы, установленных в центре кольцевых выкладок.

В полукилometре от восточной окраины пос. Джазатера находится могильник, названный Джазатер 1 (рис. 2). Площадка, на которой расположен этот могильник, представляет собой широкий участок надпойменной террасы в месте слияния р. Джазатера с Ак-Алахой. Она занимает пространство приблизительно 1000×200 м²; поверхность ее чистая, ровная, с незначительными промоями мягких очертаний. Река ограничивает могильник с юга; с севера же поднимается покрытый негустым лесом склон, который выше переходит в скалы.

Курганы и другие сооружения из камня сосредоточены в восточной части площадки. Обращает на себя внимание разнообразие памятников. Здесь имеется один большой каменный курган (он, видимо, недавно был разрыт), у основания которого сохранились кольцевые каменные выкладки: несколько сферических каменных курганов среднего размера (диаметры 10—12 м), образующие цепочку, вытянутую с севера на юг, и значительное количество квадратных каменных оградок, забросанных внутри камнем. У нескольких таких оградок на 50—200 м к востоку или к востоку-юго-востоку протянулись балбалы в виде небольших узких плит, иногда книжалообразной формы.

Кроме сферических насыпей и среднего размера оградок, встречаются насыпи в форме овалов и куч из окатанных камней, а также малые оградки с вертикально стоящим камнем у восточной стороны и другие сооружения.

Ближе к поселку лежат обособленно несколько каменных курганов. К востоку от одного из них зарыт в землю камень, по форме отдаленно напоминающий фигуру человека (рис. 8, 5).

Сходство усилено скупой обработкой камня: в верхней части его выбиты две расщепчатые круглые ямки и под ними желобок, изображающие как бы глаза и рот.

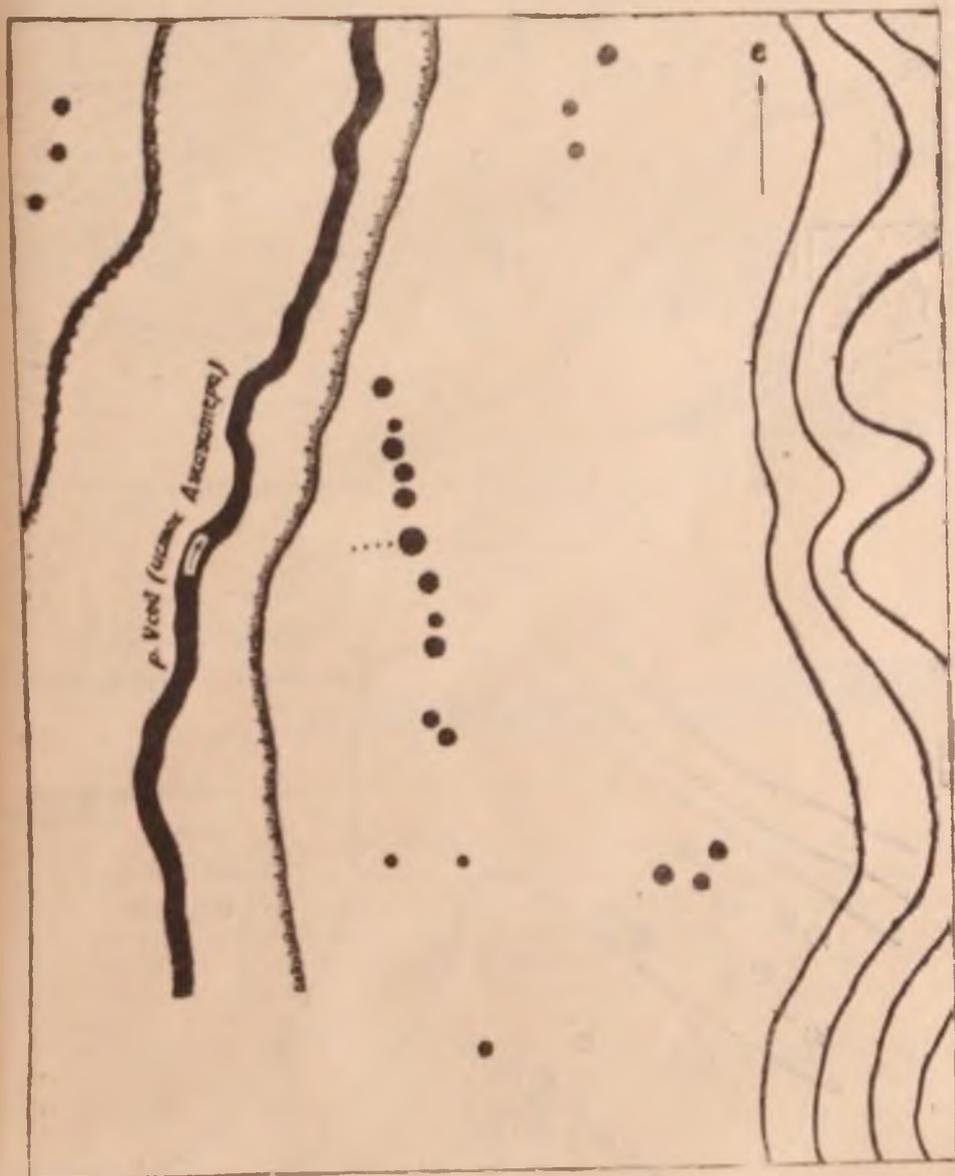

Рис. 1. Могильник Усой (схематический план).

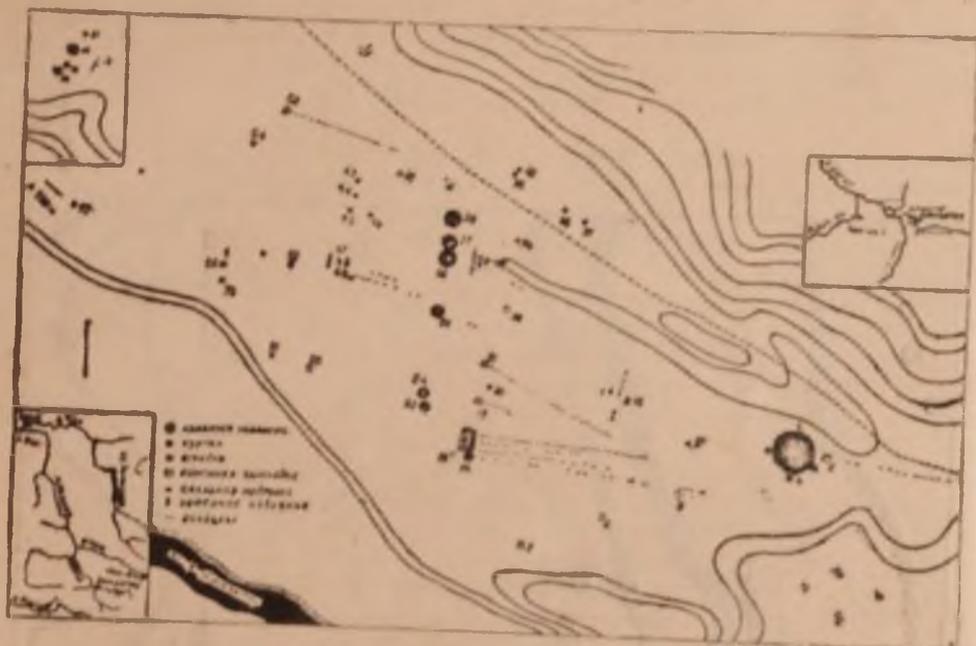

Рис. 2 1 — Могильник Джазатер I (глазомерный план)

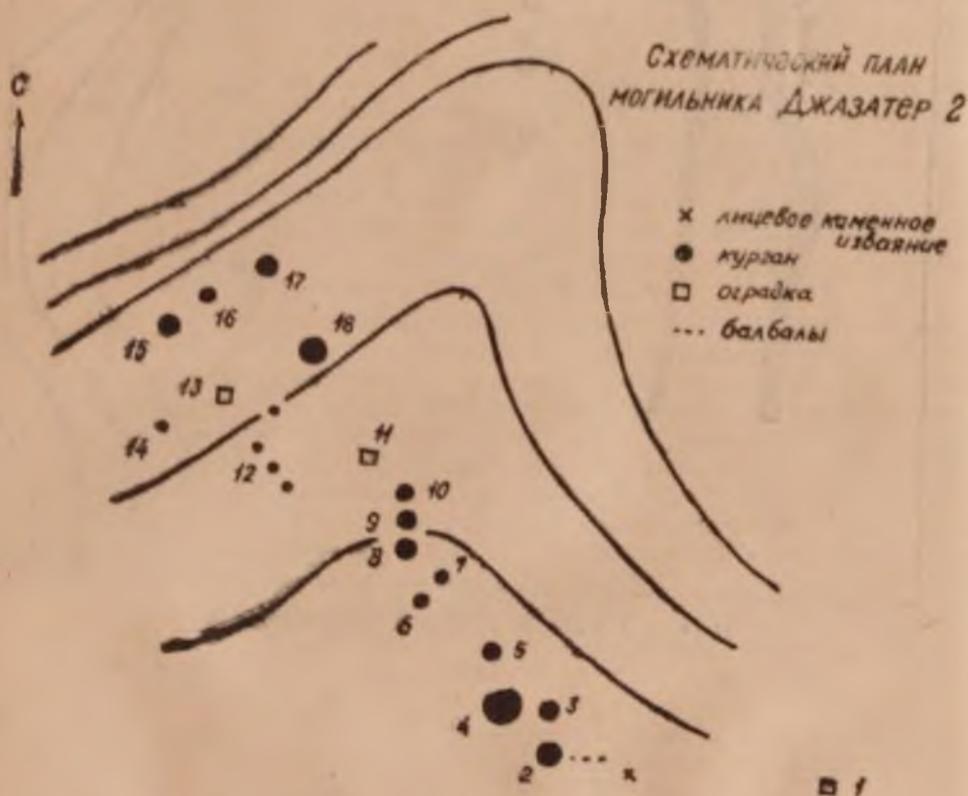

Рис. 3. Схематический план могильника Джазатер 2.

На северной окраине поселка, по пологому склону у подножья увала, расположен могильник Джазатер 2 (рис. 3). Он состоит из двух десятков каменных набросок и оградок, образующих подобие цепочки, направленной по линии СЗ — ЮВ — 103. В стороне от этой цепочки находится лицевое каменное изваяние (Рис. 3, 8).

На западной окраине поселка расположен могильник Джазатер 3. Он состоял, видимо, не менее чем из двух десятков каменных курганов без балбалов. Один курган выделяется среди прочих своими размерами (диаметр около 20 м). Ныне часть территории могильника занята постройками поселка, но, несмотря на это, можно сказать, что по внешнему облику этот могильник не похож на могильники Джазатер 1 и 2.

Рис. 4. 2 — Могильник Аргут 1 (глазомерный план).

В полукилометре ниже поселка река Джазатер сливается с Ак-Алахой. Здесь начинается р. Аргут. Приблизительно в 6 км по дороге к мосту через Аргут и в полукилометре ниже устья речки Большие Беляши (правый приток Аргута), на небольшой открытой площадке по линии север — юг (то есть поперек долины) расположены три слегка задернованные каменные насыпи диаметрами 6—7 м. Возможно, что они связаны с могильником Аргут 1.

Могильник Аргут 1 расположен на десятиметровой террасе правого берега Аргута в 7 км к западу от поселка Джазатер, по дороге на Самаху (рис. 4). Восемь курганов, образующих могильник, размещены у подошвы горы на северном крае площадки, которая имеет уклон к югу и к западу. Площадка покрыта низкой травой, в которой лежит несколько крупных камней, скатившихся со склона. Насыпи курганов образуют нечеткую цепочку, протянувшуюся вдоль долины; три кургана лежат вне цепочки. Внешний облик насыпей единообразен. Они представляют собой округлые в плане (диаметры 5—12 м), едва возвышающиеся над землей (высоты 0,1—0,3 м), слегка задернованные наброски из небольших (20—40 см) камней, с неглубокими западинами. На могильнике Аргут 1 раскопано пять курганов.

На правом берегу Аргута в пределах пяти километров ниже моста зарегистрировано 25 курганов: четыре каменных насыпи (диаметры 5—7 м) вблизи овчарни; четырнадцать каменных набросков (могильник

Схематический план оградки с изваяниями в устье реки Джумалы

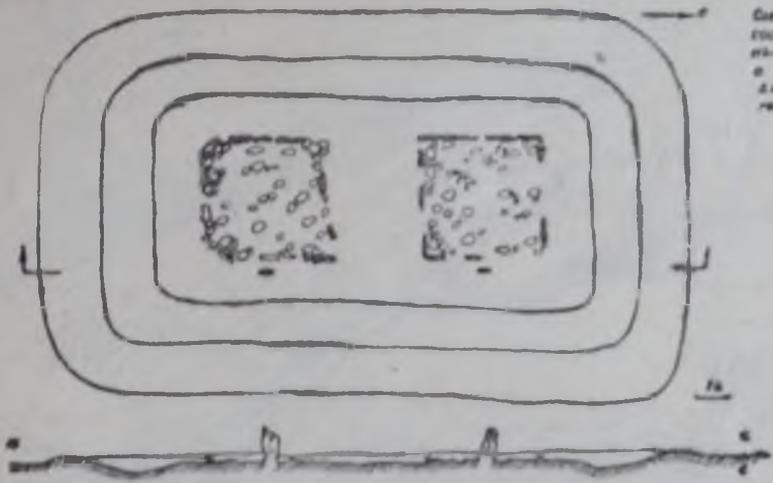

Рис. 7. Схематический план оградки с изваяниями в устье реки Джумалы

ров и невысокий вал окружают обе оградки вместе с изваяниями; на восток от каждого изваяния вытянулись цепочки бальбалов.

Южное изваяние (рис. 8, 2) выполнено из темносерого, почти черно-

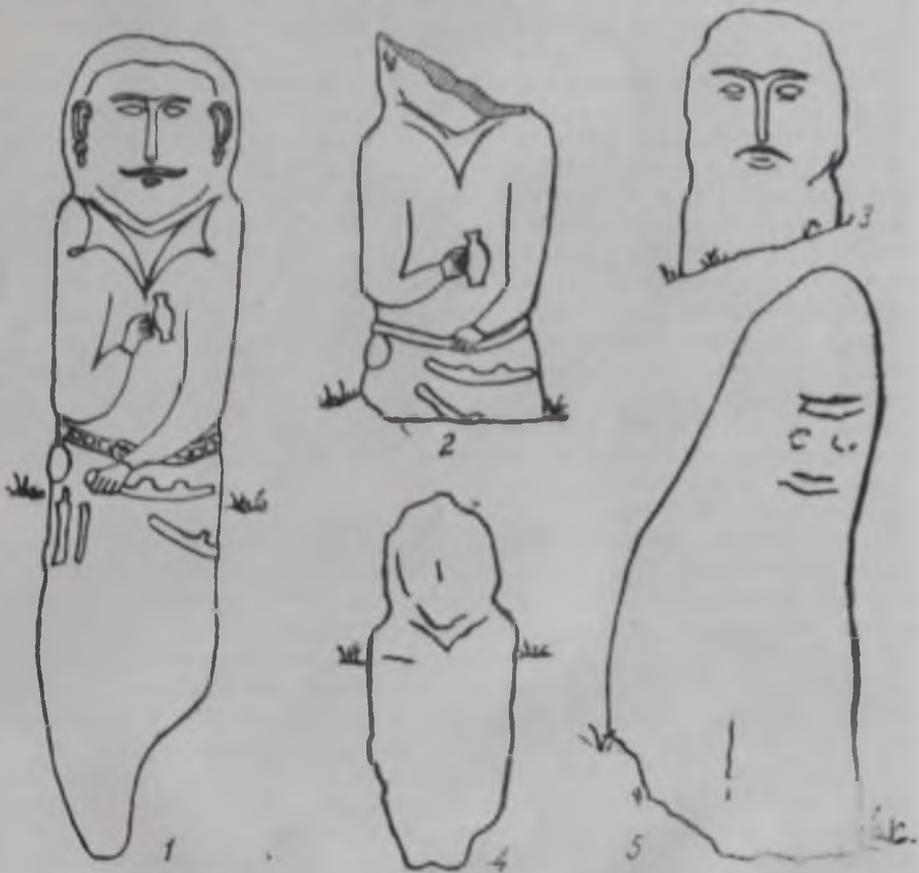

Рис. 8. Каменные изваяния 1 — устье Джумалы, северное изваяние; 2 — устье Джумалы, южное изваяние; 3 — лицевое изваяние на могильнике Джазатер 2; 4 — сильно выветренное изваяние у оградки 55 могильника Джазатер 1; 5 — грубое изваяние у кургана 60 могильника Джазатер 1;

го, камня со светлыми прожилками. Оно возвышается над землей примерно на метр. Голова у него отбита; четко показаны плечи; в правой руке сосуд с округлым корпусом и воронкообразным горлом; кисть левой руки на поясе, обозначенном спереди и на боках. Справа сумка-каптаргак, спереди — кинжал в ножнах с двумя петлями и ниже — сабля почти в горизонтальном положении. Голова этого изваяния отбита сравнительно недавно — видны следы свежих ударов.

Северное изваяние (рис. 8, 1) (размеры: 1,5×0,3×0,15 м) сделано из такого же, как южное, темносерого со светлыми прожилками камня. Сохранилось хорошо. Четко обозначены плечи и талия. Лицо широкое, плоское; прямой длинный нос, близко поставленные глаза; тонкие усы закручены кверху; небольшая бородка клином; в ушах серьги в виде кольца с подвеской. Показан воротник рубахи и лацканы кафтана. В правой согнутой в локте руке — кувшинчик с поддоном. Кисть левой руки покоится на рукоятке вложенного в ножны кинжала, висящего горизонтально на наборном поясе. Ножны имеют две петли, за которые они подвешены к поясу. Справа на поясе висит сумка-каптаргак и ниже ее какие-то два удлиненных предмета. Слева ниже кинжала помещается кривая сабля, в ножнах. Низ камня, имеющий неправильную форму, не обработан. В целом это изваяние похоже на соседнее.

К юго-западу и западу от оградок с изваяниями расположен могильник, состоящий из двух-трех десятков каменных насыпей диаметрами 6—12 м. У одной из таких насыпей с ее восточной стороны в землю врыта лицевая стена. Она представляет собой необработанный призматической формы камень, на одной из граней которого грубо выбиты контуры глаз, носа и рта.

Семь сферических каменных курганов, окруженных рвами, расположены у дороги к югу от изваяний, описанных выше. Несколько каменных курганов зарегистрировано в верховьях Джумалы на участке вблизи радонового источника.

Разведывательные раскопки проведены в трех пунктах: на могильниках Аргут 1, Аргут 2 (Самаха) и Джазатер 1.

Могильник Аргут 1.

Курган 1. Диаметр 7 м, высота 0,2 м; слабо задернованная сферическая наброска из сравнительно крупных (до полуметра) камней; в центре едва заметная западина. По краю насыпи камни лежат в один ряд на нетронутом почвенном слое; в середине почвенный слой нарушен под прямоугольной могильной ямой, вытянутой с востока на запад (рис. 9, 1, 2). В верхних слоях заполнения ямы встречены мелкие обломки лошадиных и человеческих костей и следы истлевшего дерева. На глубине 0,7—1 м вдоль северного края могильной ямы черепом к востоку размещался сильно разрушенный лошадиный скелет. Анатомический порядок расположения костей нарушен; многих костей не хватает. Зубы и челюсти позеленели от впитавшейся в них окиси меди; на лошади была узда с многочисленными бронзовыми деталями. В лобной кости имеется отверстие, пробитое, судя по его форме, клевцом. Рядом с лошадиными костями, у самого северного края могильной ямы, обнаружено несколько черепов от небольшого лепного горшка (рис. 9, 3); около основания шеи — костяная пряжка (рис. 9, 5).

В южной части ямы на глубине 1,1—1,35 м помешался скелет взрослого мужчины, на спине, с разворотом на левый бок, головой к востоку; ноги подогнуты коленями к северу. Кости плохой сохранности и не все. Почти в центре могилы, у плюсневого сустава правой руки обнаружен бронзовый клевец с остатками деревянной рукоятки, направленной к западу, то есть к ногам (рис. 9, 6). На тазовых костях лежала круглая бронзовая бляшка (рис. 9, 4); вблизи черепа найден

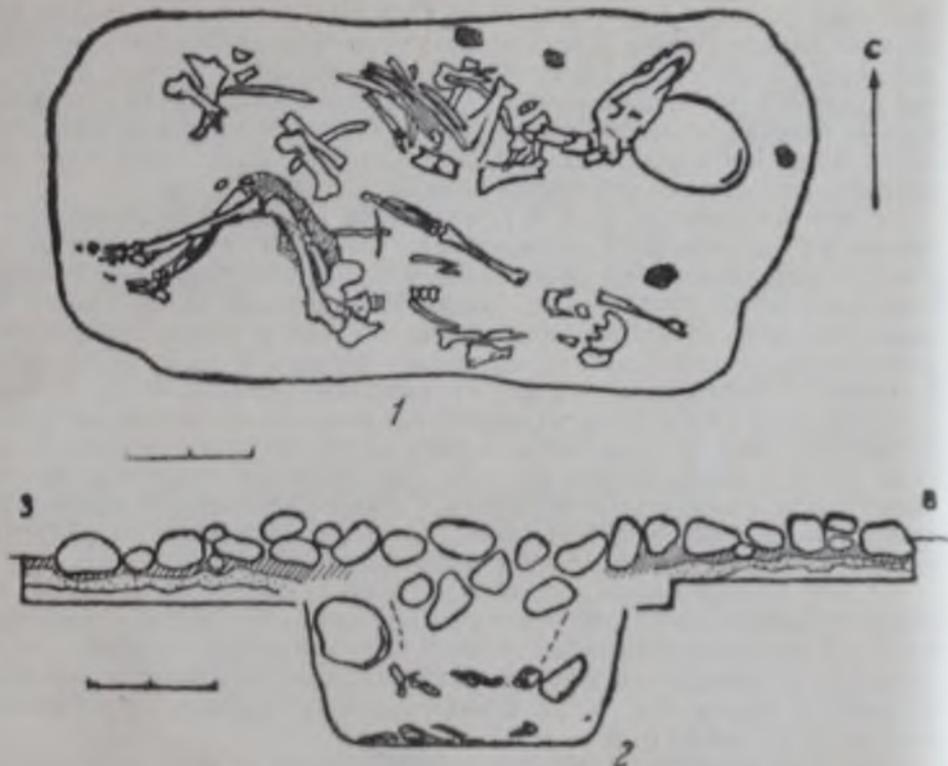

Рис. 9. Могильник Аргут 1, курган 1: 1 — план погребения, 2 — разрез, 3 — глиняный кувшин; 4 — бронзовая бляшка; 5 — костяная прищка; 6 — бронзовый клевец с деревянной рукояткой, 7 — бронзовый клинжал в деревянных ножнах, оплетенный ремнем.

черепок от горшка, такой же, как упомянутые выше. Под правой бедренной костью, слегка позеленевшей, обнаружен литой бронзовый клинжал с остатками деревянных ножен, обвитых кожаным ремнем (рис. 9, 7), и остатки кожаной или меховой одежды в три слоя, со швами, выполненными сухожильными нитями.

Курган 4. Округлая в плане каменная наброска диаметром 8 м и высотой 0,6 м. В центре западина. Могильная яма подпрямоугольной формы (2×1,2 м) вытянута с востока на запад (рис. 10, 1). В заполнении на разных глубинах встречены мелкие обломки истлевших костей и мелкие угольки (рис. 10, 2). На глубине 1,1 м почти по всему периметру могильной ямы обнаружены остатки сруба в три-четыре венца из нетолстых лиственничных бревешек. Такими же бревешками сруб был перекрыт вдоль (рис. 10, 3). Внутри сруба у его южной стенки (ближе к юго-восточному углу) найдены черепки от двух лених глиняных кувшинов (рис. 10, 6, 7) у середины восточной стенки — прямой железный нож (рис. 10, 4); у середины южной стенки — обломок маленького бронзового зеркала (рис. 10, 5). За стенки сруба были заложены плоские окатанные камни. Никаких следов костей человеческого скелета не обнаружено.

Курган 6. Почти плоская округлая в плане выкладка из некрупных камней в один ряд; диаметр 4 м (рис. 11, 7, 9). Камни лежат на почвенном слое, который нарушен только в центре. Границы этого нарушения нечеткие (рис. 11, 8). Почти в центре выкладки обнаружен второй слой небольших камней, один большой плоский камень и под ним плоский камень поменьше, на котором сохранилось пятно известкового порошка — остаток перегнивших костей, по-видимому, черепа ребенка

Этот камень с прилипшим к нему известковым порошком лежал в небольшом углублении, северный край которого прослежен на протяжении более полуметра. Никаких вещей не найдено. Кое-где в ямке встречались мелкие угольки. Вполне возможно, что в данном случае имело место погребение младенца.

Курган 7. Слегка эллиптическая наброска из камней среднего размера. Диаметры: СЮ—9 м, ЗВ—10,5 м, высота 1 м (рис. 11, 1). В центре небольшая западина. Могильная яма почти квадратная. В ее северо-восточном углу на глубине 1,3 м лежал лошадиный череп. В зубах

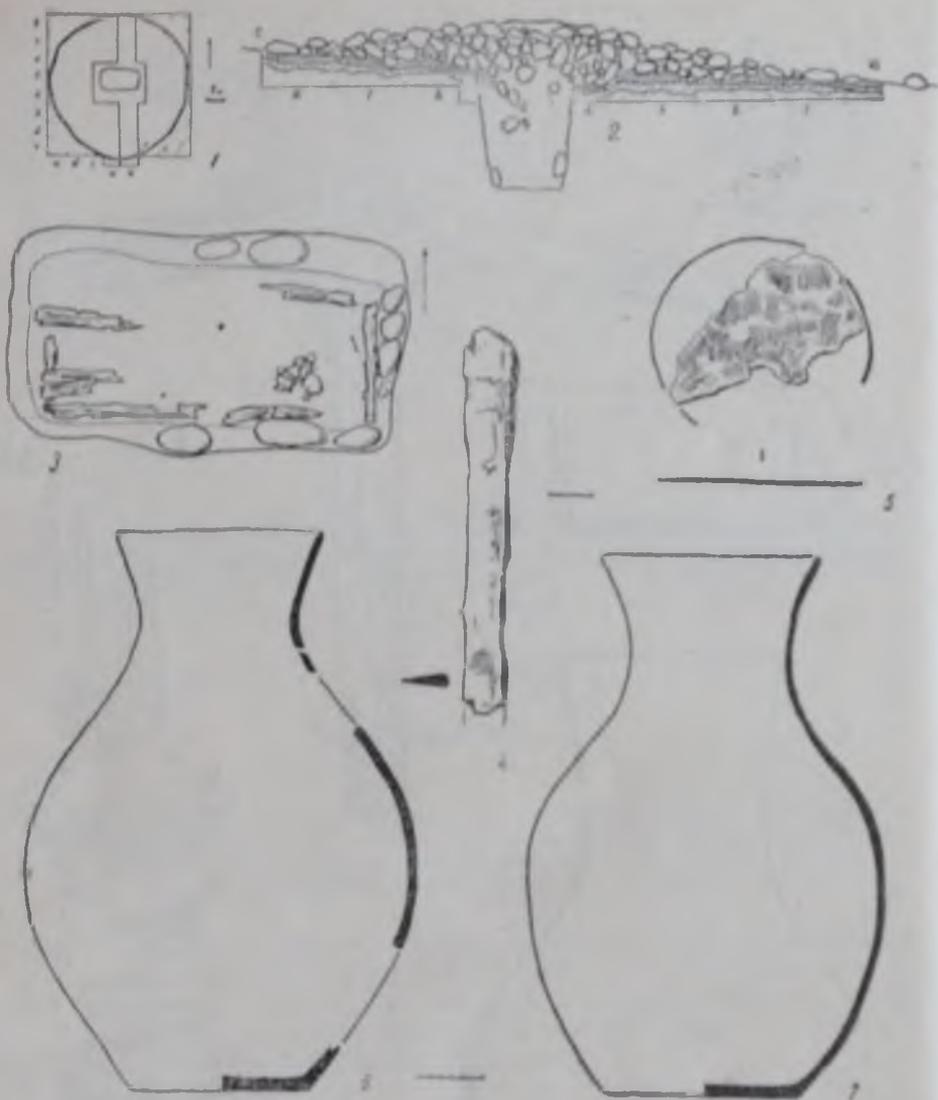

Рис. 10. Могильник Аргут 1, курган 4: 1 — план; 2 — разрез; 3 — план погребения; 4 — железный нож; 5 — обломок бронзового зеркала; 6, 7 — глиняные кушаны.

лошади находились перержавевшие железные кольчатые шарнирные удила (рис. 11, 5). На глубине 1,4 м по всей площади могильной ямы зачищен настил-перекрытие из 7—8 листовидных плах (бревен?), положенных в западно-восточном направлении (рис. 11, 6). В юго-восточном углу настил был нарушен—видимо, грабителями. У северного края могильной ямы, ниже плах, лежали три плоских камня, под которыми были кости лошадиного скелета (несколько шейных позвонков, кости передних и задних ног, обломки ребра и таза). На глубине 2 м, на дне ямы, лежал большой валун и несколько крупных камней, поверх которых местами встречалось значительное количество древесных углей.

В выбросе с глубины 1,4 м из центральной части могильной ямы обнаружены бронзовый клевец (рис. 11, 4) и мелкие черепки лепного глиняного горшка (рис. 11, 3), по фактуре такие же как и в других курганах.

Курган 8. Каменная наброска диаметром 9 м и высотой 0,4 м. Могильная яма подпрямоугольной формы (2,2×1,7 м, глубиной 1,6—

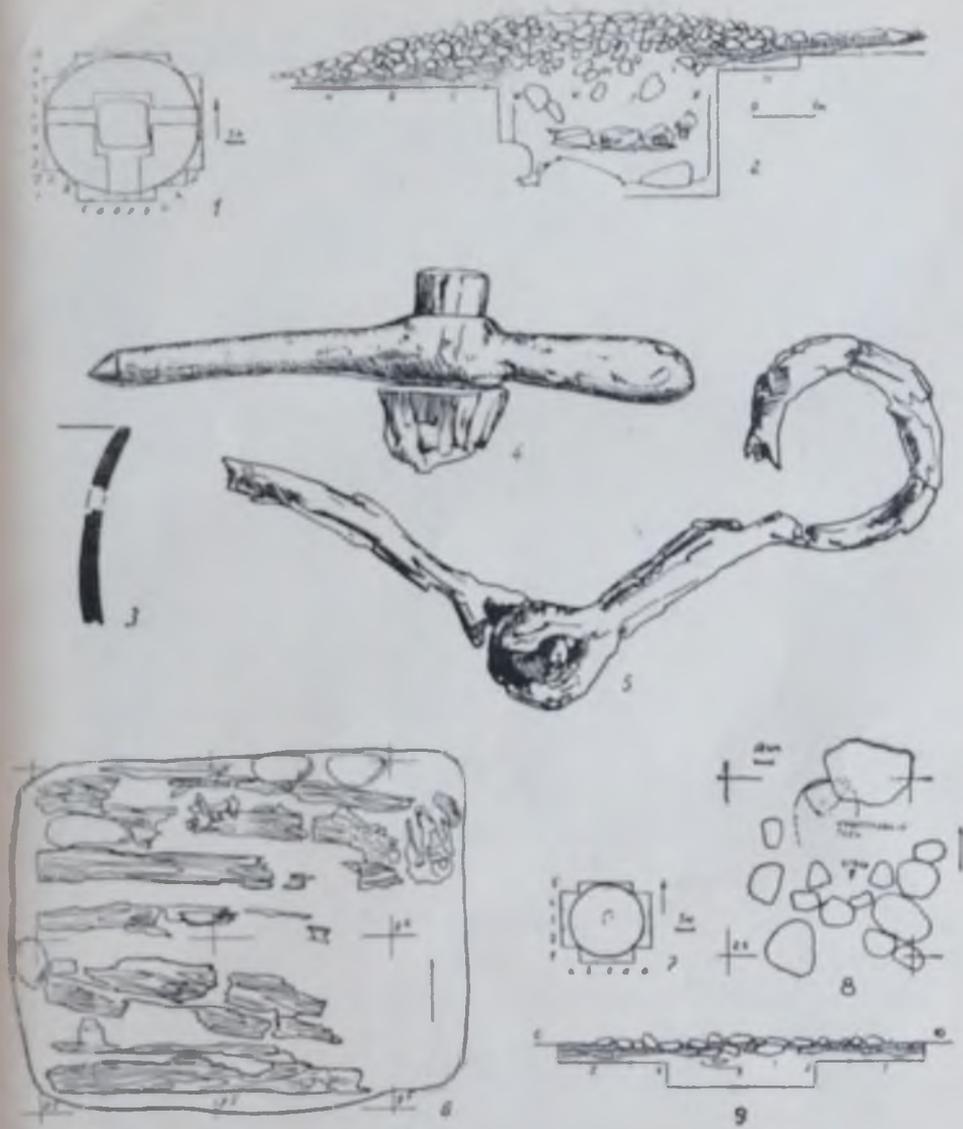

Рис. 11. Могильник Аргут: 1, 2—план и разрез кургана 7; 3—черепок от кувшина (курган 7); 4 — бронзовый наконечник с остатком деревянной рукоятки (курган 7); 5 — железный наконечник (курган 7); 6 — план погребения (курган 7); 7, 8, 9 — план и разрез кургана 6.

1,85 м), вытянута по линии восток—запад (рис. 12, 2). На глубине 1 м в северо-западном углу встречена берцовая кость лошади; в центре обломок бедра человека (глуб. 1,1 м); ближе к северо-западному углу— обломок ребра человека (глуб. 1,6 м); в центре на глубине 1,5—1,6 м несколько костей ног и обломки черепа лошади; на глубине 1,7 м ближе к северо-восточному углу—четыре шейных позвонка человека и обломанный бронзовый нож (рис. 12, 5). Посередине ямы, ближе к ее западному краю, на глубине 1,85 м находились два поясничных позвонка человека, бронзовый поясной крючок с остатком ремня (рис. 12, 6) и бронзовый клижал в полуистлевших деревянных ножнах, обтянутых кожей (рис. 12, 4). В северо-западном углу на глубине 1,8 м стоял глиняный лепной горшок с широким устьем (рис. 12, 7). По периметру ямы, у южной, восточной и западной стенок вплотную к ним, и у север-

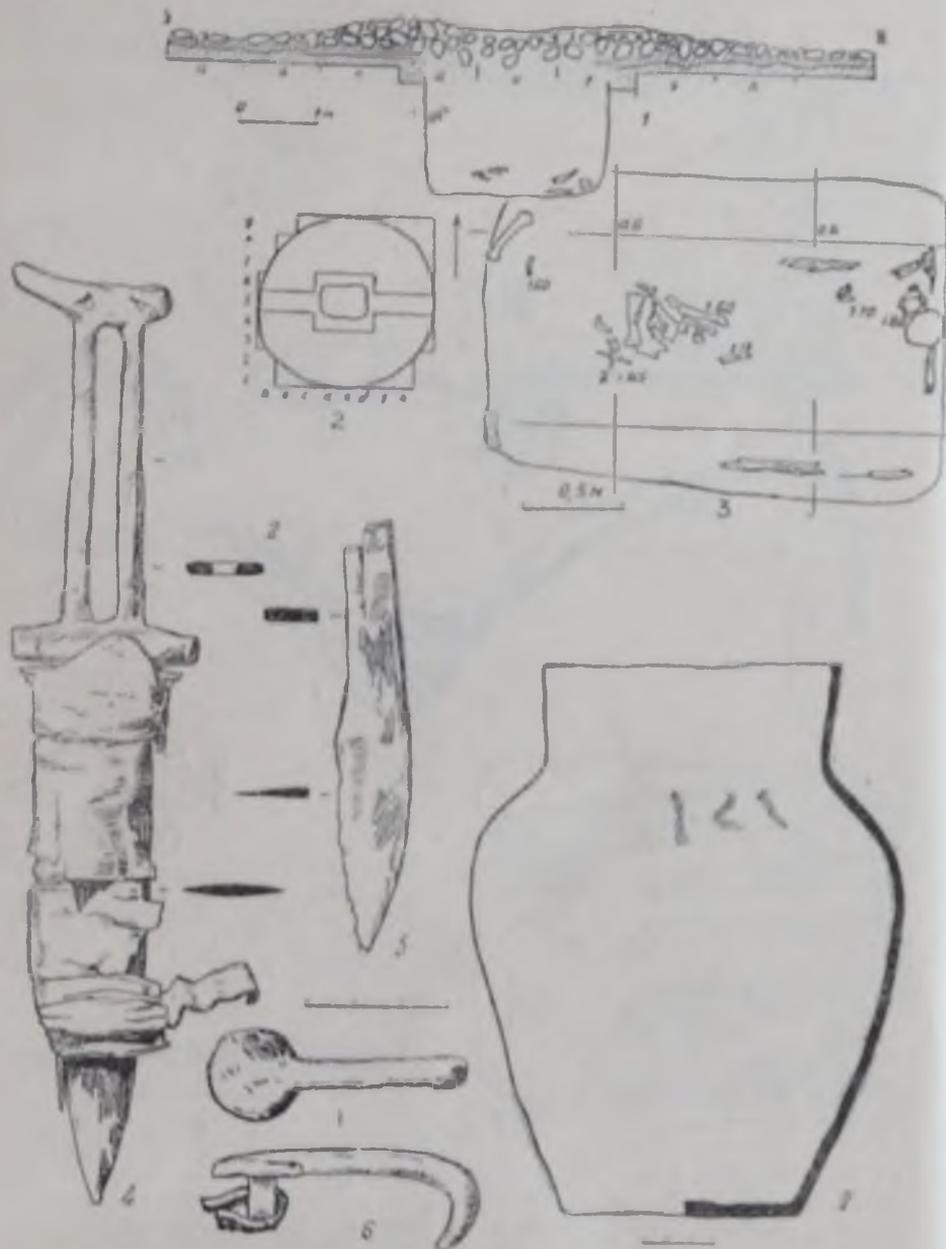

Рис. 12 Могильник Аргут 1, курган 8. 1, 2 — план и разрез. 3 — план погребения. 4 — бронзовый кинжал с остатками пожев, 5 — бронзовый нож, 6 — бронзовый поясной крючок; 7 — глиняный горшок с остатками росписи.

ной — отступая на 0,5 м, обнаружены остатки бревешек от сруба (рис. 12, 3).

На могильнике Джазатер 1 раскопано пять сооружений.

Круглая каменная наброска (№ 17). Диаметр 5 м; камни средней величины, в середине западина. Раскопана «на снос». Камни лежали на нетронутой почве; встречались мелкие угольки. Почти в центре под насыпью небольшое углубление и на его краю обломок трубчатой кости лошади. На восток от насыпи тянется цепочка балбалов. Раскопаны балбалы 16 и 20 (нумерация от наброски). Ничего примечательного не обнаружено. Большинство балбалов представляет собой дикие граненые

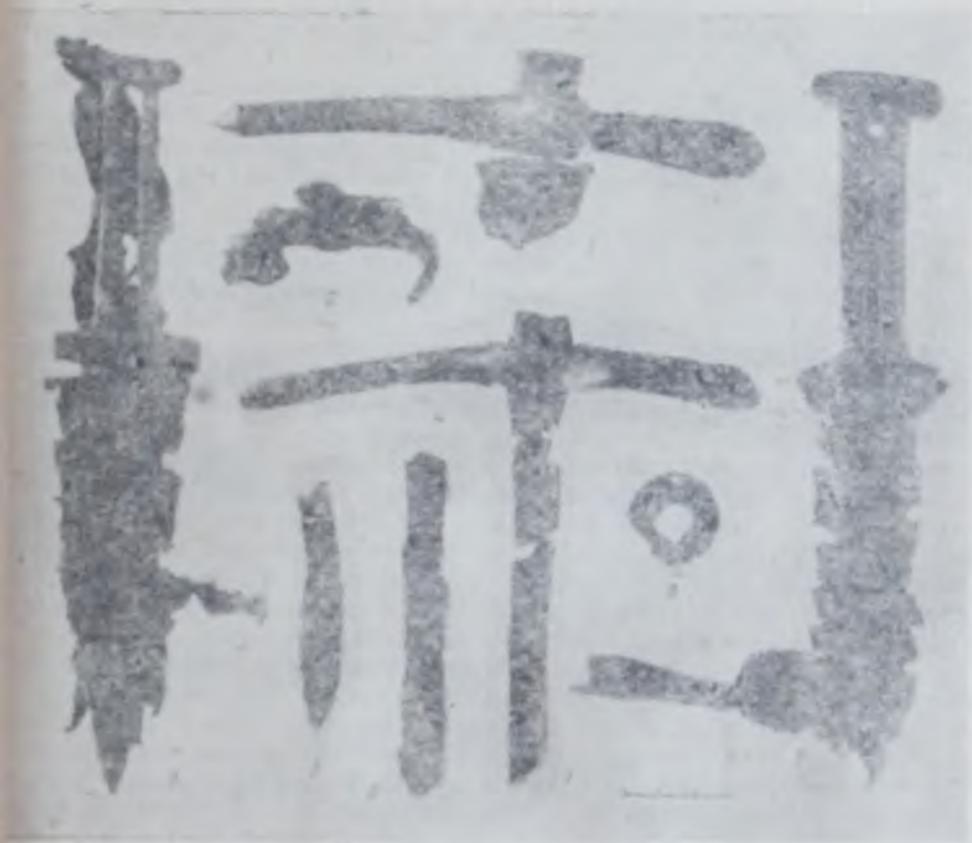

Рис. 13. Могильник Аргут 1: вещи из курганов; 1 — 5, 7 — 9 — бронза; 6 — железо.

камни «кинжаловидной» формы; они закопаны острием вверх и «лезвием» к востоку.

Каменная наброска № 38. Диаметр 3 м, высота 0,1 м; камни не- крупные; лежали на дневной поверхности (у краев в один ряд, посере- дине — в два). Ниже камней нетронутая почва.

Оградка 55, квадратная (2,5 × 2,5 м). Состоит из плит, поставленных наклонно наружу на боковую грань. Первоначально плиты наклона не имели. Пространство внутри плит засыпано булыжником; в центре под ним угольки и ниже неглубокая ямка. Снаружи у восточной стенки сто- яло сильно выветренное и поэтому потерявшее форму и рельеф камен- ное изваяние (рис. 7, 4).

Могильник Аргут 2 (Самаха). Здесь раскопано три сооружения.

Оградка 24 (рис. 4, 5). Представляет собой почти правильный квад- рат (2,25 × 2,5 м), устроенный из каменных плит, стоящих по периметру наклонно кнаружи, и заполненный некрупными камнями, насыпанными небольшой горкой. Плиты разного размера 1,5 × 0,4 × 0,06 м (восточная), 1,8 × 0,45 × 0,06 — 0,07 м (северная), 1,55 × 0,4 × 0,06 м (западная) и 0,5 × 0,4 × 0,05 м — 1,0 × 0,45 × 0,06 м (южная). Наклон плит около 45°. Ка- менная наброска в центре на 20 см выше современной почвы. Плиты торчат из земли на 10—15 см.

В центре под каменной наброской обнаружена яма округлой формы (диаметр 0,5 м, глубина 0,45 м). В центре этой ямы остатки деревян- ного вертикально поставленного столба диаметром 15 см. Под наброс- кой впритык к северной стенке горизонтально лежала плита (0,95 × 0,4 ×

×0,05 м) и под ней, немного к югу, еще одна плита (0,6×0,3×0,06 м). Под наброской вблизи северо-западного угла найден лошадиный зуб, в северо-восточном углу обнаружены угольки.

В полуметре к востоку от середины восточной стенки оградки вертикально вкопан камень (0,3×0,2×0,11 м), лицевой стороной к востоку. По той же линии на восток в пяти метрах устроена еще одна оградка (№ 25), представляющая собой квадрат, сложенный из трех плит и двух камней.

Оградка 23 аналогична оградке 24 (рис. 4, 4).

Курган 22 (рис. 4, 3). Сферическая каменная наброска диаметром 5 м и высотой 0,5 м. Сложена из окатанных камней среднего размера; задернована только у основания. На уровне современной дневной поверхности обнаружено округлое пятно перегорелой земли и спрессованных углей. Его диаметр 4 м, мощность слоя 5—10 см. Ниже слоя угля — обожженный песок на 5—10 см и под ним песок, не подвергшийся действию огня.

Никаких вещей или остатков пережженных костей не обнаружено.

Разведка, проведенная на Южном Алтае в 1964 г., показала, что этот район богат памятниками старины и представляет особый археологический интерес для изучения по крайней мере двух эпох: первого тысячелетия до н. э., т. е. времени формирования и развития на Алтае древнейшего специализированного скотоводческого хозяйства, и VI—VIII вв. н. э. — времени тюркского каганата.

Тюркский возраст выявленных экспедицией каменных изваяний и связанных с ними оградок и других наземных сооружений не вызывает сомнений⁵. Могильник Аргут 2 (Самаха), судя по общей планировке и характеру надмогильных устройств (каменные оградки, керексуры, курганы с «воротами»), весь, видимо, тоже тюркского времени. К этой же эпохе следует отнести могильник Джазатер 2, на котором найдено лицевое каменное изваяние, и большая часть курганов по течению Гархатты и Джазатера (в первую очередь каменные наброски с балбалами), тогда как другая часть курганов скорее всего значительно древнее, и среди них безусловно имеются курганы, синхронные раскопаным на могильнике Аргут 1, абсолютный возраст которых вполне может быть определен, правда, в широком диапазоне времени.

Устройство исследованных могил и ритуал погребения в главных чертах совпадают с пазырыкским, туэктинским, берельским и другими. Курганы 1, 7 и 8 содержали одиночные погребения в невысоком (в 3—4 венца) продолговатом срубе, поставленном в южной части ямы, более глубокой, чем северная, которая отводилась для захоронения верховой лошади. Все данные свидетельствуют о том, что для погребений могильника Аргут 1 характерна восточная ориентировка и первоначально положение тела слегка на правом боку с небольшим согнутыми ногами. Совершенно аналогичные захоронения открыты ниже по Аргуту на правом берегу Кок-су в 6 км от ее устья⁶. Такого же типа погребальные каноны (с вариациями, зависящими от местных традиций, социальных причин и бытовых случайностей) характерны для всего Горного Алтая, начиная по крайней мере с VI в. до н. э. и далее в течение нескольких веков⁷. О том же возрасте аргутских курганов говорит инвентарь, в них обнаруженный.

Кувшин из кургана 1, форма которого вполне восстанавливается по оставшимся после ограбления и дошедшим до нас черепкам, аналогичен кувшину из кургана 2 Катонского могильника,⁸ относящегося ко второй половине или, возможно, к последним векам I тысячелетия до н. э.,⁷ а аргутский кувшин из кургана 4 почти повторяет катонский из кургана 12⁸ и пазырыкский из кургана 1.⁹ Широкогорлый горшок из кургана 8 (Аргут 1) может быть сопоставлен с близким к нему по форме горшком из кургана 7 Катонского могильника.¹⁰

Изделия из бронзы, найденные при раскопках могильника Аргут I, также имеют параллели среди вещей, бытовавших на Алтае и на соседних с ним территориях в середине и второй половине I тысячелетия до н. э. Бронзовый кинжал с прямым навершием и бабочковидным перекрестием с продольной рифленой рукояткой из кургана 136 (26) Туранского могильника¹¹ является близким аналогом кинжалу из кургана I могильника Аргут I.¹² Близок аргутским проушной клевец из того же кургана 132 Туранского могильника,¹³ только у него обушковая петля в сечении подпрямоугольная, а не овальная, и в проушной части он шире. Бронзовый нож из кургана 7 (Аргут I), имеющий прямую ручку и лезвие, более широкое, чем ручка, аналогичен ножу из кургана 38 (Туран V); курган этот датируется V в. до н. э. Бронзовые поясные крючки (часто неправильно называемые крючками от колчана), аналогичные найденному в кургане 7, встречаются в тувинских памятниках вместе с плоскими зеркалами с центральной ручкой на стойках, относящимися к VI в. до н. э., небольшими бронзовыми трехперыми черешковыми и трехгранными втулатыми стрелами с острыми свисающими жальцами.¹⁴ Отличие заключается лишь в том, что аргутский крючок имеет округлое расширение с поперечной петлей для крепления к ремню, а у тувинских — у одного вместо петли отверстие, а у другого шпенец.¹⁵ Кроме Тувы, такого рода крючки обычны для памятников ранних кочевников Алтая, Казахстана и районов далее на запад.¹⁷

Все эти данные позволяют считать, что захоронения, исследованные нами на могильнике Аргут I, произведены где-то в пределах V—III вв. до н. э. Нет сомнений, что весь могильник, состоящий, как было сказано, из восьми курганов, не мог функционировать на протяжении трехсот лет, но уточнить дату можно будет лишь после того, как в бассейне Аргута будет исследовано значительное количество памятников.

С 1965 г. Южно-Алтайская экспедиция начала планомерное изучение могильника Кок-су I, расположенного в шести километрах от впадения Кок-су в Аргут. За два года здесь раскопано восемнадцать из сорока двух курганов, составляющих могильник. Полученный материал показывает, что могильник Кок-су I относится к той же эпохе и культуре, что и Аргут I.

Назрела настоятельная необходимость развертывания более широких археологических исследований в Горном Алтае. Массовое вскрытие небольших курганов обещает дать богатый и важный в научном отношении материал для решения проблем, связанных с историей, экономикой, идеологией и искусством древнего населения Алтая. А от раскопок больших каменных курганов с вековой мерзлотой под их насыпями с уверенностью можно ожидать таких же богатейших и уникальнейших находок, какие уже прославили Горный Алтай.

ЛИТЕРАТУРА

1. С. С. Сорокин. Южно-Алтайская археологическая экспедиция в 1962 г. В кн. «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1962 год», Л., 1963, стр. 33—34. Он же, Археологические работы на Южном Алтае в 1962 г. Сообщения Государственного Эрмитажа, XXVI, Л.—М., 1965, стр. 54—56. Он же, Археологические работы на Южном Алтае в 1961—1964 гг. Сообщения Государственного Эрмитажа, XXVII, Л.—М., 1966, стр. 94—95.
2. С. С. Сорокин. Археологические работы на Южном Алтае в 1962 г., стр. 56.
3. Л. А. Евтюхова. Каменные изделия Южной Сибири и Монголии. Материалы и исследования по археологии СССР, № 24, М.—Л., 1952, стр. 72—120. Я. А. Шер. Каменные изделия Семиречья. М.—Л., 1966, стр. 38—46. А. Д. Грач. Каменные изделия Западной Тувы. Сборник музея антропологии и этнографии, т. XVI, Л., 1955; М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми данными. Советская археология, XII, М.—Л., 1950.
4. С. С. Сорокин. Бассейн Аргута в археологическом отношении. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 год. Л., 1965, стр. 24—26.

5. W. W. Radloff. Aus Sibirien, т II, Leipzig, 1884, глава VII; С. Руденко «Скифское» погребение на Алтае. Сообщения Государственной академии истории материальной культуры, 2, 1931; С. В. Киселев Из работ Алтайской экспедиции Государственного исторического музея в 1934 г. Советская этнография, 1935, № 1, стр. 97—106; С. В. Киселев, Л. А. Евтухова. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Труды Государственного исторического музея, вып. XVII, М., 1941, стр. 75—117; С. В. Киселев Алтай в скифское время (маймырская культура). Вестник древней истории, 1947, № 2, стр. 157—172. Он же Древняя история Южной Сибири. Изд. 2-е, М., 1951; С. И. Руденко Второй Памирский курган. Л. Изд-во Государственного Эрмитажа, 1948, стр. 7—19; М. П. Грязнов Первый Памирский курган. Л., 1950, стр. 13—24; С. И. Руденко Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., Акад. наук СССР, 1953, стр. 25—61; Он же Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 224—247; Он же Башадарские курганы. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры, 45, М., 1952, стр. 30—39; С. С. Сорокин Новые раскопки Большого Берельского кургана Газета «Знамя коммунизма», № 188 (5253), 22 сентября 1959 г., стр. 4; С. И. Руденко Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, Акад. наук СССР, стр. 22—41; С. С. Сорокин Исследование Большого Берельского кургана. Сообщения Государственно Эрмитажа, XXIII, Л., 1962, стр. 70—72.
6. С. С. Сорокин. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы. Археологический сборник, 8, Государственный Эрмитаж, Л. М., 1966, стр. 55, рис. 11, 7. Там же, стр. 57.
8. Там же, стр. 54, рис. 15, 2.
9. М. П. Грязнов Первый Памирский курган, стр. 46, рис. 19.
10. С. С. Сорокин Памятники ранних кочевников, стр. 54, рис. 15, 4.
11. В. Н. Полторацкая Памятники ранних кочевников в Туве (по раскопкам С. А. Теплоухова). Археологический сборник, 8, Государственный Эрмитаж, Л. М., 1966, стр. 91, рис. 8, 1; Туран V, курган 138, Государственный Эрмитаж, коллекция 5131/86.
12. С. С. Сорокин. Археологические работы на Южном Алтае в 1961—1964 гг., стр. 94—95. Близкие по форме книжки известны также в памятниках V—IV вв. до н. э. Минусинской котловины (см. И. Л. Членова Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии. Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. IX, Кызыл, 1961, табл. 1, 4) и в Северном Казахстане (см. М. П. Грязнов Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, 61, Л., 1956, рис. 3, 7).
13. В. Н. Полторацкая, ук. соч., стр. 91, рис. 8, 2, Государственный Эрмитаж, коллекция 5131/93.
14. В. Н. Полторацкая, ук. соч., стр. 91, рис. 8, 3, Государственный Эрмитаж, коллекция 5131/17 и стр. 97. У аргутского шюжа часть ручки утрачена.
15. Туран IV, курган 126; Государственный Эрмитаж, коллекция 5131. В. Н. Полторацкая, ук. соч. стр. 87, 6, 1, 9, 10.
16. В. Н. Полторацкая, ук. соч., стр. 85, рис. 5, 9; рис. 6, 12; рис. 8, 6.
17. С. В. Киселев Древняя история Южной Сибири Акад. наук СССР, 1951, стр. 299; С. И. Руденко Культура населения Центрального Алтая, табл. XXII, 2, М.—Л., Акад. наук СССР, 1960 г.

НА ПУТИ К РЕАЛИЗМУ

(о прозе Павла Кучияка)

Если придерживаться строгой хронологии, то первым оригинальным произведением алтайской прозы следовало бы назвать очерк дореволюционного писателя М. В. Чевалкова «Чобблконтун журумн» («Жизнь Чевалкова»).¹ Однако это своеобразное мемуарно-автобиографическое произведение, в отличие от басен Чевалкова, не имеет преемственной связи с очерками, рассказами, повестями последующего поколения алтайских писателей. Богатый яркими бытовыми зарисовками, очерк служит прежде всего дополнением к научным обобщениям по изучению различных сторон жизни алтайского общества середины XIX века.

С установлением советской власти в Горном Алтае в газетах и учебниках наряду с первыми агитационно-публицистическими стихами и пьесами появляются и первые произведения алтайской прозы. Наиболее ярко ее типичные черты выражены в творчестве Мирона Мундус-Эдокова. Его рассказы-миниатюры на антирелигиозные темы, из жизни охотников и сказки о животных свидетельствуют о глубоко национальной почве зарождения этого жанра в алтайской литературе. Социальная направленность содержания, правоучительность и исключительная лаконичность формы — таково своеобразие прозы писателя. Как и в народных сказках его герои безымянные (кам, учитель, ярлычки и т. п.); само определение их по роду занятий составляет общую с произведениями народного творчества черту типизации. И то, что сюжеты и образы органически вырастают из фольклора, и то, что в изображении явлений и характеров преобладают фольклорные традиции — всё это выражает непосредственную связь произведений Мундус-Эдокова с художественными принципами устного народного творчества алтайцев.

Проза Кучияка явилась следующей ступенью в становлении этого жанра в алтайской литературе. В рассказах, повести и главах неоконченного романа писателя соотношение традиций фольклора и письменной литературы приобретает качественно новый характер. Сюжетами и образами его произведений становятся реальные события, факты, конкретные люди, современники писателя. И это явление, по справедливому замечанию З. Кедринной из наблюдений казахской прозы, не есть «чистая фактография», а выступает как переходная ступень от абстракции фольклорных форм к реалистическому освоению жизненного материала.

Знакомство с произведениями Павла Кучияка позволяет представить идейно-тематическое направление, художественное своеобразие и жанровый характер алтайской прозы в период ее формирования. Сюжетной основой произведений писателя становится исторический переход алтайцев от патриархально-феодалного уклада жизни к новой, социалистической действительности. Сочетание прошлого и настоящего, составляющее жанровую специфику его прозы, исходило из самой жизни, из фактов свершавшихся событий, из стремления осмыслить их в революционном изменении.

Первые очерки Кучияка, объединенные общей идейной направленностью, стремлением рассказать о существенных чертах своего времени, неодинаковы по своей художественной структуре. Если очерк «Первые гости Ойротии»² представляет своеобразные путевые заметки, а «Кошма вытягивается, человек растет»,³ «Воин-разведчик»,⁴ «Мызаец Дырпан»⁵ являются очерками-портретами, биографиями современников писателя, то такие очерки, как «В военном госпитале № 444»⁶ и «Смерть коммунара Тырышкина»⁷ в жанровом отношении близки к рассказам-событиям. В последней писатель взволнованно повествует о трагической гибели русских коммунаров, основавших в Горном Алтае первую коммуны. Все эти очерки воспринимаются не как хроникальные явления, а как произведения, в которых заложен большой обобщающий момент. Они глубоки по идейному замыслу, интересны по содержанию, сюжет каждого из них мог бы быть положен в основу повести или романа.

Эпический характер рассказов «Железный конь», «Юскус-Уула», «Ямы», повести «Аза-Ялан» и неоконченного романа «Адийок» свидетельствует о стремлении писателя к социально-историческому осмыслению действительности. Ломка многовековых патриархально-родовых устоев, преодоление собственнического чувства, тяга к новой жизни и активное включение в общественно-политическую деятельность рядового алтайца — в художественном воплощении этих выдвинутых самой действительностью проблем выражено своеобразие процесса накопления принципов реалистического искусства на определенном этапе развития алтайской литературы.

Несмотря на то, что Кучияк с первых шагов выступает в сугубо реалистическом плане отображения действительности, в его творческой лаборатории значительное место занимают способы художественной типизации, идущие от народно-эпических традиций. Фольклоризм представлен в самой художественной структуре произведений: в резком разграничении персонажей на положительных и отрицательных, в тяготении к «идеальному» герою. В плане открытого заострения положительных качеств представлены образы Кичемкея («Железный конь»), Юскус-Уула из одноименного рассказа, Темира («Ямы»). В том же прямолинейно назидательном плане выступает и образ русского коммуниста Зыринова (повесть «Аза-Ялан»), хотя здесь же, в изображении главного героя (Керек-Пока), писатель делает попытку отойти от линии «идеального» героя.

В каждом рассказе, повести писателя обязательно присутствие легенды, предания, сказки, которые сопутствуют событиям или душевному состоянию героя. Возвышенная гипербола, насыщенность необычными метафорами, яркими и величественными эпитетами создают своеобразие писательского почерка. «Высокий хребет взвился в небо скалачным жеребцом, разметнул в высоте косматую гриву кедрочей и так застыл навсегда. Солнце ушло за хребет, унося на могучих руках яркие шары раскаленного железа, окрасило тучу багрянцем...»⁸ Такого рода скалачно-образными зачинами начинается каждое его произведение. И если в обрисовке пейзажных картин преобладает поэтический слог повествования, то в характеристике героев, в речи и строе их мыслей язык писателя по-народному сочен и меток.

В целом проза Кучияка свидетельствует о профессиональном подходе как в выборе жизненно важного материала, так и в решении задач художественного воплощения. Схематизм и описательность образов главных героев сглаживается не только яркостью и непосредственностью в самом изложении, но и психологическим началом в раскрытии образов других активных героев. В этом отношении одной из первых удач писателя можно считать образ Уичулай из рассказа «Железный конь».

В этом образе заложена, пусть не в полной мере, необходимая динамика характера, в которой раскрывается тонкая и сложная диалектика мировосприятия старой женщины. В лаконичных фразах Уичулай передана внутренняя сдержанность, напряжение борьбы двух начал — старого, через паутины которого она привычно смотрела на окружающее, и нового, которое незаметно для нее самой вытесняло прежнее представление о мире, ее отношение к себе и другим. Уичулай привыкла к такому порядку жизни, когда дети идут по стопам родителей, выбирают тот путь, который укажут отец и мать. Самостоятельность сына в определении своей судьбы задела самолюбие матери. Строгим голосом отказав сыну в своем согласии на учебу, она была в смятении от нахлынувших чувств, противоречащих ее собственному поведению: «Уичулай в четвертый раз достала из-за голенища кожаный кисет с табаком. Трубка стала горячей, и сердце матери билось горячее. Невольно думалось о прошлом. Дни были серые, как крылья журавлей. Беды сделали глаза дождевою тучей. Много раз спрашивала себя в те годы: «Зачем плачу? Слезами горю не поможешь...». Но остановить слезы было нелегко. В несчастные годы мелкому дождю конца краю нет... «Постепенно ее овладевало другое чувство, которому она не в силах была противиться: «Пройдет полгода и по всем горам разнесется весть: «Сын старой Уичулай научился управлять железным конем! Сын приедет домой, посадит мать рядом с собой в машину и промчит по высоким белым скалам над Чуей рекой...»⁹.

Поисками убедительных мотивов конфликта героя с окружающей средой отличается образ Эликбаша из рассказа «Юскус-Уул». Это сложный образ, вобравший нелегкий жизненный путь многих, задавленных нуждой, нравственно искалеченных алтайцев-белянков. Облик человека, придавленного страхом, привычным покорством, особенно хорошо передан в эпизоде приезда бая Дымжая в аил бедняка. Эликбаш мучительно пытается разгадать причину столь неожиданной чести, оказанной ему баем. Скованность в его поведении еще более усиливается от непривычно ласковых и настораживающих слов: «В большом разговоре не может быть секретов, в великом слове не может быть стыда. Не торопись косить для меня сено, не беспокойся с угощением... Я прискакал за другим...». На первый взгляд в этом эпизоде не совсем убедительным кажется столь быстрое согласие Эликбаша на убийство друга. Но дальнейшее его поведение показывает, что такой человек согласился на преступление скорее всего «по инерции»: не рассердить бы бая, у которого он находился в вечном долгу. «Дымжай затолкал в голенище трубку и поднялся, и тотчас Эликбаш, словно пришитый к его подолу, вскочил на ноги... с заискивающей заботливостью Эликбаш помог Дымжаю сесть на лошадь, подвернул полы его шелковый шубы, поправил стремяна... В дороге Эликбаш мучился мыслью, что конь его слишком топчет ногами, заглушает мерную иноходь лошади Дымжая. Он даже стал злиться на своего старого Рыжку и резко дергал поводья, словно хотел сказать ему: «Да шагай же ты тише...»¹⁰.

В рассказе нет подробностей, связанных с описанием «исправления» этого героя. Но тем не менее читатель в нем чувствует человека, который к становлению в ряды борцов за советскую власть шел не по прямой восходящей, как Юскус-Уул, а отступаясь, преодолевая зигзаги.

И, наконец, к этому же типу героев относится бедняк Чалма из повести «Аза-Ялан». Правда, мотивы его поступков менее убедительны, отчего эволюция героя из отрицательных в положительные носит более прямолинейный характер.

Профессиональный подход писателя сказывается не только в попытках дать психологический рисунок героев, но и в самом композиционно-сюжетном построении произведений. В рассказе «Юскус-Уул», начиная повествование с кульминационного момента (Эликбаш стреляет в свое

го друга Юскус-Уула), Кучник сразу вводит читателя в обстановку напряженного времени, о котором собирается рассказать. И в самом вопросе раненого («Ох, что же это такое?.. Почему он стрелял?... Разве не такой же он батрак, как и я?...») определена основная мысль произведения, задача, которую ставит перед собой писатель. Особенность композиционного построения — своеобразное вступление и затем неторопливое разворачивание событий, которые привели к трагическому случаю. — внешне определяют произведение как событийный рассказ. Но значимость событий, переплетение их с биографией героев, стремление автора к обобщению социально-исторических явлений несомненно свидетельствуют, что в основе своей это произведение эпического направления.

В рассказах и повести Кучник стремится избежать прямого описательного сопоставления старой и новой жизни (типа «раньше и теперь»). Повествование о Керек-Поке («Аза-Ялан»), подвигшемся в годы советской власти от батрака безродного до народного вожака, писатель начинает с событий, составляющих основной конфликт произведения: борьба за земельный передел, за организацию первых колхозов. Но вместе с описанием бурного времени первых лет советской власти на Алтае, Кучник нет-нет да обращается к прошлому, к началу жизненного пути главного героя. Расширяя таким образом границы изображаемого времени, писатель вносит дополнительные детали, которые усиливают драматичность сюжета и создают определенную объемность содержания. И поэтому судьба тихого, безропотного бедняка Порыкчи, человека давно ушедшего из жизни, и трагическая участь чистой и обаятельной Ногои при всей их эпизодичности по своему художественному значению подстать образам активных героев повести.

Контраст старой и новой жизни, составляющей идейную основу произведений Кучника, возникает не только в биографиях героев, но и из всей гаммы воссозданных автором жизненных ситуаций. Писателем верно передана атмосфера жизни, строй мыслей и волнений людей тех лет. Просто, с оттенком добродушного юмора рассказывает автор о первых шагах общения с новыми предметами, входящими в повседневный быт алтайцев. Автомобиль в сознании жителей далекого села предстает в облике сказочного коня-богатыря. И увидев чудо-машину, они говорят о ней привычными, с прежним представлением понятиями («А где твое седло? А поводья где?...»). И с тем же оттенком мягкого юмора автор вместе с героями иронизирует над тем, как всего несколько лет назад поездка алтайца в город Бийск воспринималась путешествием «за тридевять земель», где встречались невиданные вещи: «бронзовый котел, что на солище закипает» (самовар) и «Золотая птица» (петух).

В творчестве Кучника несколько обособленное место занимает рассказ «Тойчы»¹¹. В нем намечен отход писателя от той линии его произведений, где сюжетная основа строится на конфликте социально-противоположных групп, на столкновении двух миров. Здесь конфликт перенесен в сферу сознания, на морально-этические проблемы. Старая Тойчы, соблюдая обычай предков, настаивает на замужестве дочери за не любимого ею человека. Нет, Тойчы нельзя принять за верную последовательницу обычаев старины. Большую часть своей жизни она провела в старое время, когда, по её словам, «женщины погаными считались». Она не испытывает благоговейного трепета, увидев в музее экспозиции привычной ей в недавнем прошлом обстановки, а наоборот, в негодовании предлагает съечь чучело шамана. Но тем не менее все еще сильно скандальничает по поводу отказа дочери нареченному в детстве жениху, не без страха проезжает через высокую, «священную», по ее понятиям, гору.

Несмотря на явные черты психологизма в рассказе, что исходило из идейной заданности — «рассказать о старой и новой женщине-алтай-

ке»¹²—в раскрытии характера героя, его эволюции здесь также преобладают внешнесюжетные детали. И это, идущее от фольклорно-эпических традиций описание событий, поступков героев как проявление внутренней сущности персонажей, было всего лишь начальной ступенью реалистической прозы в молодых литературах.

Проза Кучияка—его рассказы и повести — свидетельство того периода формирования алтайской литературы, когда ещё только закладывался гармоничный синтез национального опыта с новаторскими традициями, рождающимися в процессе необходимости отображения новой действительности. И вместе с этим важно подчеркнуть, что в произведениях писателя в их революционном пафосе утверждения новых начал общественной жизни были заложены важнейшие принципы метода социалистического реализма.

Прслеживая путь Кучияка от первых очерков, рассказов к роману мы убеждаемся, как, постепенно освобождаясь от документальности и описательности, от чрезмерного фольклоризма в сюжетах художественной типизации, писатель вплотную приблизился к той грани зрелого мастерства, когда создаются произведения большого художественного значения.

Рассказы и повести Кучияка творчески подвели его к созданию произведения реалистически емкого, с необходимым психологическим наполнением образа. Это выразилось в обращении писателя к сложному синтезу собственных чувств и мыслей, к динамике собственного мировосприятия. Время и бурные события в судьбе своего народа на рубеже двух социальных эпох писатель замыслил художественно выразить в автобиографическом романе «Адыок».

Есть много свидетельств, что в свое время автобиографическая трилогия Горького произвела глубокое впечатление на Кучияка. «Произведения великого писателя открыли мне глаза на секреты художественной прозы», — писал Кучияк в дневнике. Учитывая это обстоятельство проще всего было бы ограничиться утверждением, что после прочтения этой трилогии алтайским писателем начато такого же рода произведение на материале собственной биографии.

Однако следует полагать, что Кучияк читал не только книги Горького. Он читал и переводил произведения русских и зарубежных писателей. И из всего прочитанного именно автобиографическое повествование великого писателя взволновало его. Взволновало глубиной художественного освоения жизненного материала, близкого и понятного Кучияку, человеку, прошедшему нелегкий путь жизни от безграмотного батрака, сына шамана, до писателя, общественного деятеля. Взволновало потому, что импонировало его творческим замыслам, ибо он находился на том этапе своего писательского пути, когда после первых восторженно-призывных стихов, торопливых очерков, рассказов и повести наступила потребность глубокого проникновения в действительность, художественно правдиво рассказать об исторической судьбе своего народа. Это-то и явилось определяющим в обращении Кучияка к Горькому, к его автобиографической трилогии. Она послужила действенным толчком к проявлению того, что внутренне назрело в самом Кучияке, но не находило еще конкретной словесно-художественной формы выражения.

Таким образом, в обращении Кучияка и многих национальных писателей к опыту Горького была выражена закономерность развития молодых литератур. Оно было вызвано, как отмечает исследователь казахского романа Е. Лизунова, «внутренними потребностями самой литературы, которые и определили историческую необходимость освоения горьковского наследия. Нужно было осмыслить путь, пройденный народом от феодализма к социализму, минуя капитализм, рассказать о народе и тогда сказалось всего сильнее действие горьковской автобиографической традиции на многих национальных почвах.

Рассказать о прошлом, об увиденном, осмыслить свою собственную биографию в истории народа...»¹³.

Если рассматривать это явление — обращение многих национальных писателей к форме автобиографического повествования — в едином потоке многонационального литературного процесса 30-х годов, то автобиографические произведения явились жанровой разновидностью исторического романа. В отличие от предыдущего десятилетия в 30-е годы революция, рассматриваемая с определенной дистанции во времени, предстала как история. Возникла потребность переосмысления исторического прошлого народа, его движения к революции с позиции современности. Поэтому в русской литературе и литературах национальных республик появляются историко-революционные эпопеи и исторические романы, масштабные по охвату событий, с развернутыми психологическими характеристиками («Петр I», «Хождение по мукам» А. Толстого, «Емельян Пугачев» В. Шишкова, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Клим Самгин» А. Горького, «Рабья» С. Айни, «Шамо» С. Рагимова, «Наливайко» П. Ле, «Иван Богун» Я. Кочуры, «Десница великого мастера» К. Гамсахурдиа, «Арсен из Марабды» М. Джавахишвили и др.).

В молодых национальных литературах исторический роман нашел свое выражение в автобиографических произведениях («Тернистый путь» С. Сейфуллина, «Долгий путь» М. Элебаева, «Мудрешкин сын» А. Амур-Санана и др.) Неслучайно Кучник свой задуманный роман также назвал «исторический роман об алтайской жизни»¹⁴.

Сопоставляя наброски, главы неоконченного романа «Адышок», над которым писатель работал в последние годы своей жизни, с первыми романами ряда национальных литератур народов СССР, следует отметить, что Кучник избежал тех недостатков, которые были типичны для формирующегося жанра большой прозы. Так, например, в башкирской литературе роман А. Тагирова «Красногвардейцы», историко-мемуарный роман казахского писателя Сакена Сейфуллина «Тернистый путь», а также автобиографический роман-хроника калмыцкого писателя А. Амур-Санана «Мудрешкин сын» представляет запись событий в хроникальной последовательности. Поэтому произведения усложнены чрезмерным количеством действующих лиц и эпизодов, отсутствием главного, связывающего композиционную ось сюжета.

Задуманный роман Кучника «Адышок» начат в ином плане. По теме и идейному авторскому заданию с ним сходны автобиографические произведения тувинского писателя С. Тока «Слово врата» и якутского писателя Мординова «Весенняя пора». Не говоря уже о сходстве жизненного пути героев трех разных по национальной принадлежности писателей, в них много общего в самой манере преподнесения материала в избранной авторами тональности повествования.

«...Сухая береста трещала на углях, словно сало, выплеснутое в огонь. Над очагом поднялся дым, и стенки аила покрытые виеем, покапались обшитыми мохнатыми серыми овчинами.

Мать Адыюка грела руки у костра, потом прикладывала их к ногам сына, будто пригоршнями переносила тепло к нему в ямку... Адышок опять долго не мог заснуть. Он прислушался к тому, что происходило за тонкими стенками аила. Молодые деревья от мороза пощелкивали, как штыки на пустой зорьке отцовской винтовки. Утоптаный снег поскрипывал под ногами коров, будто они, как богатые люди, похаживали вокруг аила в новых сапогах...»¹⁵.

В таком исторопливом повествовании начинаются страницы о судьбе Адыюка. Шум вековых лиственниц, стогастый рев горных потоков, утонувшими баранами белеющие буруны речек, холодный блеск неподвижных зрачков деревянных чучел божков, постоянный страх перед всевидящими злыми духами и мороз, невидимыми серыми шенками пробирющийся к постели мальчика — так проникновенно-образно переданы

картины из жизни Адылока, а вместе с ним и всего народа. В них звуки и запахи первозданной природы, особенности нравов и быта алтайцев.

Беспросветная жизнь в ежечасной борьбе с нуждой, голодом и холодом не заслонили светлых и радужных красок восприятия мальчишкой окружающей жизни. Собственное воображение рисовало его богатырем, и он чувствовал себя таким же высоким и сильным, как одинокие старые сосны; пальцем чертил по небу, направляя путь звезд, шел на охоту, устраивал «состязания» воинов цветов.

Органическое соединение психологического анализа и бытописания — это уже значительный шаг в творчестве писателя, проявление подлинного мастерства в художественном воплощении действительности. Написано всего несколько глав и набросков романа, но и в них с удивительной цельностью предстала многокрасочная картина жизни. Уже в этих главах и набросках определенно выражено умение писателя подчинить свою биографию идейно-эстетическому замыслу произведения: сквозь призму становления характера героя показать глубинные процессы общественной жизни алтайского народа в величайшую переломную эпоху.

«У писателей каждого народа, особенно ранее отсталого и мало-численного, — пишет известный советский литературовед К. Л. Зелинский, — на определенном этапе развития возникает потребность рассказать о путях своего народа в истории, представить главные черты национального бытия, осознать бытовые условия своего существования и те черты, которые отобразились в характере народа.¹⁷ В свете этого высказывания о закономерностях развития молодых литератур народов СССР, становится очевидным тот факт, что кучияковский опыт накопления традиций реалистического искусства явился основополагающим в дальнейшем развитии алтайской литературы. Автобиографическое повествование, положившее начало жанра романа в литературе народа, ранее бесплывущее, находит свое естественное продолжение в произведениях последующего поколения алтайских писателей. В сходящем с «Адылок» идейно-сюжетном плане написана автобиографическая повесть Чалчыка Чунижекова «Мундузак». Налицо элементы автобиографичности в романе и повести молодого писателя Лазаря Кокышева «Арина» и «Туулардан келген уулар».

Но вместе с тем нельзя не заметить о намечающемся расширении тематического и жанрового диапазона алтайской прозы последних лет. Беспрецедентный трудовой подвиг женщины-матерей и подростков, вынесших на своих плечах тяготы трудных военных лет, становится главной темой романов и повести Л. Кокышева. В глубину веков уводит нас писатель И. Шадоев, воссоздав на основе народных преданий и исторических документов далекое прошлое алтайского народа. К постановке острых вопросов современности стремятся в своих произведениях писатели Э. Палкин и А. Адаров.

И в том, что алтайские писатели сегодня находятся на подступах к произведениям с многоплановым отражением действительности и убедительным воплощением диалектики характера, — в этом есть немалая заслуга Павла Кучияка. Его произведения выразили заданный эпохой курс, по которому, овладевая принципами социалистического реализма, развивались младописьменные литературы Советского Союза. Как и многие национальные писатели, закладывавшие основы художественной литературы своего народа, Кучияк в своем творчестве решал одинаковые с ними задачи и, в частности, задачу создания алтайской реалистической прозы. Всем своим творчеством он на целую ступень поднял литературу своего народа, вплотную приблизив её к уровню зрелых литератур.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА В КУМАНДИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В настоящем очерке, являющемся продолжением исследования кумандинского глагола¹, характеризуются особенности его спряжения во всем многообразии спрягаемых временных форм, объединяющихся в три основные наклонения: изъявительное, повелительно-желательное и условное.

Спряжение глагола представляет собой систему изменения по лицам различных по своему видовому, залоговому, временному и модальному значению глагольных форм, прямо или генетически восходящих к причастным (аттрибутивным) формам глагола, реализующихся в виде парадигм или рядов форм I, II, III лица единственного и множественного числа от каждой функциональной формы глагола.

Категория лица, выражающая грамматическую связь подлежащего и сказуемого в кумандинском диалекте, как и в других тюркских языках, грамматическое свое оформление получает только в I и II лице единственного и множественного числа. Спрягаемые формы III лица единственного числа, как правило, имеют нулевую форму, а так же форма III лица множественного числа факультативно оформляется аффиксом множественного числа *-лар/-лер* (с вариантами), общим как для имен (с выраженной формально или нулевой связкой), так и для причастных форм, лежащих в основе каждой временной спрягаемой глагольной формы.

Личные формы в кумандинском диалекте выражаются двумя вариантами аффиксов:

1. Полными формантами лица:

Единственное число	Множественное число
I. <i>-бын, -бин, -пын, -пин</i>	I. <i>-быс, -бис, -пыс, -пис</i>
II. <i>-зын, -зын, -сын, -син</i>	II. <i>-лар, -лер, -сар, -сер</i>
III. — — —	III. — <i>-лар/-лер</i>

2. Сокращенными или усеченными формантами лица:

Единственное число	Множественное число
I. <i>-м, -ым, -им</i>	I. <i>-быс, -бис, -пыс, -пис, -ыбыс, -ыбис</i>
II. <i>-мь, -ымь, -имь</i>	II. <i>-ар/-ер</i>
III. — — —	III. — <i>-лар/-лер</i>

Полные форманты лица используются главным образом в спряжении имен без связок, сокращенные же во всех формах спряжения глагола и имени со связкой.

Вторым средством грамматической связи подлежащего и сказуемого в предложении является согласование в числе. Категория числа в I-м и 2-м лице единственного и множественного числа выражается в соответствующих личных аффиксах. В 3-м же лице множественного числа, поскольку личные формы третьего лица грамматически не выражаются, категория числа представлена в виде аффикса множественного числа *-лар/-лер* (с соответствующими фонетическими вариантами).

ми), например, *парчин таралыйдылар* («таралып ийдилер») «все разошлись»; *аныр ичижип кирип бардылар* «они друг за другом стали заходить туда»; *аныр алыгны калка сал келип суга салыйирее санын-тырлар* «они надумали, оказывается, засунуть глупца в мешок и опустить в воду»; отрицательная форма спрягаемых имен и производных глагольных основ оформляется либо посредством отрицания *чок, чук, дьок, тьок*. См., например, *кижиинъ табыжы да цыгган дьок* «не было слышно и человеческого голоса»; либо посредством отрицательной частицы *эвес*, например: *курускучектинъ нымыртказы теген эвес* «яйцо курицы не простое». в глагольных же основах, кроме того, — аффиксом отрицательной формы глагола: *-ба-бе,-па/-пе,-ма-ме, бы-би,-пы/-пи,-мы/ми*, например: *он алты чашты Ай-жок кыс аракы ичпим* («ичпеген») «шестнадцатилетняя девушка Ай-жок не пила араки»; *индиш кижилер карчы бурулдады* «те люди обратно не вернулись»; *апшыйик айткан—мин снерге пулажа бербезим* «Я помочь тебе не буду» — сказал старик; *кункрбуски дьайкайак катан-катан дьаймавас* «цветок подсолнечник несколько раз не будет цвести».

СПРЯЖЕНИЕ ИМЕН

Спряжение имен без связки исторически восходит к более полной форме — спрягаемым именам со связкой, которые в морфологическом плане представляют собой не что иное, как составные глаголы, т. е. сложные глагольные основы, образовавшиеся путем словосложения.

Таким образом, спрягаемые формы имен, например, *мен куманды бын* «я кумандинец», восходят к более полной форме: *мен куманды турур ман*, где сочетание *куманды тур* «являться кумандинцем» морфологически представляет собой сложную основу составного глагола, образовавшегося путем словосложения.

ТАБЛИЦА СПРЯЖЕНИЯ ИМЕН

Единственное число

- I. *мен куманды бын* (<*мен куманды турур мен*) «я кумандинец».
- II. *сен куманды сын* (<*сен куманды турур сен*) «ты кумандинец».
- III. *ол куманды*—(<*ол куманды турур*) «он кумандинец».

Множественное число

- I. *пис куманды бис* (<*пис куманды турур бис*) «мы кумандинцы».
- II. *снер куманды зар* (<*снер куманды турур снер*) «вы кумандинцы».
- III. *анар кумандылар* (<*анар куманды турур*—) «они кумандинцы».

По этой же схеме спрягаются и все прочие имена, выступающие в предложении в функции сказуемого.

Примеры: *мен мандабын* «я здесь»; *тые, тулкечек, сенди ундеп калген кизи вен* «ну, лисичка, я есть тот человек, который пришел пригласить тебя»; *кйда зын—мында бын!* «ты где? — я здесь!», *тегренинъ ижинде шаган коп* «на небе много звезд»; *ээренинъ кажы дьок* «у седла их нет деревянной основы»; *тыаары-ээс, суйы-тайыс, балыгыннынъ собог тьок* «берег высокий, поверхность воды — низкая, а рыба там без костей»; *тордег урус—эджикте, эожинег угус—торде* «мусор, находящийся в переднем углу — у двери, а мусор, находящийся у двери — в переднем углу».

Во всех указанных предложениях, где подлежащее выражено в третьем лице, аффикс лица при сказуемом отсутствует.

Все спрягаемые формы глагола, как уже отмечалось выше, исторически восходят к атрибутивно-определятельным формам глагола, т. е. к причастиям. К причастиям же формам восходят и связки, которые служат собственно глагольным элементом в составных глаголах и в сочетаниях имен со связками. А так как основам всех причастий сопутствуют категории наклонения и времени, то каждая из спрягаемых форм глагола или имени со связкой входит в систему того или иного наклонения и той или иной группы временных форм глагола.

В кумандинском диалекте глагол имеет две группы наклонений. Первую группу составляет одно изъявительное наклонение, а вторую группу — два наклонения: а) повелительно-желательное — с двумя модальными оттенками: повелительным и желательным, б) условное наклонение с тремя модальными оттенками: условным, уступительным и сослагательным.

Кумандинский глагол изменяется также по временам. Основными группами временных форм являются а) группа временных форм настоящего и будущего времени и б) группа временных форм прошедшего времени. В современном кумандинском диалекте вполне дифференцированными временными категориями являются категории будущего, настоящего и прошедшего времени, которые имеют, кроме того, различные видовые оттенки, составляя сложную систему временных форм, которая может быть представлена в следующей схеме:

1. Изъявительное наклонение

1. Группа временных форм будущего и настоящего времени.
  - а) будущее неопределенное время (на *-ар/-ер*);
  - б) настоящее-будущее время длительное (на *-а-турар*);
  - в) настоящее-будущее время данного момента (на *-ыл чат-ыр*).
2. Группа временных форм прошедшего времени.
  - а) прошедшее определенное очевидное (на *-ды/-ди, -ты/-ти*);
  - б) прошедшее определенное заглазное (на *-ыл-тур*);
  - в) прошедшее определенное данного момента (на *-ыл чат*);
  - г) прошедшее неопределенное (на *-ган/-ген, -кан/-кен*);
  - д) прошедшее неопределенное данного момента (на *-ыл чаткан*).

2. Повелительно-желательное наклонение

1. Настояще-будущее (повелительно-желательный модальный оттенок);
2. Будущее (желательный модальный оттенок — форма на *-гай/-гей, -кай/-кей*).

3. Условное наклонение

1. Настояще-будущее время (с тремя модальными оттенками: условия, уступительности и сослагательности).

Изъявительное наклонение

Все спрягаемые формы глагола в изъявительном наклонении располагаются в две группы: группу настояще-будущих времен и группу прошедших времен. Первая группа временных форм имеет в своей основе причастие на *-ар/-ер/-ыр/-ир/-р*, выступающее в будущем неопределенном времени непосредственно от основы спрягаемого глагола, а в настояще-будущем длительном и в настояще-будущем данного момента исторически от того же причастия на *-ар/-ер*, осложненного видовым

Вспомогательным глаголом *тур-* для первого времени и *чит-* для второго.

Вторая группа прошедших времен имеет в своей основе две причастных формы: а) причастие на *-ды/-ты* и б) причастие на *-ган/-ген/-кан/-кен*. Все остальные прошедшие имеют в основе те же причастия, но осложненные видовыми вспомогательными глаголами *тур-* и *чит-*.

Перечисленные выше временные формы кумандинского глагола являются основными. Они не исчерпывают всего многообразия глагольных основ, которые могут выступать в функции сказуемого, но не всегда имеют свою полную парадигму изменения по лицам и числам.

Так, например, в системе настояще-будущих времен изъявительного наклонения имеется причастная форма на *-тан/-тен, -итан/-итен/-тын/-тин*, исторически образовавшаяся из деепричастия — на *-а/-е/-я* — причастие *турган*, напр. *бартан* (< *бар-а тур-ган*) «обычно идущий, отправляющийся», которая в кумандинском языке обычно выступает в функции сказуемого только в 3-м лице единственного и множественного числа, образуя особое будущее должностное время, в котором, однако, во всех личных формах личные аффиксы отсутствуют и, таким образом, парадигма спряжения данного причастия представляется в следующем виде: единственное число: 1 *мен бартан* «я обычно еду», 2 *сен бартан* «ты обычно едешь»; 3 *ол бартан* «он обычно едет». множественное число: 1 *пис бартан* «мы обычно едем», 2 *сенер бартан* «вы обычно едите»; 3 *аныр бартаннар* «они обычно едят».

К своеобразию этой формы следует еще отметить и то, что она не имеет своей отрицательной формы синтетического типа. В необходимых случаях ей соответствует либо синтаксическая отрицательная форма на *-бас/-бес, -пас/-пес* от причастия на *-ар/-ер/-р*, либо своя аналитическая форма с отрицанием *чок*.

Примеры: *кижи олтырганды тирлейтин, кижид олтырванды дирле-бес (машина)* — «когда человек сядет, то она гудит, а если нет, то не гудит (автомобиль); *бир кижид аш перзе улайтын, а бербез(е) улабаз* «если дашь человеку пищу, то он плачет, а если не дашь, то не плачет (загадка); *алчайактын эмдик сүт тыйтен да чок* «у старика теперь даже нет молока поесть».

1. Группа форм настоящего и будущего времени

1. БУДУЩЕЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ ВРЕМЯ

Основа будущего неопределенного времени в положительной форме состоит из причастия на *-ар/-ер/-р* и в отрицательной форме из причастия на *-бас/-бес, -пас/-пес, -вас/-вес*, которые в сочетании с аффиксами лица образуют следующую парадигму спряжения будущего неопределенного времени.

Положительная форма

Единственное число

I *мен пар-ар-ым* (// *барам*) «я (может быть) пойду»

II *сен пар-ар-зым* // — *сым* (// *барарынь*) «ты (может быть) пойдешь»

III *ол пар-ар* «он (может быть) пойдет».

Множественное число

I *пис пар-ар-ыбыс* (// *барарыс*) «мы (может быть) пойдем».

II *сенер пар-ар-зар* (// *-сер*) «вы (может быть) пойдете».

III *аныр пар-ар (-лар)* «они (может быть) пойдут».

Отрицательная форма

Единственное число

I *мен пар-баз-ым* (// *пар-бас-ым*) «я не пойду».

II *сен пар-баз-ынъ* (/ пар-бас-сын) «ты не пойдешь».

III *ол пар-бас-(/ пар-бас-сы)* «он не пойдет».

Множественное число

I *нис пар-баз-ыбыс* (/ пар-бас-сыбыс) «мы не пойдём».

II *снер пар-баз-ар* (/ пар-бас-сар) «вы не пойдёте».

III *анар пар-бас-(/ пар-бас-сы)* «они не пойдут».

Примеры:

Единственное число

1-е лицо

Таш оочаны одарым, талган-суйуйн чачарым «я разрушу твой каменный очаг, я рассею находящиеся в нем талкан и воду»; *бо чуггерк тьадарым?* «зачем я буду здесь жить?» *бо дьерге толге суйдынь бажиндынь тайгадын келген кижн болотын, теке — деп айткан ол* «в эту местность прибыл я из тайги с верховья девяти рек — ответил он»; *тьс теке, не — айуг айтты — сен бар, анарза барарым, анарды ийдыри* «ну ладно, — сказал медведь — ты иди, а я буду туда звать их»; *мень маньнайымы бөрүк ле пектеп аларым* «я прикрою мой лоб шапкой»; *үереде инпарарым* «я отведу домой»; *анар барзы, баратым, барбазы, барбазым* «если они пойдут, и я пойду, не пойдут, и я не пойду»; *опишый-ак айткан — мин омерге пулажа бербезим* «я тебе помогать не буду».

В редких случаях форма 1-го лица будущего времени может употребляться и без личного окончания, напр. *сен база кат ийземь, мен келип болыш эдер* «если ты напишешь письмо, я приду и помогу тебе».

2-е лицо

ол чүбенинь ортозы коол (< коол); *ол коол зи сен кирерсин и дьер түбен заа түшерсин* «у одной елки дуэлистая середина, ты в то дупло влезешь и попадешь под землю»; *первый үл за кирерсин, ол анда ийт оширар* «войдешь в первую комнату, там будет сидеть собака»; *мйре сен барарзын — дедн* «волк, ты пойдешь — сказал он»; *тьс, теки, мен сени үндем келген кижн болорым — деп айтты — барарзын ба, барнассын би?* — *деп айтты* «ну, вот я и есть тот человек, который пришел пригласить тебя в гости, пойдешь ты или нет?»; *мендем качып кам-техре шыкпасын* (< шыкпассын) «от меня на небо не улетити».

3-е лицо

Бо ат сеенъ болор «эта лошадь будет твоей»; *дье, кем эме барар ана?* «ну, кто пойдет теперь туда?»; *олум качан да болзо, шыгыны таан алар* «когда бы ни подступила смерть, а повод она всегда найдет»; *менинь алтан сыргалыйым база катап сананвас* «моя нареченная невеста не будет опять грустить»; *күнкөрүски дьайкайак катап-катап дьайманас* «цветок подсолнечника несколько раз не будет вести»; *нектини муусине кар капнас* «снег не покроет рога корою».

Множественное число

1-е лицо

кысы, пүрөчти алперербис «мы принесем тебе красную шапку»; *дыакшы — деп, тамьда баз ок калервистер үндиирге* «ну хорошо, — сказал он, — завтра утром мы еще придем пригласить его».

2-е лицо

тамьда биске барарзар, бис карарбыс «утром приходите к нам, мы будем вас ждать»; *бир түн мин заа келерзеер* «в одну ночь вы ко мне придёте».

2. настояще-будущее длительное, обычно

Основа настояще-будущего длительного времени в положительной форме исторически восходит к причастию на *-ар-ер-р* сложного глагола, состоящего из деепричастия на *-а-е-й* основного глагола и вспомогательного глагола тур-, т. е. к форме на *-а-е-й, -ып-ип-п + тур + ар*, испытавший различные степени редукции отдельных ее элементов в процессе фонетического развития. Отрицательная форма состоит из тех же элементов, но от отрицательной основы глагола.

Положительная форма

Единственное число

- I *мен пар-а-д-ым* «я обычно езжу, я поеду».
- II *сэн пар-а-д-ымъ* «ты обычно едешь, ты поедешь».
- III *ол пар-а-т (/ / тыр)* «он обычно ездит, он поедет».

Множественное число

- I *лис пар-а (д)-ыс* «мы обычно едим, мы поедем».
- II *скер пар-а-д-ар* «вы обычно едите, вы поедете».
- III *анар пар-а-т (/ / тыр)* «они обычно едят, они поедут».

Отрицательная форма

Единственное число

- I *мен пар-ба-й-д-ым* «я не поеду».
- II *сен пар-ба-й-д-ымъ* «ты не поедешь».
- III *ол пар-ба-й-т* «он не поедет».

Множественное число

- I *лис пар-ба-й-д-ыс* «мы не поедем».
- II *омер пар-ба-й-д-ар* «вы не поедете».
- III *анар пар-ба-й-т* «они не поедут».

Примеры: *эс атты минедим, эс черге челедим, пионерге киредим, пионер чолына чоредим* «я сяду на высокую лошадь, я поеду рысью на высокое место, я поступлю в пионеры, я пойду по пути пионеров»; *чакшы кысты кургенди, су айтыра санайтыр* «если увидишь хорошую девушку, то хочется поговорить с ней»; *бириси тьай тьакшы тейт, бири-си кыш тьакшы тейт (абра ла чанак)* «один из них говорит, что лето хорошо, а другой говорит, что зима хороша (арба и сани); *апыйак эртен тура алты, негини саг турат* «старик утром встает и доит корову»; *усак сынга шыканды, ат челерге санайтыр* «на высокую гору когда взберешься, то лошадь стремится идти рысью»; *кичеч эзирек урбем чит, и за кизи божотпойт (сомок)* «маленькая собачка не лает, а человека в дом не пускает; (замок)»; *көрзөм, көрзөм көрүнбейт, тутсам, тутсам, ту-оулбайт (кей)* «хочу посмотреть—не показывается, хочу поймать — не дается (воздух)»; *ол кыска ай чынар, бис табавыс* «той девушке говорят — мы найдем»; *бис мендеп турыс* «мы спешим».

3. настояще-будущее время данного момента

Основа настояще-будущего времени данного момента исторически восходит к причастию на *-ар-ер-р* сложного глагола, состоящего из деепричастия на *-ып-ип-п* основного глагола и *чат-тьат-дъбет*, т. е. к форме на *-ып-ип-п + чат + ар*, испытавшей различные степени редукции отдельных ее элементов и представленной ныне в кумандинском диалекте в большом количестве фонетических вариантов для каждого лица.

Единственное число

I *мен пар-чыд-ым* «я иду (в данный момент)»

<i>пар-чад-ым</i>	<i>пар-дьад-ым</i>
<i>пар-чыт-ым</i>	<i>пар-ч-ым</i>
<i>пар-тьад-ым</i>	<i>пар-т-ым</i> (Егона)

II *сен пар-чыд-ынь* «ты идешь (в данный момент)»

<i>пар-чад-ынь</i>	<i>пар-ч-ынь</i>
<i>пар-чыт-ынь</i>	<i>пар-т-ынь</i> (Егона)
<i>пар-тьад-ынь</i>	<i>пар-с-ыи</i> (Егона).
<i>пар-дьад-ынь</i>	

III *ол пар-чыт* «он идет (в данный момент)»

<i>пар-чат</i>	<i>пар-тыт</i>
<i>пар-дьат</i>	<i>пар-ыт.</i>
<i>пар-тыт</i>	

Множественное число

I *пис пар-чыд-ыбыс* «мы идем (в данный момент)»

<i>пар-чад-ыбыс</i>	<i>пар-дьат-ыбыс</i>
<i>пар-чыт-ыбыс</i>	<i>пар-ч-ыбыс</i>
<i>пар-тьад-ыбыс</i>	<i>пар-т-ыбыс</i> (Егона)

II *снер пар-чыд-ызар* «вы идете (в данный момент)»

<i>пар-чад-ызар</i>	<i>пар-ч-ызар</i>
<i>пар-чыт-ызар</i>	<i>пар-т-ызар</i> (Егона)
<i>пар-тьад-ызар</i>	<i>пар-сер</i> (Егона)
<i>пар-дьад-ызар</i>	

III *анар пар-чы-лар* «они идут (в данный момент)»

<i>пар-чад-ылар</i>	<i>пар-дьад-ылар</i>
<i>пар-тьад-ылар</i>	<i>пар-чыт</i>

Примеры: *тье, мен парчыдым анчыбакты Васька ла ундиригү «ну я пойду старика с Васькой приглашать в гости»; эзирин ле памда (<нарганында) олтарган ла черге уйтап ийчидим «когда я пьянею, и засыпаю на том месте, где сижу»; сен кайда чадып чадый? — мен Чылгайда чадып чыдым «ты где живешь? — я живу в Чылгае»; борсык, капа барып дьядынь? — каанынь алара барып дьядым! «барсук, куда ты идешь? — иду сватать дочь хана»; сүдүни садыр ал чат, сүдүни үйүини толугына көдөчке олто сал чыт «подонв молока, он ставит его в кринка» в угол комнаты своего дома»; бу кандыг кап чат чыт? «что это за мешок лежит?»; мында ырак эвее анчыбак тыат чат-деп айты «здесь недалеко один старик живет, — сказал он»; эми Санчы бойы баларнынт угредүчизи бол чыт «теперь и сам Санчи стал учителем детей»; киичуиничит, кижи үсчит «кошма растягивается, а человек растет»; тижийок куртыйачкусук шийир чит (шорлок) «беззубая старушка орехи щелкает (кашли)»; кыс сурап чат, Карамол айт чит «девушка спрашивает, а Карамол отвечает»; ангир үр чит «собака лает»; чаньмыр чаг чат «дождь идет»; кар качырап чыт «снег скрипит»; ол көрзө лө үч паштыг тылан келчит «вдруг видит он: ползет трехголовая змея»; бай-кулук бла тартыжып чыт «он борется с баями и кулаками»; саргайга барган кыстар сарынаш иван чат (нектер) «за сараикой ходившие девушки возвращаются с песнями (коровы)»; кандыг ла тыг-нине тыглек öзип дьат «ягоды растут везде»; эки бори тегриза көрүп үрүп дьат «два волка на небо смотрят и воют»; Кызыл-дереи ады удур айдып дьат «Кызыл-дереи его конь отвечает»; ол сага кырык айду ла баш койуп тыат*

«он тебе бьет челом сорока медведями»; кōзим чедит (чедип тьит), кол четпес «мои глаза видят, да руки не достают»; бугун чарык кун корчыдыбыс «сегодня мы видим светлый день»; бис озо барчыдыбыс «мы идем вперед»; бойы бойларыны коруш полбончилар «они не могут видеть друг друга»; анар бойларынын одуктирин суге уштеерге корыкпылар «они боятся намочить свои сапоги»; айуг мактап дьат—«ох,—келчилер, келчилер!» «медведь громко кричит—ох, идут, идут»; койлор бир черге чыгылышканыр, бирде черзе баралбыс чатчылар «овцы собрались в одно место, лежат и идти никуда не могут»; койонын эдини чип чыргал чадылар «едят они мясо зайца и радуются».

II. Группа форм прошедшего времени

I прошедшее определенное очевидное

Основа прошедшего определенного времени состоит из причастия на -ды/-ди, -ты/-ти, которое в современном языке выступает только в виде спрягаемой формы.

Положительная форма

Единственное число

- I мен пар-ды-м «я ходил»
- II сен пар-ды-нъ «ты ходил»
- III ол пар-ды «он ходил».

Множественное число

- I пис пар-ды-быс (//выс) «мы ходили»
- II снер пар-да-ар «вы ходили»
- III анар пар-ды-лар «они ходили».

Отрицательная форма

- I мен пар-ба-ды-м «я не ходил»
- II сен пар-ба-ды-нъ «ты не ходил»
- III ол пар-ба-ды «он не ходил».

Множественное число

- I пис пар-ба-ды-быс (//выс) «мы не ходили»
- II снер пар-ба-да-ар «вы не ходили»
- III анар пар-ба-ды-лар «они не ходили».

Примеры: олген катымы садып салдым «я продал умершую свою жену»; тенъери тьаарсырык кададым (тудек) «я воткнул жердь до неба (дым)»; снернинъ ухлеринъе барып келдим «я съездил к вам домой»; дьараш келлинерим кōбрер келдим «я приехал посмотреть своих красивых невесток»; уг айлытыра аргымча тартым (<тарттым) «я протянул вокруг дома веревку»; ээ, меень ачам, ирик экелдинъ «э, наш отец, ты Гнилушки принес»; чухтенъ качтынъ? «от кого ты убежал?»; сен, тълке жайтынъ, инды тьякшы неме тытинъ «ты, лиса, откуда ты такую хорошую пищу поела?»; мōрō барган черинден куру ньанды «волк же возвратился ни с чем, из того места, куда ходил»; анасы сурады кызыдынъ «мать спросила у дочери»; элик балазынынъ элли аназына берди «он отдал своей матери мясо козленка»; бир тагды ашты, бир сугды кешти «перевалил через гору, переправился через реку»; оол дьат калды, анар барыды (<барып ийди) «парень остался, а они ушли»; анъзонда уг за ньанкен баларына суран—анар ньанды ва ууге? балар айткан—ийак ньанбады—деп «затем он пришел домой и спрашивает у детей,—вернулась ли домой ваша мать?—Нет не вернулась,—отвечали дети»;

ичип, тып, ичегини кире берди (бычак) «попил, поел и в свою нору вошел (нож и ножи)»; тань чарыды, анъчы анъиыйырга барды «рассвело, охотник пошел охотиться»; айуг тьетпарды, апчыақтынь уйине кир парды «медведь дошел до дома старика и вошел к нему»; пир де ииме кижитили де тьоктаибады «никто человеческим голосом не разговаривал»; индих кижилер карчы бурулбады «такие люди обратно не вернулись»; бис шай иштибис, школго бардыбис «мы напились чаю и пошли в школу»; барып кордилер, кыс кӧлиништи «пошли посмотрели, девушка им понравилась»; ат сыртындын кылыш ла согужа бердилер «сидя на конях они стали драться мечами»; эки кун араа ичтилер «они жили араку два дня»; анъ сонъ уйиыбадылар оолочтыр «после этого мальчики не играли».

2. ПРОШЕДШЕЕ ОПРЕДЕЛЕННОЕ ЗАГЛАЗНОЕ ВРЕМЯ

Основа этого времени восходит к сложной глагольной форме, состоящей из деепричастия на *-ып/-ип/-п* основного глагола и вспомогательного глагола *тур*, т. е. образуется по схеме *-ып/-ип/-п+тур*.

Единственное число

- I мен пар-тыр-бын «я оказывается шел»
пар-тыр-ым
- II сен пар-тыр-зынь «ты оказывается шел»
пар-тыр-ынь
- III ол пар-тыр «он оказывается шел»

Множественное число

- I иие пар-тыр-быс «мы оказывается шли»
пар-тыр-ыс
- II снер пар-тыр-ар «вы оказывается шли»
- III анар пар-тыр-лар «они оказывается шли».

Прошедшее определенное заглазное время употребляется, главным образом, в третьем лице единственного и множественного числа. Формы первого и второго лица встречаются редко.

Примеры: Калак ла кан пулушерде, сускы ла суг пулушерде болган пултыр «это было давно, когда по ложкам кровь делили, когда по кувшинам воду делили»; бир каан дьаттыр, уч сол болтыр «жил, говорят, некий хан и было у него три сына»; тужеп парзам, кара байтал кара кылын салтыр-тийт, ала пайтал ала кылын салтыр-тийт «вижу во сне, что воронья кобылица родила вороного жеребенка, а пегая кобылица — пегого, — говорит он»; сталны чолго туруссалтыр «поставил он стол на дорогу»; барчан балар школго келтир «все ребята пришли в школу»; тайызына дьеде бартыр «доехал он до дяди»; карчочиктерин алаза, ул туньштерге кийинде салтыр «взял он горшки и надел их на пини»; андын ары үге кирзем, катым эр палазы торот алтыр — тийт «затем, когда я вошел в дом, моя жена оказывается родила сына, — сказал он»; бычакты алып, койлориниы бутарын бес кис салтыр «взял он ножи всем овцам обрезал ноги»; менинь карандажым болтурзынь, бисса баратар — деп айтты — мен сени олген болор, — деп санап, тириг ол болтурзынь — деп айтты «моим братом ты оказался, пойдем к нам, я думал ты уже умер, ты оказывается жив, — сказал он»; уч карандаш чатырлар «жили три брата».

3. ПРОШЕДШЕЕ ОПРЕДЕЛЕННОЕ ДАННОГО МОМЕНТА

Основа этого времени состоит из деепричастия прошедшего времени основного глагола и вспомогательного глагола *чат-* в форме прошедшего определенного времени, т. е. из *-ып/-ип/-п+чат+ты+аффиксы* лица.

Единственное число

- I мен пар-ып чат-ты-м «я ходил»
- II сен пар-ып чат-ты-нь «ты ходил»
- III ол пар-ып чат-ты «он ходил».

Множественное число

- I пис пар-ып чат-ты-быс «мы ходили»
- II сенер пар-ып чат-та-ар «вы ходили»
- III анар пар-ып чат-ты (-лар) «они ходили».

Примеры: дьенъизине туштап корип, углап дьатты «встретившись с тещей, он заплакал»; турайын дезем, теньериге тьедин барарым—деп турбайдым (<турбай тьадым <турбай дьаттым) (тьол) «хотел было и встать да подумал, что достигну неба и не встал (дорога)»; башка-башка дьер на барыптылар (<барып дьаттылар) «в разные стороны расходились».

с прошедшим неопределенное

В отличие от предыдущих трех форм глагола прошедшего времени прошедшее неопределенное время имеет другую основу — причастие на -ган/-ген, -кан/-кен. Форма неопределенного прошедшего времени, таким образом, состоит из -ган/-ген, -кан/-кен + аффиксы лица. Отрицательная форма прошедшего неопределенного времени образуется нормальным способом, т. е. либо путем присоединения к основе спрягаемого глагола аффикса -ба/-бе, -па/-пе; как правило, сочетание данного аффикса с аффиксом причастия -ган/-ген, -кан/-кен образует единый стяженный аффикс -бак/-бын/-биин (<-ба-ган), -бен/-бин/-биин (<-пе-ген), -пан/-пын/-пиин (<-па-ган), -пен/-пин/-пиин (<-пе-ген), либо путем сочетания причастия с отрицанием чок /дьок/тьок.

Положительная форма

Единственное число

- I мен пар-га-м «я ходил»
- II сен пар-га-нь, пар-ган-зын «ты ходил»
- III ол пар-ган — «он ходил».

Множественное число

- I пис пар-га-быс «мы ходили»
- II сенер пар-ган-зар, пар-ган-сиер, пар-гын зар «мы ходили»
- III анар пар-ган-[(л)ар] «они ходили».

Отрицательная форма

Единственное число

- I мен пар-ба-м, пар-бын-мын, пар-биин-мын «я не ходил»
- II сен пар-ба-нь, пар-бын-зын, пар-биин-зын «ты не ходил»
- III ол пар-баи, пар-бын, пар-биин «он не ходил»

Множественное число

- I пис пар-баи-быс, пар-бын-быс, пар-биин-бис «мы не ходили»
- II сиер пар-баи-зар, пар-бын-зар, пар-биин-зар «вы не ходили»
- III анар пар-баи [- (и)ар], пар-бын [- (и)ар], пар-биин [- (л)ар] «они не ходили».

Часто отрицательная форма образуется сочетанием отрицательного причастия на -ган/-ген основного глагола с причастием на -ган/-ген вспомогательного глагола сал-, напр., парбиин саан (<пар-ба-ган сал-ган) «не ходил, не пошел».

Наконец, отрицательная форма может быть образована также и посредством сочетания спрягаемого причастия с отрицанием чок /дьок/тьок, напр., парган чок «не ходил».

Единственное число

1-е лицо

Сен кана бар келдинъ? Мен городка барып келгем («кел-ген-им») «ты куда ездил? Я в город съездил»; алыг айтыр-суг кичиргим (кичир-ген-им) «через реку переправлял—сказал глупец»; кошке ай чыт-мында бир апчайакта тьаткам (тьат-кан-ым) — деп «кошка говорит—живу здесь у одного старика»; анда ачымнынъ аттыр бар, мен чагыр-уч ле ат кабам («кап-кан-ым») «там есть кони отца, я поймал только трех коней».

2-е лицо

Сен кайра айтпызын («айтпаган сын») «ты не ответил».

3-е лицо

Кыс ачасына письми ший ал келип, ийгебен («ийе берген») «девушка написала своему отцу письмо и отправила»; апчайак ол кошкозыны матап каккан «старик ту кошку очень сильно побил»; чараш сыныг адымы сышыска тартыш кычырган «коня своего с красным станом позвал, поиграв в дудку»; уч карындаштан экизи кижип алган «из трех братьев двое были женаты»; кевезаа кирген, кеведин чыккан, капкакка тийген «влез в печку, вылез из печки и задел за покрышку»; данъ ушуи колхоз ажи чакшы буткен «потому колхозный хлеб хорошо вырос»; кбдбкчи-лер крын-крын тыгыл калган, сүт тогул калган «кринки все повалили на бок, а молоко вылилось»; тьорив ок турган, тьорив ок турган, бир койон туштаан (туштаган) «ходил, ходил и встретился один заяц»; куртуйачы баланы бербин «старуха не дала ребенка»; марс айткан — море сен барарзын — деп, море барвини («бармаган»), айуг за айтты — айуг сен барарзын — деп, айуг барган «барс сказал — волк, ты пойдешь, волк не пошел, медведю сказал, — медведь, ты пойдешь, медведь пошел»; таныда кун шыкбан («шык-па-ган»), алтан чашту Ай-көк кыстын сурады «утром солнце не взошло, он спросил золотокудрую девушку Ай-көк, Карамол черинехта («черинен ок та») кыймыктанбаган («каймыктанбаган салган») «Карамол и с места своего не сдвинулся»; алыг карындажы кибе сыртына чаткан, бирде ме иштебен («иштебеген») «глухой брат лежал на печи и ничего не делал»; он алты чашты Ай-көк кыс аракы ичипи (ич-пеган) «шестнадцатилетняя девушка Ай-көк не пила араки»; аньзонда тындыан-тапынзан («таппаган салган») «затем он искал, искал, но не нашел»; анардын ит чиер кан артнап («артпаган») «от них не осталось крови, чтобы собаке поест»; мени дьектеен бойданъ мененъ артыкты танкан дьок «меня отвергнувший холостяк лучше меня никого не нашел»; кижининъ тавыжы да утылган дьок «не было слышно и человеческого голоса».

Множественное число

1-е лицо

Бис сени сүүге сал ийгебис («ий-ген-ибис») «мы тебя в воду бросили»; бурун кулга чүргенис («чүр-ген-ибис») «мы раньше жили в рабстве»; бис колхозко кирерге кат бергебис «мы подали заявление о вступлении в колхоз».

2-е лицо

Ал тайганы айлантыра тьүрген алдалар снер болгонзар, көрбестип снер көргонзар, укпасты снер укканзар «вы звери, которые кругом обошли темную тайгу, что нельзя было видеть—вы видели, чего нельзя было услышать — вы слышали».

3-е лицо

Уч кыс уу сыртындын качканыр, адазына «три девушки убежали из дома к своему отцу»; Карамол шабарда, беш карандаш билип барган

пар «когда Карамол ударил, пять братьев погибли»; ань зон парганар, ййичке туштапанар (<туштап парганлар) «затем они поехали и на пути им попала избушка»; Уч кыс кевеге от салганар, суг иджиткенеер «три девушки разожгли в печке огонь и вскипятили воду»; апшыяк ла куртыйак ишке барганыр «старик и старуха пошли на работу»; Дьелбеси дьедип келисинде даш ла шелгенир (<шелгендер) «Когда Делбеген стал их догонять, они бросили в него камнем»; ань зоонда кыстар бир сууны четкенеер «затем девушки достигли реки»; анар школго беш зонок келбинин саанар «они не ходили в школу пять суток»; эки карандаш кӱрүлүшпенеер (күрүлүшпегенлер) «Два брата не видят друг друга».

2. ПРОШЕДШЕЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ ДАННОГО МОМЕНТА

Образуется оно из деепричастия на -ып/-ип/-п основного глагола, формы причастия на -ган/-ген, кан/-кен, вспомогательного глагола чат-дъят-тъят- и аффиксов лица, т. е. по схеме -ып/-ип/-п + чат-/дъят-/тъят + кан + аффиксы лица, которая однако фонетически трансформировалась: чын + аффиксы лица. В современном кумандинском диалекте встречается главным образом форма 3-го лица, например, барчын (<барып чаткан) «он отправился (в тот момент)», айчын (<айтып чаткан) «он сказал (в тот момент)»; Машпарак дьаскыда кара сурчин (<суруп чаткан) «Машпарак весной пахал землю»; бис, алыг, катап ок бир де ми тпес, баз ок кибенниъ сыртына чатчын (<чатып чаткан) «мы, глухие, снова ничего не делали и опять лежали на печи»; бу кижилер тогус сугчынъ белтирине барчын (<барып чаткан) кижилер «эти люди держат путь на устье девяти рек»; ол ээс үг заа калыпчын (<калып чаткан) «он прыгнул на высокий дом»; Машпарақты тере кабын саа сугалчын (<сугуп алып чаткан) «он сунул Машпарака в кожаную сумку»; Машпарак пӱтибӱдӱтен шык ал чын (<шыгып алып чаткан), үге кир кел чын (<кирип келип чаткан) «Машпарак вышел из подполья и зашел в дом»; Машпарак каптын шыг ал чын (<шыгып алып чаткан) «Машпарак вылез из мешка»; Чилбен кирип келде (<келгенде), Машпарак айчын «когда Делбеген пришел, Машпарак сказал ему».

1. Повелительно-желательное наклонение

Повелительно-желательное наклонение представлено двумя парадигмами временных форм: а) настоящее-будущее повелительно-желательным временем и б) будущим желательным временем.

Глагольные формы повелительно-желательного наклонения имеют в своей основе три основные причастные формы: а) форму на-гай/-гей, которая лежит в основе первых двух лиц единственного и множественного числа настоящего-будущего повелительно-желательного и всех трех лиц единственного и множественного числа будущего желательного времени; б) форма на -ся/-се,-за/-зе, которая встречается факультативно для 2-го лица единственного и множественного числа настоящего-будущего повелительно-желательного времени, и в) формы на -сын/-син, -зын/-зин, которая используется для 3-го лица настоящего-будущего повелительно-желательного времени.

1. Настояще-будущее повелительно-желательное время

Единственное число

I мен пар-ай-ын «пойду-ка я»

пар-ай-ым
пар-ый-ын
пар-ын

пар-ым
пар-ам

- II сен пар «иди ты»
 пар-за-нь «пошел бы ты!»
 III ол пар-зын «пусть пойдет он!»

Множественное число

- I пис пар-ала «пойдемте-ка мы!»

пар-ак
 пар-ах

пар-ак-тар
 пар-ах-тыр

- II снер пар-аар «идите-ка вы!»

пар-лар
 пар-лыр

- III анар пар-зын «пусть пойдут они!»

пар-зынар

Кроме указанных выше простых форм повелительно-желательного наклонения, в кумандинском диалекте часто используются для этого наклонения соответствующие производные от тех же глаголов сложных формы возможности:

Единственное число

- I мен ал-ал-ын «возьму-ка я!»

ал-ал-ым
 ал-ал-ам

- II сен ал-ал «возьми!»

ал-ал-за-нь «взял бы ты!»

- III ол ал-ал-зын «пусть он возьмет!»

Множественное число

- I пис ал-ал-а «возьмем-ка мы!»

ал-ал-ак
 ал-ал-ах
 ал-ал-ак-тар
 ал-ал-ах-тыр

- II снер ал-ал-аар «возьмите-ка вы!»

ал-ал-лар
 ал-ал-лыр

- III анар ал-ал-зын «пусть они возьмут!»

ал-ал-зынар

Примеры:

Единственное число

1-е лицо

Эс тайга (<тайгаа) шыкалын, тени «взберусь-ка я на высокую гору»; мен бо ло шылыктынъ аразына кир калын «заберусь-ка я в эту чашу»; неге ськтайын «зачем я буду плакать?»; чүхтенъ качайын, чер кадында Карамолданъ кач турым «от кого же убежать мне, как не от подземного Карамола»; саска ускен тонъселек, пасын десем, сыны пош «на болоте выросшая кочка, наступил бы я на нее, да она слабая»; по куванданъ казыны алын десем, чалыйы «взял бы я девушку этого кумандинца, да она сварливая»; апчыяк санан тьят, пар одын кез алым деп «вздумал старик нарубить дров» (букв. «пойду-ка я нарублю дров—подумал старик»); ирек тоһни ийтём — деп, иденнебе, кулутыр «не надейся на то, что ты послал верблюда-самца, проклятый»; перигельсенъ, кызычак, кузүченъи (<кузичегинъи) кур алын «подошла бы ты сюда, девушка, посмотри бы я в твои глазки»; мен агашка чыгып тартыйын «полезу-ка я на дерево и потяну»; дье,—мборе айтты, — сен агашка, а мен эс тагга шык алын, тени «ну,—сказал волк,—ты лезь на

дереву, а я выберусь на эту высокую гору», од санан — тулгенинь терезини сойалым, садын кийим алаалым «он подумал — одеру-ка я с лисицукуру, да продам, и куплю-ка я себе одежду».

2-е лицо

апшйача куртыйачына айткан — ньан, тортпек эд ал теп «ее старик сказал старухе — возвращайся и испеки хлеб»; кӱсте келген кижини, тор ньанда бар «человек, пришедший в гости, иди на почетное место»; баланы бер! «отдай ребенка»; бар кел мень учун «сходи за меня»; менни де каптынъ ичине суг «и меня суи в мешок»; тье, тени, алты мӱстиг сыгын, маа айтып бер — бу кандыг кижилер «ну, марал с шестью рогами, скажи мне — что это за люди»; мага ай торго кунтыек апер — деп айткан «она сказала — привези мне шелковую рубашку цвета луны»; сень сатта бӱзӱни коол агаш бар, сен анъ кадынза кир кел «в твоём саду есть дуплистое дерево, ты в него войди»; сен бисти суге шилий, бистъа ат капаларга «ты и нас брось в воду, мы тоже коней поймаем»; тук малын бӱни четкенде анъна «на пушнину охоться во время», анда шулаңда ньаман атка муи ал «оседлай плохую лошадь, которая находится там, в чулане»; уренетен бӱдӱ урен «учись тогда, когда ты должен учиться»; чак, сен качып барсын кижини, пурун шан! «нет, ты, гонящийся человек, сначала ударь!»; ылаба! «не плачь», анънарнынъ балалу аназын бӱлторбе «не убивай самку зверя с детенышами»; бу дьере дьадып болбозынъ, бу кижилер ле кошо барзанъ «здесь, на этом месте ты не сможешь жить, поехал бы ты лучше с этими людьми»; менъ бажымы кӱрӱ берзенъ «посмотрел бы ты мою голову»; ул апшйак сав айтквар — мага пулажа перзенъ «тот старик сказал тебе — помоги бы ты мне»; черге туш кел уксанъ — деп, ат айтчыи «сошел бы ты на землю да послушал бы — сказал конь».

3-е лицо

Бурун тӱнде Петр келзин, экинчи тӱнде — Васька, учунчи тӱнде — Иван «пусть в первую ночь придет Петр, во вторую — Васька и в третью — Иван»; катап-катап эсен болзын — деп дьурты дьеринзари дьана берди «попрощался он несколько раз (букв. несколько раз будь здоров — сказав) и уехал к себе домой».

Множественное число

1-е лицо

Турала! «встанемте-ка мы!»; черен атка минеле, черебиске челерис «давайте-ка сядем на рыжих коней, да поедем к нам на родину»; кара кой — тьадак-тет, апач кой — парак, — тет (тьай гел тьит, каар гайыл дьит) «черная овца — полежим-ка — говорит, а белая овца — пойдем-ка — говорит (наступает лето, тает снег)»; пириси барак теп дьат, экинджиси тьадарга теп дьат. (суу, таи) «один из них пойдем — говорит, а второй лежать хочет (вода, камень)»; ак кас парак тийт, кара кас келек — тийт (часкы) «белый гусь — пойдем-ка — говорит, а черный гусь — придем-ка — говорит (весна)»; уч карындаштар айткан — че, парактар! «три брата сказали — ну, пойдемте-ка»; че, эме суугды пӱүлжектер «ну, теперь давайте воду лить».

2-е лицо

Кӱрӱске караар «изжарьте-ка курицу»; бир бутка базаар «идите в ногу»; алына тӱрген базаар! «идите быстро вперед!»; маа айдып берлер — бу кӱк тайганынъ ичине тьуг ме, бар? «скажите мне, что есть в этой синей тайге?»; бес кижилердин чыглар «всех людей соберите!»; ылабалар! «не плачьте!»; ну-ка пидрек, ух сары пуйлары парлар «а ну-ка, ведра, идите-ка сами к дому!»; снер ийде айтпалар, снер ийде айттыр «вы так не говорите, вы так скажите»; менъ шабышты кадарлар «подождите моего удара».

ть, эен болсынар! — деп апчыбак, айтты «ну, будьте здоровы — сказал старик»; аки пар адмынъ контон сал, учкен куш ла тень болзынъ «запряги две пары твоих лошадей — пусть они птицам подобно будут»

2. БУДУЩЕ ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Единственное число

- I мен пар-гай-ым // пар-ай-ым «ладно, пойду я»
 II сен пар-гай-ынь // пар-ай-ынь // пар-гай-сын «ладно пойдешь ты»
 III ол пар-гай «ладно, пусть пойдет он».

Множественное число

- I пис пар-гай-ыбыс «ладно, пусть пойдём мы»
 II снер пар-гай-ызар // пар-гай-зер «ладно, пусть пойдёте вы»
 III анар пар-гай (-лар) «ладно, пусть пойдут они».

Примеры:

Таран чаштым тал тоске, чаран шыккай пир чылга «я посеял просо около тальника, пусть хорошо вырастет за год»; ажар тагды ашкайнем, агар сугды кечкейнем — деп сананды «он подумал про себя, — гору, которую можно перейти — перейду ли; реку, которую можно переплыть — переплыву ли»; менинъ алтан бир чашжым чаран бекей (// бесни) бир чылга «моя невеста, которую я возьму себе в жены, пусть хорошо вырастет за год».

Условное наклонение

Формы условного наклонения в кумандинском диалекте характеризуются аффиксом -са/-се, -сы/-си, -за/-зе, -зы/-зи. В зависимости от контекста формы эти могут, кроме условного значения, иметь значение сказуемых придаточных уступительных и сослагательных.

Условная форма глагола в кумандинском диалекте может выступать также и в значении сказуемого придаточного времени.

1. Настояще-будущее условное время

Положительная форма

Единственное число

- I мен пар-за-м // пар-зы-м «если я пойду»
 II сен пар-за-нь // пар-зы-нь «если ты пойдешь»
 III ол пар-за // пар-зы «если он пойдет».

Множественное число

- I пис пар-за-быс // пар-зы-быс «если мы пойдём»
 II снер пар-за-(а)р «если вы пойдёте»
 III анар пар-за-(-лар) // пар-зы (-лар) «если они пойдут».

Отрицательная форма

Единственное число

- I мен пар-ба-за-м // пар-ба-зы-м «если я не пойду»
 II сен пар-ба-за-нь // пар-ба-зы-нь «если ты не пойдешь»
 III ол пар-ба-за // пар-ба-зы «если он не пойдет».

Множественное число

- I пис пар-ба-за-быс // пар-ба-зы-быс «если мы не пойдём»
 II снер пар-ба-за-(а)р «если вы не пойдёте»
 III анар пар-ба-за (-лар) // пар-ба-зы (-лар) «если они не пойдут».

Примеры:

1. В функции сказуемого придаточного условного предложения: барзам, барзам, талбас, талкын берзе чебес (шана) «если я еду, не устает, а если талкан дадут — не ест (лыжи)»; бо ёшти албазам, Кан-Кылыш адым джок болзын «если здесь не отомщу, пусть я не буду тогда называться Кан-Кылышем»; рактанъ коръзм — тьалвак таш «если издали я посмотрю — плоский камень», парзым, парзым чулмы чук, килвим, килзим чулым чук (кибе) «если уеду — нет следа и если приеду — нет следа (лодка)»; тье, база пий де ле айтсанъ, черде тепкели брысь! — деп ле зйтсанъ, сенъ ёрвенъ угар, — деп зйтты апчыйак «а вот так если скажешь, если скажешь ему — брысь! — и топнешь ногой — он выслушает твоё слово, — сказал старик»; сен кырык айу таап алзанъ, угреде анарарым «если ты найдешь сорок медведей, то тогда я отведу тебя»; мени салысенъ (< салып ийсенъ), мин сага чалыны пернерим (< перип ийерим) «если ты меня отпустишь, я тебе отработаю»; экин койонды сурүшсенъ, бирүзини де тудуп болболзынъ «за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»; үге кирзе комолый, үгдин чыкса төрт мууетиг (тоолик) «если войдет в дом — без рогов, а если выйдет из дома — то с четырьмя рогами (углы)»; дыакшы сананзы, сент алдынъа чыга салар, ньаман сананзы, подполе зе кадыр — деп айтты «если хорошо подумает, то выйдет к тебе, а если плохо подумает, то тогда прыгнет в подкляе», ат дыакшызы дыгылза, дьал дыастанып дыгылгай, ар дыакшызы дыгылза, ньенъ дыастана ол ар «если лучший из коней упадет, гриву подослав упадет, а если лучший из молодых упадет, то рукав подослав умрет»; суука кирзе муиъ тутам, такка шык-са бир тутам (чаш) «если в воду войдет — тысяча горстей, а если в тору поднимется — одна горсть (волосы)»; тье тене, — бу сугдынъ бажында кижы дьатса, такпай агар, суг ла кижы дьатпазы, агаштынъ, тазыл кординер — деп сананды «если в верховье этой реки живут люди, то тогда поплывут по реке щепки, а если не живут, то покажутся только корни деревьев — подумал он»; бар ийзе, чолы чок, кеснибизе, каны чок (кеве) «если пойдет — нет следа, если режет — нет крови (лодка)»; аспанар (< аспаганлар) болгон болзы, менинъ унум угуп келерлер — деп сананды «если не заблудились, то услышав мой голос, придут, — подумал он»; анар барзы барарым, анар барбазы барбазым «если они пойдут, то и я пойду, а если они не пойдут, то и я не пойду».

2. В функции сказуемого придаточного уступительного предложения: арыза аш тьибес, сусказа суг ичпес (чана) «хотя и устаёт, но пищи не ест, хотя и жаждает, а воды не пьет (лыжи)»; каран да болзо абам ачу, каран да болзо анам ачу «хотя и старого, а отца жалко, хотя и старую, а мать жалко».

3. В функции сказуемого придаточного предложения времени: кун за корзо, кун ач парчын «когда он посмотрел на солнце, то оно уже закатывалось»; үгге келип кир келзи, сүди төгулен полгон «входит он в комнату и видит, что молоко его опять пролито»; кире барза, эки кезер столда очор дьат «когда он вошел, за столом сидели два богатыря»; Карамол уйгын келзе, Ай-кок кыс чох «когда Карамол проснулся, девушки Ай-кок уже не было»; апчыйач тыгылийен (< тыгылып ийген), турагалзы, куртыйачы чок «старик упал, а когда поднялся, старухи уже не было»; маа дьаан дьаг келзи, кат ийзем, маа барып болыш эт «когда на меня придут с большой войной, я напишу тебе письмо, то приходи ко мне и помоги»; городтын ньан турза, беш тастракай туштап барган «когда он ехал из города, ему попались навстречу пять плешивцев-тастракаев»; ойдо ньанчынарды жүрзилер, бие алыг аттыг ойлыт келчин «когда они возвращались домой. Этот глупец навстречу мчался на лошади».

Общая схема спряжения глагола в кумандинском диалекте может быть представлена в следующей таблице:

I. Изъявительное наклонение

1. БУДУЩЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ

-ар/-ер/-р + аффиксы лица

-бас/бес, -нас/нес + аффиксы лица

2. НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕ ДЛИТЕЛЬНОЕ

-а/-е/-й+д (< -а/-е/-й+тур+ур) + аффиксы лица,

-ба-й/ -бе-й, -па-й/-пе-й + д (< -ба-й/бе-й, -па-й),

(-пе-й + тур-ур) + аффиксы лица.

3. НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕ ДАННОГО МОМЕНТА

(-ып/-ип/-п) + чат // чат + аффиксы лица (< -ып/-ип/-п

чат-ар/-ер/-р + аффиксы лица)

-биин/-пиин + чат // чыт + аффиксы лица (< -биин/-пиин

чат + -ар/-ер/-р + аффиксы лица).

4. ПРОШЕДШЕЕ ОПРЕДЕЛЕННОЕ

-ды/-ди, -ты/-ти + аффиксы лица.

-ба/-бе, -па/-пе + -ды/-ди, -ты/-ти + аффиксы лица.

5. ПРОШЕДШЕЕ ЗАГЛАЗНОЕ

-тыр + аффиксы лица (< -ып/-ип/-п + тур + аффиксы лица).

-биин /-пиин + тыр + аффиксы лица (< -ба-ган/па-ган + тур + аффиксы лица).

6. ПРОШЕДШЕЕ ОПРЕДЕЛЕННОЕ ДАННОГО МОМЕНТА

-ып/-ип/-п + чат + ты + аффиксы лица.

-биин/-пиин + чат+ты + аффиксы лица (< -ба-ган/па-ган + чат + ты + аффиксы лица).

7. ПРОШЕДШЕЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ

-га (и) /ге (и), -ка (и) /ке (и) + аффиксы лица.

-бан/-бен, -пан/-пен, -бын/-бин, -пын/-пин + аффиксы лица (+ ба/бе, па/пе+ган/ген + аффиксы лица).

8. ПРОШЕДШЕЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ ДАННОГО МОМЕНТА

чын (< -ып/-ип/-п + чат + кан) + аффиксы лица.

-биин/-пиин чын (< -ба-ган/-бе-ген, -па-ган/-пе-ген + чат + кан) + аффиксы лица.

II. Повелительное-желательное наклонение

1. НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕ ПОВЕЛИТЕЛЬНО-ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ

Единственное число

1-е лицо -ай/-ей/-ий + аффикс лица

2-е лицо -за/-зе, -са/-се + аффикс лица

3-е лицо -зын/-зин, -сын/-син.

Множественное число

1-е лицо -ала/еле, -ак/-ек, -ах/-ех, -ак-тар /-ек-тер, -ах-тыр /-ех-тир

2-е лицо -аар/-еер, -лар/-лер, -лыр/-лир

3-е лицо -зынар/-зинер, -сынар/-синер.

2. БУДУЩЕЕ ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ

- гай/-гей, -кай/-кей + аффиксы лица.
- ба/-бе, -па/-пе + -гай/-гей, -кай/-кей + аффиксы лица.

III. Условное наклонение

1. Настояще-будущее условное

- са/-се, -за/-зе, -сы/-си, -зы/-зи + аффиксы лица.
- ба/бе, -па/пе + -ва/-се, -за/-зе, -сы/-си, -зы/-зи + аффиксы

лица.

Таковы основные особенности спряжения глагола в кумандинском диалекте алтайского языка.

Е. И. ЧУИЖЕКОВА

ВЫРАЖЕНИЕ И ТИПЫ СКАЗУЕМОГО В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ СОВРЕМЕННОГО АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Грамматический строй алтайского языка привлек внимание русских ученых еще в середине прошлого века. В результате была издана научная «Грамматика алтайского языка» (Казань, 1869 г.). Грамматика эта создана трудом крупных ученых-тюркологов прошлой эпохи на высоком научно-теоретическом уровне. Ценность ее не снижается и в наши дни.

Однако, в этом труде синтаксис по традиции не ограничен от морфологии в самостоятельный раздел грамматики. Так, в «Отделении третьем» грамматики отмечается, что «подлежащим вообще бывает имя, сказуемым может быть или имя, или обстоятельство (т. е. местный падеж), или глагол», указывается место подлежащего и сказуемого в предложении и т. д. и тут же дается множественное число, падежи, деепричастие и пр., то есть синтаксические явления в строе языка рассматриваются параллельно с морфологическими.

В советское время специально занимались вопросами алтайского языка видные тюркологи Н. П. Дыренкова и Н. А. Баскаков. Н. П. Дыренковой создана фундаментальная нормативная «Грамматика ойротского языка»¹. В ее грамматике синтаксическому строю алтайского языка уделено необходимое внимание в особом разделе. В нем автор устанавливает выражение главных членов предложения, отношение второстепенных членов предложения к частям речи, дает четкую классификацию второстепенных членов.

В 1947 г. вышел в свет «Ойротско-русский словарь» (составленный Н. А. Баскаковым и Т. М. Тоцаковой) с «Очерком грамматики ойротского (алтайского) языка», написанным Н. А. Баскаковым². Очерк представляет собой сжатое описание фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики алтайского языка. Выход словаря с грамматическим очерком имеет важное научное и практическое значение.

Морфологические вопросы алтайского языка в имеющихся научных грамматиках разработаны более подробно, чем синтаксические. Поэтому насущной задачей времени является исследование вопросов синтаксиса алтайского языка. Из вопросов алтайского синтаксиса специальному изучению подвергалась лишь категория обстоятельства³.

Предлагаемая статья посвящена одной из важных неизученных синтаксических категорий — сказуемому. От всестороннего изучения особенностей алтайского сказуемого зависит трактовка типологии предложений в алтайском языке. Актуальность исследуемого вопроса диктуется практическими потребностями.

СКАЗУЕМОЕ

Главные члены составляют основное ядро предложения. Поэтому важно изучить свойства подлежащего и сказуемого в отдельности.

Сказуемое выполняет смысло-выразительную функцию подлежащего, от которого грамматически зависимо. Сказуемое концентрирует весь

смысл высказывания в предложении. И это свойство сказуемого является определяющим для выделения его как синтаксической категории. Внешними синтаксическими формами которой являются постпозиционное его положение по отношению к подлежащему, аффиксы сказуемости и интонационная окраска.

Роль сказуемого в предложении выполняют почти все знаменательные части речи. В советской тюркологии выделяются две большие группы (типы) сказуемых: глагольные и именные в зависимости от того, какая часть речи выступает в функции сказуемого.

Так, например, в группу глагольных сказуемых входят функционально-грамматические категории глагола в форме *verbum finitum*, в именную — именные части речи, как правило, без аффиксов сказуемости.

Глагольное сказуемое

Глагольное сказуемое характеризуется наличием грамматической категории лица, числа, залога и наклонения. Глагольное сказуемое обозначает действие или состояние предмета и явления, выступающего в качестве подлежащего.

Этот тип сказуемого включает в свою структуру два вида: простое и составное глагольное сказуемое.

Простое глагольное сказуемое обозначает действие или состояние подлежащего в плане прошлого, настоящего или будущего времени. Такое сказуемое выражается односоставным глаголом или так называемой «жончатальной формой глагола».

Составное глагольное сказуемое также обозначает действие или состояние предмета (выступающего подлежащим). Составное сказуемое образуется из сочетания деепричастной формы глагола со вспомогательным в форме одного из времен изъявительного (или желательного и т. д.) наклонения.

Простое глагольное сказуемое

Простое глагольное сказуемое выражается односоставным глаголом, который имеет самостоятельное лексическое значение и употребляется во всех залогах, лицах, числах, во всех временах изъявительного наклонения, а также может иметь форму повелительно-желательного, желательного-побудительного и условного наклонений.

Простое глагольное сказуемое в форме прошедшего категорического времени изъявительного наклонения обозначает действие, совершенное подлежащим: *мен городтон жангы бичиктер экедим* «я из города привез новые книги», *Копосовко идура чичке йүстү, каткак кижы көдүрилди* «навстречу Копосову поднялся коренастый человек с тонкими чертами лица», *йылу жайдын эрген турадагы серууни Кара-Сууда жаткан карган лесниктин айдына база жетти* «утренняя прохлада теплого лета также достигла дом старого лесника в Карасуке», *олор мынан кече атанды* «они вчера выехали отсюда», *Сапыр больницадан чыкканынан бери үч күн өтти* «прошло три дня с момента возвращения из больницы Сапыра», *бу журналды жангы ла библиотекадан алдым* «этот журнал я только что взял из библиотеки».

Сказуемые в форме прошедшего заглазного или неожиданного времени на *-ылтыр* передают действия, представляющие собой сведения, сообщенные посторонним лицам на основе собственных наблюдений или из чужих уст: *бу кемниң борүги, тангыраар ба?* «чья это шляпка, узнаете?», *Санабайдын шалапызы болуптыр*, — «оказывается, шляпа Санабая», *шокчыл мот төгөргө ла бочколар оодорго келиптир* «вредитель, оказывается, приходил вылить мед и разбить бочки».

Простое глагольное сказуемое в форме настоящего-будущего време-

ни на *-ар, -ер*, или на *-атан, -етен* обозначает действие, ожидаемое в будущем: *Аскар ли мен лётчикгердин школына кирерис* «Аскар и я поступим в летнюю школу», *сени јаан керепке талайчы эдил аларлар* «тебя возьмут матросом на большой корабль», *мындый јаман кўнде кийда баратан* «в такую плохую погоду куда ты пойдешь?»

Второстепенные члены, имеющие временное значение, позволяют установить начало действия подлежащего в будущем: *эртен комсомольский јуун откүрерис* «завтра проведем комсомольское собрание», *бир айдын бажында кышкы экзамен башталар* «через месяц начнутся зимние экзамены», *энирде кинога барбазым* «вечером в кино я не пойду».

Сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени на *-ат, -тыры*, обозначает действие подлежащего в момент речи: *Кайыр каскандарга курчаткам суу көрүнөт* «виднеется вода, окруженная крутыми, каменными склонами», *агаши кунукчыл шуулайт* «грустно шумит лес», *мындый кизыр шуурган суубейдим* «не люблю такой страшный бурани», *карда јаны таканын изи јадыры* «на снегу лежат следы от новых подков».

Простое глагольное сказуемое, выраженное формой повелительного-желательного наклонения и т. п., показывает субъективное отношение к действию какого-либо предмета или явления: *кайран Алтай, јакшы болзын!* «милый Алтай, до свидания!», *је, эзен болзын!* «ну, будьте здоровы!», *амыр артыгар!* «счастливо оставаться!», *албаты јон јакшы јатсын* «пусть народ живет хорошо», *Улу Октябрь, эзендик болзын!* «пусть здравствует Великий Октябрь!», *лозунгтарды мен бичийин* «напишу-ка и лозунги, я напишу лозунги», *мааланы бис көрдөлик* «поухаживаем-ка мы за огородом, мы поухаживаем за огородом».

Сказуемое во втором лице единственного или множественного числа повелительно-желательного наклонения выражает категорическое повеление к действию того лица, к которому обращена речь: *Бу кичимек кичичакка јурук жура* «этой маленькой девочке нарисуй рисунок», *стенгазетке темдекти слер бичигер* «в стенгазету напишите заметку вы».

Сказуемое, выраженное формой глагола желательного-побудительного наклонения на *-гай*, указывает на желание или намерение подлежащего к совершению того или иного действия: *утренникте үлгерди сен кычыргайдын* «ладно, на утреннике стихи ты прочитаешь», *бу билетте концертке слер баргайдыгар* «пусть по этому билету на концерт пойдете вы», *Тана олорло кожо экспедицияга баргай* «пусть Тана едет с ними в экспедицию», *Санай бу книганы кычыргай* «пусть Санай читает эту книгу».

Сказуемое, выраженное формой глагола условного наклонения в простом личном предложении, обозначает не условие, а просьбу или даже приказание: *ашилдин келген ашилчаларды аламыр — шикирле кўндүлөзегер* «прибывших гостей угощайте же сладостями», *Таадан сыйлаган сыйды алзан* «возьми же подарок (своего) дела».

Составные глагольные сказуемые

Составные глагольные сказуемые выражаются функциональными формами глагола и указывают на действие или состояние подлежащего в настоящем, будущем и прошедшем времени. Составные глагольные сказуемые по способу образования можно разделить на четыре вида или типа. Такое разделение сказуемых зависит от роли вспомогательных глаголов, которые выполняют функцию связок и вносят различные (видовые) оттенки в содержание предложения, указывая на начало или конец, на законченность или постоянство действия.

В составных глагольных сказуемых основной компонент (или присвязочная часть), несущий смысловую нагрузку сказуемого, может быть выражен формой дееспричастия на *-ыл*, и на *-а(у)*

1. Составные глагольные сказуемые, образованные посредством вспомогательных глаголов *јур* «ходить», *тур* «стоять», *отур* «сидеть», *јат* «лежать», указывают на длительность и постоянство действия: *карды буркенген јурт куйун откүре јук ле көрунип турат* «сквозь пургу едва виднеется поселок, занесенный снегом», *пионерлер карган эмегеннин айдылына јаантайып кирип јурет* «пионеры постоянно приходит в дом старой женщины», *Уйкузы чыкпагин Коля айдата чегенди јастыра калбактал отурды* «еще не совсем очнувшись ото сна, Коля черпал чегень мимо чашки».

В примерах составные глагольные сказуемые *көрүнип турат*, *кирип јурет*, *калбактал отурды* обозначают непрерывность действия и состояние подлежащего.

2. Составные глагольные сказуемые, образованные посредством вспомогательных глаголов *сал* «положить», *кал* «оставаться», *ид* «отправляться», *кон* «останавливаться», *сок* «бить», *код* «положить», обозначают мгновенность или законченность действия в одном из трех времен изъявительного наклонения. Основной компонент в них выступает в форме деепричастия на *-ыл* или на *-а*. *Арина цумчагынын бажын кату ала-кандарыла араай сыймап ийди* «Арина заглубившимися латонями нежно погладила голову сына», *Энези курсакты кайнадып салды* «мать его приговорила еду», *Салкын айылдын эжигин ача сокты* «ветер распахнул двери аила», *Эркечи талдардын ортолында көрүнбей калды* «Эркечи исчез в зарослях тальника», *Сапыр айылдан чыга конды* «Сапыр прыскачил из аила», *Алпай чараганды јорат јаар ыраак мергедеп ийди* «Алпай бросил харнуса на берег».

Из примеров видно что сказуемые, основной компонент которых выражен деепричастной формой на *-ыл*, в сочетании со вспомогательными глаголами-связками *салды ийди калды* указывают на законченность действия в прошлом. А сказуемые, выраженные сочетанием деепричастия на *-а* с глаголами-связками *сокты конды*, передают мгновенность действия.

3. Составные глагольные сказуемые, образованные посредством глаголов-связок *туш* «спускаться», *көр* «смотреть», *башта* «начать», *чык* «выходить», *божо* «кончать», выражают приступ к действию, а также внезапность или законченность действия. Основным компонентом в них выступает чаще всего деепричастия на *-ыл*. *Карамай адазынын мылтыгынак тамма адыл көрди* «Карамай из отцовского ружья пострелял в мишень», *Мен быыл үренип баштадым* «я в этом году начал учиться», *јааш јакы ла јаап божоды* «дождь только что прекратился», *паратанын алдынак меге идира киминек кара ийдичек үрүп чыкты* «из-под ворот мне навстречу залаяла маленькая черная собачка».

4. Составные глагольные сказуемые со вспомогательными глаголами *ал* «взять», *бер* «дать», *бар* «идти», *кел* «приходить» выражают действия, направленные на само действующее лицо, или указывают на направленные движения вообще. *адазынын айткан сөзи сагыжына кире берди* «он вспомнил слово отца», *Кайчы ичүкпай барды* «сказитель замолчал», *айылга Муйна кирип келди* «в аил вошел Муйна», *оттогы чойгон шуулай берди* «закипел чайник, стоящий на огне», *Синүш јакы саап экелген сүт-тег ичил алды* «Синюш напился свежего молока».

Именное сказуемое

Знаменательные части речи, как-то: имя существительное, имя числительное, имя прилагательное, местоимение, наречие, выступающие в функции сказуемого, составляют именное сказуемое.

Основное своеобразие синтаксической связи подлежащего и именного сказуемого в алтайском языке состоит в том, что сказуемое во всех 3 л. ед. ч. вообще не принимает аффиксов лица, а во множ. числе во всех

3 л. оформляются аффиксом множественности имен существительных. Именное сказуемое обладает своеобразными особенностями выражать признак, свойство, состояние, различные шумовые или образноподражательные проявления подлежащего.

В алтайском языке именное сказуемое по способу образования разделяется на 2 вида: 1) простое именное сказуемое (или именное сказуемое без связок), 2) составное именное сказуемое (или именное сказуемое со связкой).

Простое именное сказуемое

Выражение простого именного сказуемого в алтайском языке многообразно: а) имя существительное в исходной форме: *мен уредэчи* «учитель», *партияныг болушчызы* — комсомол «помощник партии» — комсомол»;

б) парное имя существительное в основном падеже: *Телекейде ырытын тозобдэи—амир-эичи* «Основна счастья на земле—мир», *Тер йстынде јадын-йүрүмнин жербен керечиси* — *ар-быткен* «Вечный свидетель жизни на земле — природа»;

в) имя существительное в косвенных падежах (направительный, творительный и исходный): *Ок* — *мылтыкка*, *блди* — *мага* «Пуля для ружья, трава для скота», *Кармак* — *балыкка*, *какпыш* — *кббшкб* «судочка для рыбы, хват для чугуна». Сказуемые в последних примерах обозначают назначение предмета;

г) *Кииктин кбзи кырда*, *кижинин кбзи кижиде* «У оленя глаза смотрят на гору, у человека — на человека», *Аш кылгада*, *бала кичиде* «Хлеб при исходе, ребенок в малолетстве (познается)». Сказуемые, выраженные существительными в местном падеже *кырда*, *кижиде*, *кылгада*, *кичиде*, обозначают состояние подлежащего.

В живой речи, особенно в поговорках и пословицах, для большей аккумуляции высказывания глагол-сказуемое иногда опускается, т. е. наблюдается явление эллипса: *Агын сууны салла* «Текущую реку (переплывают) с помощью плота», *Ас улус јблб* «Малочисленные люди (живут) с помощью согласия», *Киик тјгинен*, *кижи кылгынан* «Зверь (ценится) по (качеству) шерсти, человек (ценится) по поступкам». В этих примерах сказуемым выступают слова *салла*, *јблб*, *тјгинен*, *кылгынан*.

✓ Простое именное сказуемое, выраженное прилагательным, может обозначать разные признаки подлежащего. Такими сказуемыми выступают качественные и относительные прилагательные: *Тер-телекей јараш* «Мир красивый», *Эн јер эрикчил* «Необитаемая земля унылая», *Мактанчактын таманы јукачак* «у хвостуна подошва (опора) тонкая», *Кедер ат чанакка коомой* «упрямая лошадь в санях плохая», *Кедер кизи јонго коомой* «упрямый человек народу плохой».

В роли сказуемого выступают также прилагательные со значением интенсивности: *Кырадагы кинкузук сап-сары* «На полях подсолнечник желтый-желтый», *Быјыл тишкен кар кап-калым* «В этом году снег глубокий-глубокий».

Сказуемые (*сап-сары*, *кап-калым*), являющиеся интенсивными формами качественных прилагательных *сары*, *калым*, дают характеристику степени качества подлежащих.

✓ Сравнительная и превосходная формы прилагательных также могут быть средствами выражения простого именного сказуемого: *Менин наадайым јараштан јараш* «Моя кукла самая красивая», *Гуркиннин би јуругы эн јакшы* «Эта картина Гуркина самая удачная».

Относительные прилагательные также могут выступать в качестве сказуемого: *Чын сбс баалу* «правдивое слово дорогое», *Тымык таннын уйкузы тату* «Сон спокойного утра сладок».

Простое именное сказуемое может быть выражено количественным,

порядковым, собирательным числительным. В роли именного сказуемого чаще всего выступают количественные числительные: *Экспедицияга барган студенттер одус бешу* (кижи) «Студентов, уехавших в экспедицию, двадцать пять (человек)», *Уч катап уч толус* «Трижды три девять», *Мынага менинг айылым жетинчи* «Откуда мой дом седьмой», *Мен он тортуу* «Мне четырнадцать лет».

Именное сказуемое может быть выражено местоимением. В роли сказуемого, как правило, выступают личные, вопросительные, указательные, определительные, возвратные местоимения. Сказуемые этого вида выражают различные свойства подлежащего, а возвратное местоимение непосредственно подчеркивает лицо подлежащего: *Барнаулга тренерге барарга турган кижги мен* «Человек, который собирается ехать в Барнаул учиться, — я», *Энемди чеберлейтен кижги сен* «Человек, который должен беречь свою мать, — ты».

Местоимение *бу, ол* помимо обладания объектного значения при знаке, могут подчеркивать пространственный признак предмета: *Одо делегемиз бу* «И вот мое возвращение», *Аламын ол* «Так тебе надо, словни: взятие твоё — вот», *Тиген-ичкен ажым бу* «Вот моя еда».

Вопросительные местоимения в функции сказуемого служат для выяснения состояния подлежащего: *Адым кем?* «Как тебя зовут?», *Соблигиме?* «Из какого ты племени?».

Сказуемые, выраженные определенными местоимениями, подтверждают свойство подлежащего: *Эди кандым, мени андым* «Мясо каково, бульон таков».

Косвенные формы личных местоимений в положении простого именного сказуемого указывают на местонахождение подлежащего: *Луунга келген улус мында* «Люди, приехавшие на собрание здесь».

Именное сказуемое может быть выражено причастием которое спрягаясь, совпадает полностью с глагольными сказуемыми. Сказуемое, выраженное причастием на *-ган*, обозначает состояние подлежащего, что представляет результат действия, совершившегося в неопределённом прошлом: *Таскыда кыкырт тын кузиреген* «Весной гром сильно гремел», *Таштан сууным жарайды тын мрылган* «Дождь сильно смыл берег реки», *Турме беш кижги аргадагам* «Я спас двадцать пять человек», *Мени кем алдырткан?* «Кто меня вызывал?».

Сказуемое в форме причастия на *-атан* обозначает постоянное состояние подлежащего (в прошлом или в будущем): *Роман агчы ийдин коркышту суййтен* «Роман очень любил свою охотничью собаку», *Алан мезиле жаантайын Согонолу кырдын ары жанында Марчалуным ичимбе жайлагылайтан* «Алан с матерью всегда проводили лето в долине Марчалу, по ту сторону горы Согонолу».

Причастие на *-гай* в положении простого сказуемого выражает такое действие, которое содержит значение желания говорящего совершить это действие другим лицом или же самим: *Балтырганду кобыда бригадага баргайым* «Ладно, пойдешь в бригаду на ложбине Балтырганду», *Армичдан жанып келген кижги жер коргой* «Человек, недавно вернувшийся из армии, пусть же познакомится с местностью».

Сказуемое, в форме причастия на *-ар, -ер* *Баштактын пажы жарылар* (пословица) «У шалуна голова разбивается», *Кериш-согуш жакшыга баштабас* «Ссора к хорошему не приводит», *Делегаттар эртен январ* «Делегаты придут завтра».

Сказуемое, выраженное формой причастия на *-галак*, обозначает состояние подлежащего, не находившегося в каком-либо действии до настоящего времени: *Мен институтка киргелегим* «Я еще не поступил в институт», *Энемнен бичик алгалагым* «От мамы письмо пока не получала».

Сказуемое, выраженное формой причастия на *-ганча, -генче* передает действие, начавшееся в недавнем прошлом и продолжающееся в насто-

ищем времени: *Карабаш эмдиге ле газет жураганча* «Карабаш все еще оформляет (разрисовывает) газету», *Ол кичинек бала ылаганча* «Этот малыш все еще плачет», *Сен институтта үренгенчен бе?* «Ты все еще учишься в институте?».

Сказуемое из причастия на *-гадый* выражает способность субъекта к совершению какого-либо действия: *Мен бу керекти түрген бүдүргөдөй-дөй* «Это дело я могу выполнить быстро», *Андый солун кижги кайкаткандый* «Такая новость может удивить человека».

Наречия также выполняют функцию простого именного сказуемого. Это наречия образца действия, меры и степени, места, времени. Сказуемое в зависимости от разряда наречия может обозначать различные свойства подлежащего: *Сен узакка ба?* «Ты надолго?», *Фестиваль эртең* «Фестиваль завтра».

Наречия-сказуемое со значением количества и местонахождения: *Жер үстүндө амыр-энчи күүнзөгөн улус көп* «Людей, любящих мир, на земле много», *Ороонубыста бийик туулар көп* «В нашей стране высоких гор много», *Санай Маратович мында, городто* «Санай Маратович здесь, в городе», *Јаанам јаткан јурт тдмөн* «Поселок, где жила моя бабушка, внизу».

Сказуемое, выраженное словами *бар, јок, керек*

Слова *бар, јок* в функции сказуемого встречаются часто. Исторически данные слова представляют собой имя существительное.

Об этом свидетельствует и способность их принимать аффиксы падежей или быть определенным. Для подтверждения сказанного приведем следующие примеры: *Бардын бар* «У имеющего есть», *Јоктын јок* «У не имеющего нет». Примеры показывают, что слова *бар* и *јок* имеют формы падежей (как имя существительное).

Та бар немени айдат, та јок немени айдат «Говорит ли он о имеющейся вещи, говорит ли он о неимеющейся вещи», *Бистин управляющий бар кадрларды јакшы чеберлейт* «Наш управляющий хорошо бережет имеющиеся кадры». В этих примерах указанные слова выполняют функцию определения.

Слова *бар* и *јок* подтверждают наличие или отсутствие предмета или события, явления, о чем сообщается в предложении. Употребляются они без показателей сказуемости: *Көстөн јаш чыгаратан көп берчтер бар* «Есть много желез, увлажняющих глаза», *Көстин каразында судалар бар* «В зрачках глаз имеются нервы», *Эмдиги өйдө чума деп оору ороныста јок* «Теперь в нашей стране нет болезни чумы», *Айткан сөзүм кулагыным кырында да јок* «Слова мои прошли мимо его ушей».

Сказуемое может быть выражено также словами *керек, учурлу*: *Бистин школо математик керек* «Нашей школе математик нужен», *Менге ток керек* «Мне пальто нужно», *Айтканы учурлу* «Сказанное им правильно».

Составное именное сказуемое

Составное именное сказуемое включает в свою структуру связку и присвязочную часть. Это сказуемое выступает в двухсоставном предложении, где подлежащее и сказуемое налицо. Как и простое именное сказуемое, оно обозначает признак, свойство подлежащего.

Присвязочной частью этого типа сказуемого выступают имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, причастие, наречие, которые дают сказуемому смысловое значение. Каждое из имен может иметь при себе определение.

Функцию связок выполняют вспомогательные и окказионально-вспомогательные глаголы, которые используются в роли выразителя абстракт-

но-грамматического значения. В соответствии с этим можно выделить два вида составных именных сказуемых: 1) составные именные сказуемые со связками *бол-* и *э-*; 2) составные именные сказуемые со связками, выраженными окказионально-вспомогательными глаголами.

У Слово *бол* имеет самостоятельное лексическое значение «быть». Сочетаясь с присвязочной частью составного именного сказуемого, оно указывает на то или иное состояние подлежащего в плане прошлого, будущего или настоящего.

✓ Глагол *-э* в редких случаях сохраняет пока за собой самостоятельное лексическое значение *эди* «быть». Эти два вспомогательных глагола являются очень активными в образовании составных именных сказуемых.

✎ Составное именное сказуемое со связкой *бол* — в будущем времени: *Медицинский институт божоткон кийжинде Чейнеш агач болор* «Чейнеш после окончания медицинского института будет врачом», *Эркедей конструктор болор* «Эркедей будет конструктором».

Присвязочная часть сказуемого, выраженная существительным, может иметь при себе качественное определение: *Гимнастика эдип турган йренчик бйжу кижги болор* «Школьник, занимающийся гимнастикой, будет закаленным человеком», *Марат саналу инженер болор* «Марат будет умным инженером».

Связка *бол* может быть употреблена для обозначения предположительно-сомнительного или желательного сообщения о подлежащем: *Слер армияда командир болгон болбойызар?* «Вы в армии, наверное, были командиром?», *Слер он тогус йылда партизан болгон болбойызар?* «Вы в девятнадцатом году, наверное, были партизаном?», *Тана йчит тушында сйрен кожончы болгон болор* «Тана в юности, наверное, была хорошей певуньей».

✎ Связка от глагола *э* — в форме прошедшего времени в сочетании с именем существительным обозначает состояние подлежащего в настоящем времени. *Бу йуртта кем йредичи эди?* «Кто учитель в этом поселке?», *Бу йурттын йредичизи мен эдим* «Я учитель этого поселка», *Караны энези йй саачы эди* «Мать у Кара — доярка».

Сказуемые, выраженные прилагательными со связкой *бол-* в форме причастия настоящего-будущего времени на *-ар* и *-атан* констатируют постоянное качество или свойство подлежащего: *Тенериник бйги чанкыр болор* «Цвет неба бывает голубой», *кйнин чогы шй болор* «Луч солнца бывает горячий», *Сахардын аманты татц болотон* «Вкус сахара (всегда) сладкий».

Сказуемые, выраженные именем числительным количественным, порядковым и др. в сочетании со связками *бол-* или *э-* обозначают количественное свойство или порядковое состояние подлежащего: *Бйгин арифметикало алган темдегим беш эди* «Оценка, которую я получил сегодня по арифметике — пять», *Чаначылардын мбрбйинде мен йчинчи болгон* «На лыжных соревнованиях я был третьим (на третьем месте)».

Местоимение в сочетании со связками *бол-*, *э-* выполняет функцию составного именного сказуемого. В присвязочной части такого сказуемого могут стоять личные, вопросительные, определительные, возвратные, притяжательные, неопределенные местоимения: *Воскресникке чыкпаган кижги бойын эдинг* «Человек, не участвовавший на воскреснике, (ты) сам», *Чындап ончо керек андый болгон* «Правда, все дело было таким», *Мындый коркушту ичурал качан болгон* «Когда было такое страшное событие».

В функции присвязочной части составного сказуемого могут выступать и причастия: *Кйс сайын бис Коляла тайгала тушкйн теретен болгонмыс* «Каждую осень мы с Колей ездили в тайгу собирать тушкин», *Кышкы какикулда мен городтон деревнеге баратан эдим* «В зимние каникулы я обычно ездил из города в деревню», *Геологторго Санат йол баштаар балгон* «Дорогу геологам обещал (согласился) показать Са-

нат», *Јаан кижинин айткан сөзин угар болбой* «Может быть, он послушает слова взрослого человека», *Майты мени кожо андиарга алар болбой* «Майты, может быть, возьмет меня с собой на охоту», *Алан уякудан тургалак болгон* «Алан еще не встал было с постели», *Москвадан келген туристтер кече Алтын-Көлгө жеткелек болгон* «Туристы, приехавшие из Москвы, вчера было еще не прибыли на Телецкое озеро», *Тогузун жашту таадам амыр отурганча эди* «девяностолетний мой дед все еще жив(ет)», *Сен отургускан мөш жаранганча эди* «Кедр, посаженный тобой, прекрасно растет и сейчас», *Ол тушта мен шкодо үренгедий болгом* «В то время я мог учиться в школе», *Колхозчылардын жуунында бистин агроном керегинде сен бир канча мак сөс айтканды болгом* «На колхозном собрании о нашем агрономе ты мог сказать несколько поощрительных слов».

Второй вид составных сказуемых представляет собой сочетание с прочими вспомогательными глаголами, сохраняющими свое лексическое значение. В тюркологии их называют окказионально-вспомогательными глаголами: *Роман атка чалма салды* «Роман заарканил коня», *Озогы тушта алтай албаты байлардын сүрөөн кыйын көргөн* «Раньше алтайский народ сильно страдал от баяв», *амыр-энчи учун кагы ла кижиле кол салар* «За мир подпишется каждый человек».

Форма имени в сказуемых может зависеть от падежного управления глагола, который выступает в качестве вспомогательного. *Сыйдыным комсомолго кирди* «Сестра вступила в комсомол», *Ол жүзүн сүрөкөй тотко жидирген* «Он дал лицу сильно загореть», *Ибкөрүм түбекке түшти* «Мой друг попал в беду».

Подражательные слова в сочетании со связкой *э* также могут функционировать в качестве составного именного сказуемого. Такие сказуемые или выделяют световые, звуковые свойства подлежащего или оттеняют уподобление явлениям живой и неживой природы: *Јалкын јалт этти* «Блеснула молния», *Телевизордын алдында тым отур* «Тихо сиди перед телевизором».

Слово *эмес* вносит в содержание сказуемого полное отсутствие свойства или качества подлежащего: *Јеткерли кижиле нары эмес* «Опасный человек не друг», *Миркүт түлкүгө ибкөр эмес* «Беркут лисе не товарищ».

В заключении заметим:

1. В алтайском языке выделяются два типа сказуемых 1) глагольные, 2) именные.
2. Глагольные сказуемые подразделяются на виды: простые глагольные сказуемые и составные глагольные сказуемые, куда входят и сложные.
3. Простые глагольные сказуемые выражаются глаголами в форме изъявительного, повелительного, условного, повелительно-желательного, желательно-побудительного наклонений и во всех аспектах. Это основные выражения простых глагольных сказуемых. В составных глагольных сказуемых в роли присвязочной части (основного компонента) выступает главным образом деепричастные формы на *ып* или на *а*.
4. Именным сказуемым выступают все знаменательные части речи.
5. В составных именных сказуемых функцию связок выполняют глаголы *-бол* и *-э*.
6. Именные сказуемые без связок составляют простое именное сказуемое, со связкой — составное.
7. Имя существительное, прилагательное и др. в функции простого сказуемого не принимают аффиксов лица.
8. В качестве присвязочного элемента могут выступать и образно-подражательные и звукоподражательные слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

К статье В. П. Казмицевой «Деятельность партийной организации Горного Алтая по вовлечению женщин в общественную работу в годы восстановления народного хозяйства».

- 1 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 368.
- 2 Клара Цеткин. Заметки Ленина женщинам всего мира. М., Госполитиздат, 1966, стр. 44.
- 3 Е. М. Тошаклова. Общественное положение женщин у южных алтайцев. кандидатская диссертация, М., 1959, Государственная библиотека им. В. И. Ленина.
- 4 Парторг Горно-Алтайского Обкома КПСС (в дальнейшем ПАГАОК), ф. 1, оп. 1, д. 522, л. 66.
- 5 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 422.
- 6 М. Ф. Саруева. 40 лет советскому Горному Алтаю. Горно-Алтайск, 1957, стр. 104.
- 7 «Ойротский край». 8 октября 1924 г., № 24. Результаты переписи 1920 г., ПАГАОК ф. 1, оп. 1, д. 504, л. 2.
- 8 Партийный архив Алтайского крайкома КПСС (в дальнейшем ПААК), ф. 1, оп. 1, д. 148, л. 1.
- 9 ПААК ф. 2, оп. 1, д. 148, л. 5.
- 10 ПАГАОК, отчет женотдела ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 12.
- 11 ПАГАОК, отчет женотдела ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 43.
- 12 ПАГАОК, отчет женотдела ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 43.
- 13 ПАГАОК, протокол № 3 волостной женской конференции с Паспаул, ф. 1, оп. 1, д. 162, л. 15.
- 14 Е. М. Тошаклова. Женщина алтайка в советский период. Ученые записки ГАННИИЯЛ вып. 1 Горно-Алтайск, 1961, д. 5.
- 15 ПАГАОК, ф. 1, оп. 1, д. 162, л. 9.
- 16 Алтай в восстановительный период. Сборник документов. Барнаул, 1961, стр. 421.
- 17 Парторг Новосибирского обкома КПСС (в дальнейшем ПАНО), ф. 1, оп. 1, д. 1805, л. 3.
- 18 ПАГАОК ф. 1, оп. 1, д. 210, л. 20.
- 19 ПАНО ф. 1, оп. 1, д. 1785, л. 76.
- 20 Там же.
- 21 ПАГАОК, ф. 1, оп. 1, д. 506, л. 8.
- 22 ПАО, ф. 1, оп. 1, д. 1785, л. 60.
- 23 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1873, л. 26.
- 24 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1785, л. 64.
- 25 ПАГАОК ф. 1, оп. 1, д. 625, л. 2.
- 26 ПАГАОК, ф. 1, оп. 1, д. 732, л. 99.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 «Ойротский край» № 60, 20 сентября 1925 г.
- 30 ПАГАОК, ф. 1, оп. 1, д. 782, л. 90.
- 31 «Ойротский край» № 2, 9 января 1926 г., № 9, 21 января 1927 г.
- 32 ПАГАОК, ф. 1, оп. 1, д. 630, л. 108.
- 33 Там же.
- 34 Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 1235, оп. 105, д. 456, л. 326.
- 35 Там же.
- 36 ЦГАОР и СС, ф. 1235, оп. 105, св. 456, л. 326.
- 37 Газета «Ойротский край», № 17, 6 марта 1926 г.
- 38 ПАГАОК ф. 1, оп. 1, д. 732, л. 90.
- 39 ПАГАОК ф. 1, оп. 1, д. 732, л. 99.

К статье Д. И. Табаева «Из истории строительства Чуйского тракта».

- 1 В изложении дореволюционного состояния дороги использованы Историческая справка к Чуйскому тракту из архива Управления дороги Новосибирск-Бийск-Ташанта Горный Алтай и его население, т. 1, вып. 2-4, Барнаул, 1903, Л. С. Гурьевич. Пути сообщения и транспортные проблемы Ойротии. В кн. Ойротия. М.-Л. АН СССР, 1937, стр. 3-5.
- 2 Бийский госархив, ф. 139, оп. 1, св. 1, д. 20, л. 25.
- 3 Бийский госархив, ф. 139, оп. 1, св. 1, д. 6, л. 12.
- 4 Там же, л. 14.
- 5 Там же, л. 14.
- 6 Там же, л. 27.
- 7 Госархив Горно-Алтайской авт. области (ГАГААО), ф. 33, оп. 1, св. 1.
- 8 Там же, д. 1, л. 20.
- 9 Историческая справка к Чуйскому тракту из архива Управления дороги Новосибирск-Бийск-Ташанта, Л. С. Гурьевич. Пути сообщения и транспортные проблемы Ойротии, стр. 3.
- 10 ГАГААО, ф. 33, оп. 1, св. 9, д. 27, л. 33.

- 11 Бийский госархив, ф. 95, оп. 1, св. 1, д. 2, л. 31
- 12 Там же, д. 6, л. 15
- 13 Там же, д. 6, л. 20
- 14 Бийский госархив, ф. 139, оп. 1, св. 1, д. 8, л. 22
- 15 Воспоминания Р. Я. Солдатова, участника партии Пылина, записанные автором
- 16 ГАГААО, ф. 46, оп. 1, св. 1, д. 1, л. 20
- 17 ГАГААО, ф. 4, оп. 1, св. 1, д. 1, л. 13
- 18 ГАГААО, ф. 46, оп. 1, св. 2, д. 1, л. 7
- 19 ГАГААО, ф. 46, оп. 1, св. 2, д. 6, л. 50
- 20 Там же, л. 27—28
- 21 ГАГААО, ф. 46, оп. 1, св. 6, л. 45—47
- 22 ГАГААО, ф. 46, оп. 1, св. 3, д. 5, л. 27
- 23 ГАГААО, ф. 46, оп. 1, св. 2, д. 13, л. 42
- 24 ГАГААО, ф. 46, оп. 1, св. 3, д. 17, л. 28
- 25 Бийский госархив, «Тезисы к кампаниям трудоустройства населения в дорожном строительстве», ф. 139, оп. 1, д. 5, л. 2
- 26 ГАГААО, ф. 46, оп. 1, св. 4, д. 1—6, л. 5
- 27 Там же, св. 1, д. 9, л. 21
- 28 Там же, ф. 46, оп. 1, св. 1, д. 25, л. 15—16
- 29 ГАГААО, ф. 46, оп. 1, св. 6, л. 7, л. 11—12
- 30 Воспоминания старожилов Р. Я. Солдатова, М. И. Шебалина, которые продолжают трудиться до сих пор в Управлении дорожно-воспитания С. А. Цаплина, проживающего ныне в г. Москве. Воспоминания записаны автором и хранятся у него.

К статье Н. Д. Эйгори «К вопросу о реакционной роли духовенства и церковных организаций Горно-Алтайской области в годы массовой коллективизации»

- 1 В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 28
- 2 А. А. Долотов. Шаманская вера. М., 1930
- 3 В. Машенко. Алтай на пути к безбожию — «Антирелигиозник», 1931, № 1—2
- 4 Л. П. Поталов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948
- 5 П. Е. Тядьев. Реакционная сущность шаманизма и бурханизма. Горно-Алтайск, 1955
- 6 «Антирелигиозник», 1931, № 1—2, стр. 62, 64
- 7 Л. П. Поталов. Очерки по истории алтайцев. 2-е изд. М.-Л., АН СССР, 1953, стр. 348
- 8 «Антирелигиозник», 1931, № 4, стр. 31
- 9 Там же, стр. 72
- 10 Центральный Государственный архив Октябрьской революции, ф. 5263, оп. 1, д. 292, л. 3
- 11 Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 2, оп. 2—1, д. 2612, л. 265
- 12 А. Долотов. Указанная книга, стр. 77
- 13 П. Е. Тядьев. Реакционная сущность шаманизма и бурханизма. Горно-Алтайск, 1955, стр. 14
- 14 «Антирелигиозник», 1931, № 4, стр. 73
- 15 Л. П. Поталов. Очерк социалистического строительства у алтайцев в период коллективизации. Горно-Алтайск, областное книжное издательство, 1961, стр. 46—47
- 16 Там же, стр. 46—47
- 17 П. Е. Тядьев. Реакционная сущность шаманизма и бурханизма. Горно-Алтайск, 1955, стр. 15
- 18 Л. П. Поталов. Очерк социалистического строительства у алтайцев в период коллективизации. Горно-Алтайск, 1961, стр. 51
- 19 Л. П. Поталов. Очерк социалистического строительства у алтайцев в период коллективизации. Горно-Алтайск, 1961, стр. 51
- 20 П. Е. Тядьев. Указ соч., стр. 14
- 21 Л. П. Поталов. Указ соч., стр. 52, 53
- 22 П. Е. Тядьев. Указ соч., стр. 15
- 23 Резолюция IX областной партийной конференции Ойрот-Тура, 1934, стр. 18
- 24 П. Е. Тядьев. Указ соч., стр. 11
- 25 ПАНО, ф. 2, оп. 2—1, д. 2612, л. 256
- 26 ПАНО, ф. 3, оп. 3, д. 532, л. 100
- 27 «Антирелигиозник», 1931, № 4, стр. 71
- 28 А. Долотов. Шаманская вера. М., 1930, стр. 14, 77

К статье Ф. А. Стглаева «Изучение кумандинцев в историко-этнографической литературе»

- 1 Л. П. Поталов. Изучение алтайцев русскими учеными в дореволюционный период. Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института, выпуск II, Горно-Алтайское книжное издательство, 1958
- 2 Там же, стр. 5—6
- 3 Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, М.-Л., АН СССР, 1941, стр. 486—489
- 4 Отдельные сведения о кумандинцах встречаются в исторических актах, архивных документах XVII—XIX вв. Государственных архивов: Алтайского края, Томской

и в ЦГИАЛ, в чертежах-картах и пояснениях к ним, например, в Петрографической карте шлантера, составленной в 1804 г и т. д.

5 Гр. Славский. Телеуты или белые калмыки. Сибирский вестник, № 13; 16, 1821, Его же, Путешествие к алтайским калмыкам. Сибирский вестник № III—IV, 1823.

6 И. Гельмерсен. Телецкое озеро и телеуты восточного Алтая. — «Горный журнал», № 1—4, С.Петербург, 1840.

7 И. Гельмерсен. Телецкое озеро и телеуты восточного Алтая. «Горный журнал», № 2, 1840, стр. 248—249.

8 Там же.

9 Там же.

10 Там же, стр. 250.

11 Там же, стр. 249.

12 То же. Горный журнал, № 4, 1840, стр. 26.

13 Там же.

14 Там же, стр. 27—28.

15 А. Сергеев А. М. Горохов — этнограф алтайцев. «Алтайская правда» 11 декабря 1906.

16 Л. П. Потапов. Очерки истории алтайцев. М.-Л., АН СССР, 1953, стр. 33.

17 W. Radloff. Am Sibirien, Bd. I, II, Leipzig, 1893.

18 Там же, стр. 213, 362.

19 В. В. Радлов. Там же, стр. 211—212, 362.

20 Там же, стр. 362.

21 Там же, стр. 363.

22 Ученые Записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ, вып. II, Горно-Алтайск, 1958, стр. 3—23.

23 Н. М. Яндрицева. Алтай и его инородческое царство. — «Исторический вестник», том XX СПб. 1885. Начало оседлости. Литературный сборник, СПб, 1885, н. др.

24 Н. Б. Шерр. Из поездки к кумандинцам в 1898 году. Алтайский сборник, том V, Барнаул, 1903.

25 Н. Б. Шерр. Там же, стр. 102, 104.

26 Там же, стр. 100, 104.

27 См. подробнее общую характеристику и оценку автором дореволюционного периода в книге Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев», М.-Л., 1953, стр. 38, 40, 42.

28 Н. Богатырев. Об оредовом и зверовом промыслах кумандинских инородцев. Алтайский сборник, т. IX, Барнаул, 1908.

29 Н. Богатырев. Указ. соч., стр. 10.

30 Там же, стр. 17.

31 С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. Кумандинцы. Горный Алтай и его население, т. III, вып. IV, Барнаул, 1903.

32 Томские епархиальные ведомства, 1890, № в. 12, 19, 1903, № 16. Извлечения из писем миссионера протоиерея Стефана Ландышева. Сб. Памятник трудов православных благотворителей русских с 1799 до 1853 г., М., 1857, стр. 167—199. Душеполезные чтения, 1860 г. и др.

33 Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., АН СССР, 1953 г., стр. 42.

34 Л. П. Потапов. Изучение алтайцев русскими учеными в дореволюционный период, стр. 22. Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ, вып. II, Горно-Алтайск, 1958.

35 А. И. Ярдо. Алтай-Саянские тюрки. Абакан, 1947.

36 D. Zelenin. Ein erotischer Ritus in den Opferungen der altaischen Turken. JAE, Bd. XXIX, II, IV—VI, Leiden, 1928.

37 Л. П. Потапов. Этнографический очерк земледелия у алтайцев. Сибирский этнографический сборник, т. I, М.-Л., АН СССР, 1952, стр. 182.

38 А. И. Новиков. Работа среди кумандинцев. Осведомительный бюллетень, 1928, № 17—18.

39 А. И. Новиков. О способе выслеживания лесных пчел у алтайцев с помощью сомонца. «Этнограф-исследователь», 1928, № 2—3.

40 Н. П. Дыренкова. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков. Аванкулат. — «Советская этнография», 1937, № 4. Она же. Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев. — «Советская этнография», 1936, № 6. Она же. Охотничьи легенды кумандинцев. Сб. МАЭ АН СССР, т. XI, 1949. Она же. Кумандинские песни «такпак». «Советский фольклор», 1941, № 7.

41 Н. П. Дыренкова. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеутов. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, Л., Издательство Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926, стр. 247.

42 Л. П. Потапов. Пережитки родового строя у северных алтайцев. Л., Государственный музей этнографии, 1937.

43 Л. П. Потапов. Пережитки культа медведя у алтайских тюрков. «Этнограф-исследователь», 1928, № 2—3. Его же. Охотничьи обряды и поверья у алтайских тюрков.

«Культура и письменность Востока», Баку, 1929, кн. V, Лук и стрелы в шаманизме у алтайцев «Сов. этнография», 1934, № 3; Следы тотемистических представлений у алтайцев «Сов. этнография», 1935, № 4—5; Культ гор на Алтае «Сов. этнография», 1940, № 2; Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая, Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. 1, М.-Л., 1947; Die Schamanen-trommel bei den alttischen Völkerschaften, Budapest, 1963; Очерки по истории Шории, М.-Л., 1936.

44 Н. Ф. Прыткова. Типы верхней одежды народов Сибири. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. XV, М., 1952, стр. 22.

45 П. Н. Каралькин и Кумандинцы. Кр. сообщения Института этнографии, т. 18, М., 1953.

46 Н. А. Баскаков. Развитие и формирование алтайского языка и его диалектов. Сб. Алтайский язык, М., АН СССР, 1958; Его же. Фонетические особенности кумандинского диалекта. Ученые Записки ГАННИИЯЛ, вып. IV, 1961; Его же. Особенности словоизменения имен в кумандинском диалекте. Записки ГАННИИЯЛ, вып. VI, 1961, и др.

47. Алтай албатыны чумду сөстөрү, вып. II, Горно-Алтайск, 1962; вып. III, 1963.

48. Алтайские богатыри, т. IV, Горно-Алтайск, 1961.

49. В. П. Алексеев. Происхождение кумандинцев. Записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ, вып. VI, Горно-Алтайск, 1964.

К статье А. Уманского «Телеутская земляца» в XVII столетии.

1. Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства. СПб. 1750 и 1787 гг. Под этим названием был дважды издан на русском языке первый том «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера. Первый и второй тома этого труда были изданы на немецком языке в 1761 и 1763 гг. в серии Sammlung Russischer Geschichte; Н. Б. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774.

2. См. Г. П. Гельмерсен. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая. «Горный журнал», 1840, ч. I, кн. I и ч. II, кн. 4; Гр. Спасский. Телеуты и белые калмыки. «Сибирский вестник», ч. XIII и XIV, 1821; В. Радлов. Из Сибири. «Записки Русского Археологического общества», т. VII, 1895 (перевод с немецкого); С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. «Горный Алтай и его население», т. 1, Барнаул, 1900, и др.

3. Н. М. Яарницев. Об алтайцах и черкесах татарах. «Известия ИРГО», т. XVII, вып. IV, СПб., 1881; Г. Н. Потанин и П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Дополнения к III тому «Землеведения Азии» К. Риттера и т. IV Алтае-Саянская горная система. СПб., 1887, и др.

4. С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки и Ойротия. М.-Л., 1931; Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, М.-Л., АН СССР, 1953, и др.

5. Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Труды института этнографии им. Н. П. Миклухо-Маклая, новая серия, т. IV, М.-Л., 1960, главы XI и XII.

6. П. Е. Тадмоу. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. Сб. «Великие дружба. 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России», Горно-Алтайск, 1956.

7. ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. 29, л. 1—6, л. 32 и др. ААН, ф. 21, оп. 1, кн. 18, № 250 (л. 433—436), № 251 (л. 436—441 об.) и др.

8. В. К. Андриенко. Сибирь в XIX столетии (период от смерти императрицы Екатерины II до 1806 г.), ч. II, СПб., 1889, стр. 351.

9. Л. П. Потапов. Разложение родовой связи у племен северного Алтая. Оги. Гос. Соцкгаи, М.-Л., 1935, стр. 16 и др.

10. Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1, М.-Л., 1937, приложение «Карта Сибири XVI—XVII вв. (до 1618 г.)». Составила К. Н. Сербица.

11. Очерки по истории СССР. Период феодализма (конец XV — начало XVII вв.). М., 1955, приложение «Карта «Русские государство и его соседи во II-й половине XVI — нач. XVII вв. (до 1618 г.)» и карта «Народы Сибири в XVI—XVII вв. и при соединении Западной Сибири к Русскому государству в 1581—1618 гг.».

Кстати, у К. Н. Сербиной от Ямыш отстоит от Иртыша километрах в 50. На своем деле от реки его отделяло всего «спять поприще» (верст — А. У.) См. Описание Сибири «Сибирские летописи», СПб., 1907, стр. 180. Ошибку Н. А. Голубцова с оз. Ямыш повторил на своей карте и Б. О. Долгих. См. прим. 12.

12. Очерки по истории СССР. Период феодализма (XVII вв.). М., АН СССР, 1955, приложение — «Карта расселения народов Сибири в конце XVII в.» Составлена Б. О. Долгих.

13. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948 и М.-Л., 1953.

14. Б. О. Долгих. Ук. соч., приложение — «Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов Сибири в XVII в.».

15. Там же, стр. 115.

16. В XVII—XVIII вв. русские документы называют «тюрными калмыками» собственно калмыков, населявших Джунгарию, а «белыми калмыками» — алтайцев в целом, но чаще всего телеутов. Термин «калмык» изменялся в отношении алтайцев неправильно (См. об этом: Л. П. Потапов. Ук. соч., изд. 1953 г., стр. 9). Тем не менее, будучи связаны документами XVII в., мы вынуждены пользоваться этим этнонимом, употребляя его для обозначения телеутов.

17. Г. Ф. Миллер Ук. соч., т. I, прил. 55, стр. 412
 18. Там же, прил. 66, стр. 424—425, РИБ, т. II, № 85, стр. 199
 19. Г. Ф. Миллер Ук. соч., т. II, прил. 123, стр. 238—239
 20. Там же, т. I, прил. 92, стр. 449, т. II, прил. 227, стр. 320—321 и др. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 90, л. 108—108об.
 21. Г. Ф. Миллер Ук. соч., т. II, прил. 206, стр. 375
 22. Там же, прил. 304, стр. 395 и прил. 306, стр. 396
 23. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 90, л. 108—108 об.; кн. 18, № 182, л. 343 и др.
 24. ЦГАДА, ф. 214, стл. 49, л. 182 В этом документе сообщается о смерти князя Абака в 1635 г.
 25. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 3, л. 3об., кн. 18, № 36, л. 62 и др.
 26. ЦГАДА, ф. 214, стл. 252, л. 103
 27. Там же, ф. 214, стл. 252 л. 106, 107, стл. 377, л. 238—239, стл. 393, л. 21
 28. Там же, ф. 214, стл. 91, л. 98—99. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 231, л. 441
 29. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 270, л. 525
 30. Там же, л. 525
 31. ЦГАДА, ф. 214, стл. 446, ч. I, л. 214 и др. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 17, л. 25 об., № 21, л. 34об., и др.
 32. ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658, д. № 1, л. 264—266 и др. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 41, л. 75 об., кн. 18, № 15, л. 20 и др.
 33. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 270, л. 527, кн. 18, № 4, л. 5 об.
 34. ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1657, д. № 1, л. 1 и др. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 27, л. 47 об.—48
 35. ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658, д. № 2, л. 32
 36. ЦГАДА, ф. 214, стл. 646, л. 94 и др.
 37. ЦГАДА, ф. 214, стл. 621, ч. I, л. 323—324 и др.
 38. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 96, л. 167об.—168об.
 39. Дополнения к АН, т. VIII, стр. 155—156
 40. Там же, т. VII, № 72, V, стр. 339
 41. ЦГАДА, стл. кн., л. 347, 356—359, 386—390 и др.
 42. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 129, л. 215—217 об., № 131, л. 217 и др.
 43. Дополнения к АН, т. VII, № 72, V, стр. 340
 44. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 202, л. 370—371 об.
 45. ЦГАДА, ф. 214, стл. 1071, ч. III, л. 22
 46. ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, л. 29, л. 5, ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 250, л. 433—436 и др.
 47. ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, л. 32, л. 13, ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 443—443 об.
 48. ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, л. 32, л. 3, ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 437—437 об.
 49. Г. Ф. Миллер Ук. соч., т. II, прил. 409, стр. 486—489, ЦГАДА, ф. 214, стл. 446, ч. I, л. 215
 50. Д. Кузнецов. По поводу издания «Сборной книги явску 1692 года» «Томские губернские ведомости», № 24, 1864
 51. ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, ед. хр. № 1008, л. 19 об., — 20, 20 об. и др.
 52. Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 2, СПб., 1885, № 104, стр. 434—435
 53. ААКМ, ф. 1, оп. 1, папка № 11, л. 46. В этой папке хранится копия статьи неизвестного автора, подписавшегося инициалами «О П». Статья называется «Описание присоединения к Российским владениям южной части Западной Сибири». Статья была опубликована родственником «О П» в «Томских губернских ведомостях» за 1859 год (№ 2, 3, 5, 12, 13, 19, 20, 24)
 54. ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. № 8, л. 23 об. См. в этом же фонде, д. № 7, л. 47.
 55. ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. № 7, л. 42 об.; д. № 8, лл. 11—11 об.
 56. Б. О. Долгих Ук. соч., стр. 113. а также «Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в.» — на вклейке в конце книги
 57. История Тувы, т. I, Кызыл, 1964, стр. 209
 58. Дополнения к АН, т. VII, № 72, V, стр. 339
 59. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 90, л. 108 об.
 60. ЦГАДА, ф. 126, оп. 1, 1658, д. № 2, л. 32
 61. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 202, лл. 371—371 об.
 62. ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, л. 2691, л. 15 об.
 63. РИБ, т. VIII, I.XXXII, стр. 471—479
 64. Там же
 65. См. карту «Алтайский край», 1966
 66. ЦГАДА, ф. 214, стл. 31, л. 632 и др.
 67. Дополнения к АН, т. VII, № 72, V, стр. 339
 68. ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, д. № 32, л. 2, ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 251, л. 437—437 об.
 69. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 167, л. 311, ЦГАДА, ф. 214, стл. 1071, ч. III, л. 22
 70. Г. Ф. Миллер Ук. соч., т. II, прил. 409, стр. 486—489
 71. См. напр.: А. Титов. Сибирь в XVII в., М., 1890, стр. 50 и др.
 72. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 17, № 16, л. 24 об., № 18, л. 29 и др.

73. ЦГАДА, ф. 214, стл. 1071, ч. I, л. 171 и др.
74. Обзор литературы по этому вопросу см. А. И. Андреев. Очерки по истории конедению Сибири, вып. 2, М. Л., 1960, стр. 19—149.
75. Там же, стр. 28—35.
76. На чертеже 1633 г. могли быть учтены сведения о местонахождении устья Чумаша, где в 1632 г. побывал Ф. Пушкин. Данные о Бии и Телецком озере, которые в 1633 г. достиг П. Сабанский, проверивший слухи об истоках Бии, выходящих, так как чертеж был закончен в начале 1633 г. (А. И. Андреев, Ук. соч., 1949, стр. 31, прим. 42).
77. П. И. Годунов, именем которого иногда называют чертеж, не был автором его (А. И. Андреев, Ук. соч., 1949, стр. 36).
78. А. И. Андреев, Ук. соч., фотокопии чертежа 1667 г. на вклейке стр. 40—41.
79. На копиях чертежа 1667, выполненной Приютом (см. А. Титов, Ук. соч. вклейку в конце книги) и найденной Л. С. Багровым (см. атлас «Карты Азиатской России», II гр., 1914), границы областей нанесены сплошными линиями, на копии, обнаруженной А. И. Андреевым — пунктиром.
80. И. Фишер, Ук. соч., стр. 5.
81. ЦГАДА, ф. 214, стл. 623, ч. II, л. 412—432аб.
82. Там же, ф. 199, портф. 478, ч. III, л. № 29, л. 3, 4. ф. 214, стл. 623, ч. I, 323—324 и др.
83. ЦГАДА, ф. 214, стл. 623, ч. I, л. 93—95, 179—182, 189—190 и др.
84. Исключение составляет лишь «самоиды», область обитания ее тоже ограничена пунктиром.
- Характеристика чертежа 1667 г. (А. И. Андреев, Ук. соч., изд. 1960, стр. 159) как чисто служебного документа нам представляется слишком узкой.
85. См. прим. 61, на стр. 128.
86. См. прим. 16 и 57, на стр. 128.
87. ЦГАДА, ф. 214, стл. 623, ч. II, л. 651—653, И. Фишер, Ук. соч., стр. 414—415.
88. Этой же мысли придерживается Б. О. Долгих (Ук. соч., стр. 115).
89. А. И. Андреев, Ук. соч., стр. 31.
90. А. И. Андреев, Ук. соч., изд. 1960 г., фотопрепродукция чертежа 1673 года на вклейке между стр. 40 и 41. Анализируя чертеж 1673 г., В. И. Греков приходит к выводу, что западная часть его (Западная Сибирь) составлена на основании данных из чертежей нач. XVII в. (См. В. И. Греков, О чертеже всей Сибири до Китайского царства и до Никанского, «Известия АН, СССР», серия географическая, 1959, № 2, стр. 80—88.)
91. А. И. Андреев, Ук. соч., изд. 1960 г., фотопрепродукция чертежа Н. Спафария на вклейке между стр. 56 и 57 (лицевая сторона вклейки).
92. Там же, фотопрепродукция чертежа 1684—85 гг. на вклейке между стр. 56 и 57 (оборотная сторона).
93. А. И. Андреев, Ук. соч., изд. 1940 г., карта А. Виниуса.
94. А. И. Андреев, Ук. соч., изд. 1960 г., стр. 58—59.
95. Там же, стр. 85—86 и др.
96. Подробнее об этом см. А. И. Андреев, Ук. соч., изд. 1960 г., гл. II, стр. 96—150.
- Эрмитажное собрание чертежей С. У. Ремезова и его сыновей найдено А. И. Андреевым в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, где оно хранится в рукописном отделе под № 237. Эта рукопись — «Служебная чертежная книга Сибири» — по мнению А. И. Андреева, содержит подлинные чертежи С. У. Ремезова и его авторские копии ряда чертежей, приложенных из разных городов Сибири.
- Румянцевское собрание, состоящее из копий с надписями на голландском языке, издано в Санкт-Петербурге в 1882 г. под названием «Чертежная книга Сибири 1701 г.»
- Собрание Воронцовых-Дашковых, так называемая «Хорографическая книга С. У. Ремезова» издана в 1858 г. в Гааге под названием: The Atlas of Siberia by Semen U. Remezov, Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow, 1958, S — Gravhage Supplement I, Imago mundi.
97. А. И. Андреев, Ук. соч., стр. 190, прим. 13.
98. Там же, стр. 190.
99. А. И. Андреев, Ук. соч., стр. 35.
100. «Чертежная книга Сибири 1701 г.», СПб., 1882, л. 21 — «Чертеж всех сибирских градов и земель».
101. Собственно «карагайцы» — не этноним, а территориальное название. На чертеже оно, по-видимому, обозначает все племена Горного Алтая, живущие к востоку от оз. Алтын. Слово «карагайцы» происходит от «карагай», что означает в переводе на русский — «сосна», «сосновый лес», т. е. лес.
102. Чертежная книга Сибири 1701 г., л. 23 — «Чертеж сходство и наличие земель всей Сибири Тобольского города и всех розных градов и жилищ и степи».
103. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 202, л. 371—371 об и др.
104. См. напр.: «Чертежная книга Сибири 1701 г.», л. 13.
105. Эрмитажное собрание Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукопись № 237 («Служебная чертежная книга» С. У. Ремезова), л. 83.
106. «Чертежная книга Сибири 1701 г.», л. 13. («Чертеж земли Томского города»)
107. Л. С. Багров, Ук. соч., л. 128 — чертеж не имеет названия. На нем не на

несен весь бассейн р. Томь, р. Ирмень перенутана с Обью (и Ирмень впадает слева рр. Воронауд, Касмели, Алий, Шараша, т. е. Чарыш, а потому «белые калмыки» кочуют на левом берегу Ирмени вместо Оби и др.)

Заключенный чертеж см. на л. 168 — «Грани Томского города с уездами».

108 И. В. Кузнецов-Красноирский Приходная, окладная исачная книги Томского уезда 1708—1718 гг., Томск, 1893, приложение «Карта исачных волостей Томского уезда конца XVII столетия».

109 Количество дней пути не совсем ясно, на чертеже Томского города и «Чертежной книге 1701 г.», как будто, «неделя», в атласе Л. С. Багрова — «8 дней» (Л. С. Багров Ук. соч., л. 128). Только (в том же атласе) на законченном чертеже «Грани Томского города с уездами» (л. 168) видно более определенно «1 неделя».

110. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 18, № 202, лл. 371—371 об.

111. Там же, л. 371 об.

112. См. в Эриштажном собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукопись № 237 — «Служебная чертежная книга» С. У. Ремезова, лл. 81 об.—82, в «Чертежной книге Сибири 1701 г.» (был Руминцевское собрание), л. 14 — «Чертеж земли Кузнецкого уезда»; в атласе Л. С. Багрова (собрание Воронцовых-Дашковых), л. 168 об. — «Чертеж грани Кузнецкого города с уездами».

113. Г. а. л. 14 в «Чертежной книге 1701 г.» р. Бия называется и Бис и Обью, в то же время у места слияния ее с Катунью есть текст «отсель Обь».

114. На чертеже Кузнецкого уезда из «Чертежной книги 1701 г.» (л. 14) дороги к устью Бии и Катунь и к Телецкому озеру не обозначены.

115. Б. О. Долгих Ук. соч., стр. 112 и прим. 12 на этой стр.

116. На чертеже в атласе Л. С. Багрова — телеутов между Уенью и Бердыю нет.

117. Б. О. Долгих Ук. соч., стр. 113.

118. Рецензия Г. Н. Потанина на «Чертежную книгу Сибири 1701 г.» опубликована в журнале Министерства народного просвещения, ч. 227, 1883, июнь, стр. 315 и сл.

119. Там же.

120. Б. О. Долгих Ук. соч., стр. 107. Здесь приводится мнение о том, что Мачик мог быть в главной части керасагалов.

121. В документе, датированном 26 IX — 1688 г., сообщается «А ныне де тем Бачикомы (Мачикомы — А. У.) руском владет сын сво Бачиком Чалдайко» (т. с. Шаляй — А. У.) — ЦГАДА, ф. 214, стол. 1071, ч. III, л. 22.

122. А. Н. Андреев Ук. соч., стр. 98, 108, 185 и др. и изд. 1960 г.

123. ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, ед. хр. 1961, л. 24—24 об.

124. ЦГАДА, ф. 199, портф. 478, ч. III, л. № 29, л. 1—6, л. № 32, л. 2 и др. Кстати, документы, приведенные в прим. 123 и 124, говорят о том, что во главе одного из телецких княжеств — улусов после смерти Табуна встал Шал, а не Байгоров, как, например, думает Б. О. Долгих (Ук. соч., стр. 113—114, и др.)

125. В Эриштажном собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукопись № 237 («Служебная чертежная книга» С. У. Ремезова), л. 51 об., в «Чертежной книге Сибири 1701 г.», СПб., 1882, л. 23, в атласе Л. С. Багрова, л. 129.

126. На л. 51 об. «Служебной чертежной книги» (рукопись № 237) там телеуты помечены выше р. Наймы, «комджин» — на р. Найме. На этом чертеже названия племен начертаны несколько по иному: «шарамунуты», «караскальмыкы», «стеленгуты», а вместо «карабитцев» — «карагайцы». С нижней точки зрения, это более правильные редакции.

127. А. Н. Андреев Ук. соч., изд. 1960, стр. 30—31 и прим. 42 на стр. 31.

128. То есть 7176 г. «от сотворения мира» или 1667 г. от Р. Х.

129. А. Н. Андреев Ук. соч., изд. 1960 г., стр. 40 и др. Подлинник опубликован Э. А. Гольденбергом в ст. «Подлинная родпись чертежа Сибири 1667 г.» Труды Института естествознания и техники, серия «История геологических наук», вып. 3, М., 1962, стр. 252—271. Автор установил полное тождество подлинника и копии, опубликованной А. Гудовичем.

130. Там же, стр. 39; А. Титов Сибири в XVII в. М., 1890.

131. А. Титов Ук. соч., стр. 36.

132. Там же, стр. 50.

133. Там же, стр. 50.

134. Там же, стр. 50.

135. «Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Иерчиска и грании Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.» Записки Русского Географического общества по отделению Этнографии, т. X, в. 1, СПб., 1882, стр. 69—70.

136. «Путешествие...» стр. 69.

137. Там же, стр. 69.

138. Описание Сибири Сибирские летописи, изд. Археологической комиссией, СПб., 1907.

139. Описание Сибири, стр. 384.

140. Там же.

141. Там же, стр. 383.

142. Там же, стр. 383.

143. «Чертеж всех сибирских градов и земель». Карты Азиатской России, Игр., 1914.

144. Б. О. Долгих. Ук. соч., стр. 112, прим. 12.
 145. П. Е. Тадисси. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства. Записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ, вып. 5. Горно-Алтайск, 1964, стр. 3—16, см. табл. на стр. 5.
 146. Б. О. Долгих. Ук. соч., стр. 114.
 147. А. Н. Андреев. Ук. соч., изд. 1900 г., стр. 19.
 148. «Путешествие Спафария», стр. 69.
 149. Описание Сибири, стр. 383.
 150. Там же, стр. 383.
 151. Там же, стр. 383.
 152. Л. П. Потапов. Ук. соч., стр. III и др.

К статье Н. С. Модорова «Из истории русско-алтайских посольских связей в 40—90 годах XVII века».

1. Л. П. Потапов. Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1953. Там же. Очерк по истории алтайцев. М.-Л., АН СССР, 1955.

2. С. А. Токарев. Докл. капиталистические перемены в Ойротии. Л. Социально-экономический отдел, 1956.

3. П. Е. Тадисси. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. П. «Ближняя дружба» Горно-Алтайск, 1956.

4. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 214, стб. 252, л. 125.

5. ЦГАДА, ф. 214, стб. 252, л. 127—128.

6. Там же, л. 128.

7. Там же, л. 129.

8. ЦГАДА, ф. 214, стб. 252, л. 10.

9. Там же, л. 11.

10. ЦГАДА, ф. 214, стб. 252, л. 11—12.

11. Там же, л. 17.

12. Там же, л. 17—19.

13. Там же, л. 20.

14. ЦГАДА, ф. 214, стб. 252, л. 5—6.

15. Там же, л. 6—7.

16. Там же, л. 6.

17. ЦГАДА, ф. 214, стб. 393, л. № 41.

18. Там же, л. 95.

19. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., АН СССР, 1954, стр. 177.

20. W. Radloff. Aus Sibirien Bd. I, Leipzig, 1893, s. 179.

21. ЦГАДА, ф. 214, стб. 446, л. 197—200.

22. W. Radloff. Указ. соч. S. 179.

23. ЦГАДА, ф. 216, стб. 1567, л. 241.

24. Там же, л. 244—245.

25. Там же, л. 247.

26. Там же, л. 250.

27. ЦГАДА, ф. 214, стб. 1567, л. 251.

28. Там же, л. 256.

29. Там же, л. 256—261.

30. Там же, л. 262.

31. ЦГАДА, ф. 214, стб. 1567, л. 265—266.

32. Там же, л. 266.

33. Там же, л. 266.

34. Н. Я. Златкин. История Джунгарского ханства. М., АН СССР, 1964, стр. 2.

35. Там же, стр. 210.

36. ЦГАДА, ф. 214, стб. 1567, л. 267.

37. Там же, л. 268.

38. ЦГАДА, ф. 517, оп. 1, ч. 1, л. 746, л. 61.

39. Там же, л. 61.

40. Н. Я. Златкин. Указ. соч., стр. 215, 220.

41. Там же, стр. 229—230.

42. Государственный исторический музей, отдел иностранных исторических документов.

С. К. Кушечкова, оп. 1, д. 30, л. 9—10.

43. ЦГАДА, ф. 199, Портфель № 478, ч. III, л. 12, л. 1.

44. ЦГАДА, ф. 199, Портфель № 478, ч. III, л. 12, л. 2.

45. Там же, л. 2—3.

46. Там же, л. 1—2.

47. Там же, л. 32, л. 1—3.

48. Там же, л. 32, л. 6.

49. Там же, л. 6.

50. Там же, л. 9.

51. Там же, л. 9—13.

К статье З. С. Казангачевой «На пути к реализму»

1. Впервые опубликовано в трудах В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи», СПб, 1866 г., ч. 1.
2. Кучник П. В. «Оброттан башкы айытчылары», Ойрот-Тура, 1933.
3. Кучник П. «Кисе «билер, кижи бир», Кызыл Ойрот», 1934, 1 янв., № 1 (650).
4. Кучник П. «Шижилеткен жуучу», «Кызыл Ойрот», 1934, 15 декабря, № 129, (777).
5. Кучник П. «Мысли Дымряна», «Кызыл Ойрот», 1935, 17 марта, № 17.
6. Кучник П. «444-к военный госпитальде», «Кызыл Ойрот», 1935, 23 февраля, № 19.
7. Кучник П. «Коммунар Тыришкинын сакими», «Кызыл Ойрот», 1935, 7 ноября, № 114—115.
8. Павел Кучник «Адыбок». Золотая заря. Перевод А. Контелова. Изд. провин. Новосибирск, 1948, стр. 221.
9. Павел Кучник. «Железный конь», Золотая заря. Авторизованный перевод А. Контелова. Новосибирск, 1948, стр. 119.
10. П. В. Кучник. «Юлдуз Уул». Избранные произведения. Горно-Алтайск, 1953, стр. 98—99.
11. П. Кучник Точка «Сибирские огни», 1939, № 1 Пер. с алтайского Г. Павлова П. Кучника «Алтайда», Ойрот-Тура, 1945.
12. Из письма П. В. Кучника Г. Н. Дружининой от 26 октября 1937 г. Личный архив Г. Н. Дружининой.
13. Г. Дружинина. Романы и взаимоотношение литератур «Дружба народов», 1963, № 7, стр. 254.
14. Из письма П. В. Кучника Г. Н. Дружининой от 17 сентября 1937 г. Личный архив Г. Н. Дружининой.
15. Впервые главы из романа опубликованы в журнале «Сибирские огни», 1944, № 4.
16. Павел Кучник Адыбок «Золотая заря» (избр. произв.) Новосибирск, 1948, стр. 225.
17. К. Зелинский «Октябрь и национальные литературы» М. Художественная литература 1967, стр. 111.

К статье Н. А. Баскакова «Спряжение глагола в кумандинском диалекте алтайского языка».

1. Н. А. Баскаков. Словообразование глаголов в кумандинском диалекте алтайского языка. Ученые Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, вып. VII. Горно-Алтайск, 1967.

К статье Г. Н. Чуминовой «Выражение и типы сказуемого в простом предложении современного алтайского языка».

1. Н. П. Диренкова «Грамматика ойротского языка», М., Л., АН СССР, 1940 г.
2. Н. А. Баскаков и Г. М. Тошаклова. Ойротско-русский словарь. М., Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей, 1947.
3. М. Ф. Сарусева. Категория обстоятельства в алтайском языке. Автореферат канд. дисс., М., 1955.
4. Н. П. Диренкова. Грамматика ойротского языка. М., Л., АН СССР, 1940, стр. 234.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Кишинцев</i> , Деятельность партийной организации Горного Алтая по вовлечению женщин и общественную работу в годы восстановления народного хозяйства	
<i>Д. Табаев</i> , История строительства Чуйского тракта	12
<i>И. Зингарин</i> , К вопросу о реакционной роли духовенства и церковных организаций Горного Алтайской области в годы массовой коллективизации	23
<i>Ф. Сатласа</i> , Изучение кумандишца в историко-этнографической литературе	30
<i>А. Уминский</i> , «Телеутская земляца» в XVII столетии	41
<i>И. Мокорин</i> , Из истории русско-алтайских языковых связей в 40—90 годах XVII века	65
<i>С. Сорокин</i> , Материалы к археологии Горного Алтая	71
<i>З. Казышечна</i> , На пути к реализму (о прозе Павла Кучинки)	89
<i>И. Васлакин</i> , Спряжение глагола в кумандишском диалекте алтайского языка	96
<i>Б. Чунжерова</i> , Выражение и типы сказуемого в простом предложении современного алтайского языка	114
ПРИМЕЧАНИЯ	123

Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск восьмой

Редактор Н. Сербица
Отв. за выпуск Г. Г. Мухоморова
Художественный редактор В. Работский
Технический редактор М. Сарыкова
Корректор Г. Ченуштаева

Сдано в набор 17 XII 1968 г. Подписано к печати 9. VI 1969 г.
Формат 70 × 108^{1/2} мм. Бумага тип. № 3. Усл. д. 11,55. Уч. изд. — 12,08.

ЛГ 00011 Тираж 500 экз.

Алтайское книжное издательство — Барнаул, Ленина, 74
54001750 Типография Управления культуры
Горно-Алтайск, Коммунистический, 27. Цена 84 коп.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр	Строка	Напечатано	Следует читать
22	10 снизу	— Делтареп	— Делггарев
36	3 сверху	... был	... была
77	6 сверху	— могильник Кик-су I	— могильник Кок-су I
120	10 сверху	— образа	образы
125	2 сверху	карте шлаттера	карте Шлаттера
126	35 сверху	— 1887, и др.	1877, и др.
126	39 сверху	т IV	т LV

СОДЕРЖАНИЕ

- В. Казанцева* Деятельность партийной организации Горного Алтая по вовлечению женщин в общественную работу и годы восстановления народного хозяйства
- Д. Табага* История строительства Ч.йского тракта
- И. Эйнгорт* К вопросу о реакционной роли духовенства и церковных организаций Горно-Алтайской области в годы массовой коллективизации
- Ф. Сатшал* Изучение кумандишцев в историко-этнографической литературе
- А. Уманский* «Телеутская земляца» в XVII столетии
- И. Микюрин* Из истории русско-алтайских полюдских связей в 40—60 годах XVII века
- С. Соржикин* Материалы к археологии Горного Алтая
- Э. Казаченка* На пути к реализму (о прозе Павла Кучника)
- И. Васкаков* Спряжение глагола в кумандишском диалекте алтайского языка
- Е. Чунжерина* Выражение и типы сказуемого в простом предложении алтайского языка

ПРИМЕЧАНИЯ

Сдано в набор 17 XII 1968 г. Подписано к печати 9 VI 1969 г.
Формат 70 × 108^{1/2} мм. Бумага тип. № 2 Уд. л. 11,55. Уч. изд. л. 12,08.

ЛГ 0111 Тираж 750 экз.

Алтайское книжное издательство — Барнаул, Алтайск. 70
540000 750. Типография Алтайского книжного издательства
Горно-Алтайск, Коммунистический, 27. Цена 84 коп.

